

Ю. М. Лесман

Скандинавский компонент древнерусской культуры

Keywords: Early Russian Culture, Scandinavians, smithcraft, jewelry, female jewelry, male subculture, weapons, funerary rite.

Cuvinte cheie: cultura rusă veche, scandinavi, fierărie, articole de giuvaergerie, port feminin, subcultură bărbătească, armament, rit funerar.

Ключевые слова: древнерусская культура, скандинавы, кузнечное дело, ювелирные украшения, женский убор, мужская субкультура, оружие, погребальный обряд.

Yu. M. Lesman

Scandinavian Component in the Early Russian Culture

This article is a post-mortem publication of Yu.M. Lesman's paper, in the version it had acquired by 2010. It is an analytical overview of originally Scandinavian elements in the Early Russian culture. The author identifies specificity and dynamics of penetration of Scandinavian components into the Early Russian culture, focusing, particularly, on Scandinavian elements in development of smithcraft ("pack" technology, bundles, etc.) and jewelry, Scandinavian prototypes in the Early Russian female jewelry set and Scandinavian features of the funerary rite.

Yu. M. Lesman

Componentul scandinav al culturii ruse vechi

Prezentul articol reprezintă publicația postumă a lucrării lui Yu.M. Lesman în stadiul la care ea se afla în 2010. Studiul reprezintă o trecere analitică în revistă a elementelor de origine scandinavă în cultura rusă veche. Autorul caracterizează specificul și dinamica pătrunderii acestor elemente. Sunt analizate componentele scandinave din tradiția meșteșugărească de prelucrare a fierului (tehnologie „de lot”, noduri, etc.) și confecționare a podoabelor, prototipurile scandinave în giuvaergeria portului feminin, trăsăturile de origine scandinavă ale ritului funerar.

Ю. М. Лесман

Скандинавский компонент древнерусской культуры

Данная статья является посмертной публикацией работы Ю.М. Лесмана в том виде, какой она приняла к 2010 г. Статья посвящена аналитическому обзору скандинавских по происхождению элементов древнерусской культуры. Автор прослеживает специфику и динамику вхождения скандинавских компонентов в древнерусскую культуру. Рассматриваются скандинавские компоненты в формировании ремесленной традиции в кузнечном деле (пакетная технология, узлы и др.) и ювелирном ремесле, скандинавские прототипы в древнерусском женском ювелирном уборе, скандинавские по происхождению черты погребального обряда.

От редакции

Статью «Скандинавский компонент древнерусской культуры» Ю. М. Лесман готовил к печати на основе доклада, прочитанного на конференции «Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого света». Конференция проходила с 14 по 18 мая 2007 года в Государственном Эрмитаже. Материалы конференции в 2009 г. были изданы, однако статьи Ю. М. в этом издании нет — автор продолжал дорабатывать текст и, как это с ним часто бывало, в срок статью в издательство не сдал.

В компьютере Ю.М. сохранились, по крайней мере, шесть вариантов текста статьи, при этом от варианта к варианту название статьи уточнялось, а объем разрастался. Если в начале марта 2008 г. статья называлась «Скандинавский компонент древнерусской культуры: предварительный эскиз», а объем текста едва достигал 3 п. л., то уже через месяц рукопись увеличилась до 4 п. л., еще через три с половиной месяца она превысила 5,5 п. л., а название приобрело свой окончательный облик. К весне 2009 г. объем достиг 6 п. л. В дальнейшем работа над рукописью свелась к стилистической правке.

Публикация подготовлена на основе последнего из сохранившихся вариантов статьи, датированного июлем 2010 г. Вмешательством в авторский текст явились исправление явных опечаток, мелкая стилистическая правка и унификация ссы-

лок. Публикацию статьи предваряют тезисы доклада 2007 г., сохранившиеся в компьютере Ю. М. Лесмана. Дискуссия по докладу была опубликована в материалах конференции (Сложение... 2009: 569—571, 587—588).

С. В. Белецкий

Тезисы доклада

1. Материальная культура древней Руси как древнерусская археологическая культура. Территориально-хронологические рамки.

2. Этап формирования древнерусской культуры — середина X—XI вв.; центры кристаллизации.

3. Скандинавский компонент в формировании ремесленной традиции. Кузнечное дело (пакетная технология, узлы и др.). Ювелирное ремесло (сложные чеканы-штемпели, завязанноконечные изделия и др.). Способы крепления изделий (железные гвозди, заклепки, обмотки рукоятей и др.).

4. Скандинавский компонент в сложении древнерусского женского убора и, в частности, его локальных «племенных» особенностей. Усвоение и переработка скандинавских прототипов украшений (браслеты, височные кольца, подвески, фибулы и др.).

5. Скандинавский компонент в сложении древнерусской погребальной обрядности. Камерные погребения и их традиция. Жальничные и каменные могильники, их скандинавские прототипы и аналоги. Роль камня в погребальных конструкциях. Погребения в сидячем положении.

6. Русско-скандинавский культурный пласт в археологических проявлениях (типологические особенности вещей и особенности иконографии изображений).

7. Регионально-хронологические различия в восприятии скандинавских компонентов местной культурой. Модель механизмов взаимодействия (усвоения и отторжения скандинавских компонентов).

8. Судьба скандинавского компонента в древнерусской культуре.

* * *

Древнерусская культура формируется на протяжении середины X—XI вв., объединяя огромные пространства лесной и лесостепной (а в какой-то мере и степной) зоны Восточной Европы, занятые ранее мозаикой различных, в той или иной степени различающихся археологических культур, памятники которых иногда соседствуют друг с другом, иногда располагаются чересполосно. Основные из этих культур (памятники которых датируются теми или иными интервалами в промежутке между VI и XI вв.): Луки Райковецкой, роменско-боршевская (с определенными различиями между роменской и боршевской группами, Верхним Поочьем и Подмосковьем), салтово-маяцкая, смоленских длинных курганов, северных (псковско-боровичских) длинных курга-

нов, сопок, курганов юго-восточного Приладожья, мерянская (при всей условности использования этнического наименования), хотя этот список можно расширять, как за счет пограничных территорий, так и за счет более дробной культурной дифференциации. Говоря об этих культурах и об их соотношении с древнерусской, следует учитывать хронологические различия, так как некоторые из них возникли существенно раньше древнерусской, и большинство их памятников предшествуют наиболее ранним древнерусским, а некоторые — лишь ненамного опередили древнерусскую (наиболее поздние — культуры сопок и приладожских курганов), и значительная часть относящихся к этим культурам памятников синхронна ранним древнерусским.

Начиная со второй половины X в. явственно фиксируется процесс распространения новой культурной общности, причем распространение происходит неравномерно и первоначально охватывает не столько обширные территории, сколько отдельные узловые точки: в первую очередь возникающие города, но также и ряд поселений (и связанных с ними могильников) в сельской местности. Как правило, они играли роль своего рода центров кристаллизации новой культурной общности: здесь формировались новые культурные стереотипы, или сюда они раньше проникали и в дальнейшем отсюда транслировались далее. Следует учитывать, что древнерусская культура в X в. представляла собой только зарождающееся явление и еще не выработала устойчивых форм. Как сравнительно однородное (при всех межрегиональных и иерархических различиях: между городами разного статуса и сельскими районами, между субкультурами разных социальных групп) и относительно стабильное явление (обладающее своей динамикой развития) древнерусская культура становится осязаемой реальностью лишь в XI в., а ряд инокультурных групп поглощается ею лишь в первой половине следующего столетия. В целом территориальные границы новой культурной общности соответствуют территориальным границам Древнерусского государственного образования.

При всех успехах археологического изучения древнерусской культуры, основное внимание исследователей было традиционно сосредоточено преимущественно на ее характеристике. Культуры, возникшие раньше и существовавшие на той же территории или на соседних территориях, изучались, в первую очередь, либо сами по себе, либо в рамках ретроспективного метода, нацеленного на поиск корней тех или иных особенностей древнерусской культуры (здесь, не останавливаясь на огромной библиографии, следует назвать в пер-

№5. 2014

вую очередь работы В. В. Седова и, применительно к культурам, входящим в культурный круг, традиционно интерпретируемый как оставленный носителями финно-угорских языков, Е. А. Рябинына).

Как представляется, нерешенность, а нередко и непоставленность многих проблем сложения древнерусской культуры связана с двумя основными причинами (не считая очевидной и вечной нехватки фактических материалов и их недостаточной обработанности). Одна из них носит методологический характер и непосредственно связана с многолетним господством ретроспективного метода, нацеленного на поиск корней (которых нередко оказывается много, а часть на проверку оказывается фиктивными), а не на реконструкцию, изучение и, по возможности, объяснение протекавших культурных процессов.

Вторая носит, скорее, источниковедческо-методический характер — недостаточное внимание к разработке хронологии. С одной стороны, в рамках статично-внутрикультурных или ретроспективных межкультурных исследований надежная и детальная хронология не так и важна. С другой стороны, отсутствие достаточно надежной и детальной хронологии (при всей недостаточности любых результатов), особенно хронологии абсолютной, оперирующей датами, сопоставимыми с реальной динамикой культурных и, шире, реальной динамикой исторических процессов и событий, делало невозможными сколь-нибудь надежные реконструкции процесса становления древнерусской культуры. В последние десятилетия ситуация существенно изменилась. Во-первых, во многих случаях удалось уточнить датировки вещей, комплексов, памятников (Лесман 1996а и др.) и, следовательно, появилась возможность более адекватной характеристики культурного процесса. Во-вторых, появляются исследования, анализирующие сам процесс если не становления, то, по крайней мере, распространения древнерусской культуры (в первую очередь следует назвать монографию А. В. Григорьева, см.: Григорьев 2000). В то же время постепенно все более очевидной становится недостаточность (если не ошибочность) прямых ретроспективно-генетических реконструкций, связывающих древнерусскую культуру с ее непосредственными предшественниками, хотя столь же недостаточно (и ошибочно) полное отрицание связей. Сейчас очевидно, что процесс не был ни плавным, ни линейным. Реконструкция процесса формирования древнерусской культуры — непростая задача, к разрешению которой современная археология только приступает. Настоящая статья — лишь попытка представить предварительный набросок одного из фрагментов этой пока еще в полной мере даже не намеченной картины. Ее задача — выявить основные тенденции вхождения в древнерусскую культуру одного из компонентов ее генезиса — скандинавской культуры эпохи викингов; попытаться реконструировать динамику процессов, локальные особенности, механизмы, определявшие отбор древнерусским обществом тех компо-

нентов культуры, которые усваивались, и тех, которые отвергались. В силу отсутствия пока общей картины генезиса древнерусской культуры, предлагаемые решения носят во многом предварительный характер и будут неизбежно корректироваться в дальнейшем. Недостаточно проработаны пока и многие частные (но далеко не второстепенные) вопросы. Огромные объем материала и территория заставляют в рамках статьи ограничиться лишь самой обобщенной характеристикой сюжетов, сколь бы важны и показательны для общей картины они ни были. Несомненно, ряд скандинавских компонентов древнерусской культуры остался вне поля зрения автора, который надеется, что его работа стимулирует коллег на их выявление и анализ. С другой стороны, автор тешит себя надеждой, что анализ участия скандинавского компонента в генезисе древнерусской культуры стимулирует исследование места и роли других культурных составляющих этого процесса, а также разработку общей модели культурогенеза древнерусской культуры.

При выявлении инокультурных компонентов, вошедших в древнерусскую культуру на этапе ее формирования, речь должна идти в первую очередь не об импортных изделиях, или памятниках (комплексах), оставленных на территории Древней Руси носителями иных культурных традиций, даже не о предметах, несомненно изготовленных на месте, но вне древнерусских культурных норм (насколько мы можем их реконструировать). Наиболее значимы те явления, которые вошли в древнерусскую культуру, а также принципы их отбора культурой: что воспринималось, а что нет; как модифицировались воспринятые явления в процессе аккультурации, насколько широко и быстро они распространились; какова была динамика их распространения в рамках разных субкультур, и насколько устойчиво эти инновации закрепились в культуре. Полный анализ в этом ракурсе всех аспектов древнерусской культуры выходит за границы моих возможностей, поэтому я ограничусь теми явлениями, которые удалось в той или иной степени исследовать, прекрасно понимая, что их круг может (и должен) быть расширен. Речь пойдет о: 1) производственных традициях в кузнечном и ювелирном деле, способах крепежа деревянных изделий и конструкций; 2) сложении типологического состава металлической части женского убора; 3) сложение ряда компонентов мужской субкультуры — в первую очередь комплекса вооружения и миниатюрного оружия; 4) древнерусской погребальной обрядности. За рамками настоящей статьи остается домостроительство, кораблестроение, агротехника, техника обработки кости (в частности, изготовления гребней), дерева (в том числе с использованием токарного станка), проявляющиеся в наборе находок нормы бытового поведения и поддержания личной гигиены (в том числе использование гребней для расчесывания волос), использование тех или иных мотивов и композиций декора, а также другие аспекты древнерусской культуры.

1. Производственные традиции: кузнечное дело, ювелирное ремесло, крепезж

1.1. Сварной трехслойный пакет в технологии изготовления железных ножей

Ножи, изготовленные в соответствии с этой технологической схемой (стальная пластина по оси лезвия и железные по краям, что обеспечивало самозатачивание ножа в процессе эксплуатации) и отличающиеся от прочих также морфологически, были выделены среди древнерусских кузнечных изделий Б. А. Колчиным в 1950-е гг. (Колчин 1953; 1959), который отметил их типичность для Новгорода X—XI и отчасти XII вв. В 1980 г. Р. К. Минасян выделил среди восточноевропейских ножей группу (которая получила номер IV), отличающуюся определенной формой и конструкцией: лезвие с толстым обушком, незначительными уступами при переходе к черенку и, что важно для понимания конструкции ножа в целом, длинным загнутым на конце черенком, на конце которого могла быть железная шайба (Минасян 1980). Подобная конструкция предполагала, что черенок проходил сквозь деревянную или костяную рукоять насквозь и жестко закреплял ее загибом на конце и/или шайбой. Технологически ножи IV группы относятся к классу изделий из трехслойного сварного пакета. Р. С. Минасян отметил их связь со скандинавской культурной традицией. Сейчас происхождение на Руси как пакетной технологии, так и формы/конструкции ножей IV группы ни у кого уже не вызывает сомнения (см.: Терехова и др. 1997). Следует отметить лишь несколько существенных аспектов. В Скандинавии подобные ножи появляются лишь с началом эпохи викингов, то есть синхронно со Старой Ладогой (что не выделяет их из контекста скандинавской культуры, учитывая появление скандинавов в Ладоге еще в эпоху Венделя). Далеко не все ножи, изготовленные в пакетной технологии, имели столь длинный черенок, чтобы его можно было загибать на конце рукояти. У подавляющего большинства ножей эпохи викингов, как в Скандинавии, так и на Руси черенок был несколько более коротким (хотя и длиннее, чем у большинства ножей иных разновидностей) и лишь втыкался в рукоять¹. На территории

Новгородской земли в конце X — начале XII вв. ножи, изготовленные в пакетной технологии, стали фактически единственным использовавшимся здесь типом. Число находок подобных ножей исчисляется тысячами, что, несомненно, говорит о местном производстве большинства из них. В течении XII в. как технология, так и форма таких ножей выходят из употребления² (известны ножи-подражания, изготовленные в более простой технологии, но воспроизводящие форму пакетных), вытесняясь ножами со стальным наваренным лезвием, по форме относящимися к I группе по классификации Р. С. Минасяна. В более южных районах Руси пакетные ножи в X—XII вв. сосуществуют с технологически более примитивными изделиями, лезвие которых лишь цементировалось, а форма характерна для I группы ножей по Р. С. Минасяну (см.: Лесман 1989), в более восточных — с цементированными или цельножелезными ножами с прямой спинкой (Леонтьев 1976: 33—45; 1996: 103—110). К сожалению, при рассмотрении технологии ножей X—XIII вв. центральных и, особенно, южных районов Древней Руси, они характеризуются исследователями суммарно, без должной хронологической дифференциации. В результате делаются выводы о решительном преобладании на подавляющем большинстве памятников (кроме Гнездова и Шестовиц) на протяжении всего этого периода ножей с цельножелезным, цементированным или (в XII—XIII вв.) наварным стальным лезвием (морфологически I группа по Р. С. Минасяну). Между тем, в подавляющем большинстве подвергнутых серийным металлографическим исследованиям коллекциях большинства находок относится к предмонгольскому времени (конец XII в. — 1240 г.), когда пакетная технология и в Новгороде ушла в прошлое. Анализ материалов памятников, на которых доля находок конца X—XI вв. более высока, дал радикально иную картину (Вознесенська, Паньков 2004). Показательно, что все типологически определяемые ножи из датирующегося XII в. самого исследованного курганного некрополя

рошо известны в Скандинавии эпохи викингов и перехода к средневековью (см., напр.: Arbman 1940: Taf. 177: 1a; 178: 2, 3; 179: 1, 3, 4, 6—12; Thunmark-Nylén 1995: 141: 8; 154b: 1; 214b: 9; 220b: 9; 236: 10; 245b: 17; 1998: 181: 6, 7; Lyngstrøm 1995: 81—82). Необходимость дополнительного укрепления рукояти была обусловлена типичным для подобных ножей широким основанием черенка (лишь незначительно уже ширины лезвия) и значительной его толщиной. Такие обмотки известны не только в Скандинавии, но, в немалом количестве, и на Руси, причем в комплексах как X в., так и более поздних (вплоть до XII в. — см., напр.: Рябинин 2001: 256, табл. XL: 5, 6), но они не столь многочисленны, чтобы уверенно говорить о местном изготовлении. Нельзя исключить того, что эти ножи вместе с рукоятями привозились из Скандинавии.

² На Карельском перешейке, где в XIII в., несмотря на политическую ассоциированность с Новгородом, сохраняется специфичная культура корелы, изготовленные в технологии трехслойного пакета и сохранявшие обычную для этой технологии морфологию ножи продолжают бытовать и в XIII в. (Хомутова 1982: 188—194, 197—201; Лесман 1989).

¹ Для части ножей рассматриваемого типа характерен специфический способ дополнительного крепезжа: проводочная обмотка деревянной (реже костяной) рукояти, укреплявшая ее и обеспечивающая более надежное соединение с черенком. Проволока может быть бронзовой или, реже, серебряной, она располагалась на конце рукояти, примыкавшем к клинку. В большинстве случаев, когда обмотка сохранялась хорошо, фиксируется устойчивая система намотки, при которой выпущенные концы свивались и пропускались под обмоткой по линии верха черенка, а самые кончики втыкались в рукоять; реже встречаются модификации этой намотки, имеющие декоративные промежутки или охватывающие всю длину рукояти; иногда обмотка могла выполняться из витой проволоки. Такие ножи хо-

в Переяславле Русском («За тюрмой»), относятся к морфологической группе, которой свойственна пакетная технология (Лесман 2008а). Следует отметить, что ножи рассматриваемой группы характерны на территории Восточной Европы не только для собственно древнерусской культуры, но и еще для двух культурных общностей отчасти ей предшествующих и отчасти синхронных: для культуры сопок (по всей ее территории) и для культуры курганов юго-восточного Приладожья. Эти археологические культуры на северо-западе Восточной Европы не только территориально ближе всего к Скандинавии, но и испытали на себе наиболее мощное скандинавское влияние. В материалах других предшествующих древнерусской восточноевропейских культур подобные ножи встречаются спорадически на заключительном этапе их существования (например, в поздних погребениях длинных курганов, как смоленских, в первую очередь в западной части региона, так и северных, то есть в комплексах, которые могут относиться к X или к первой половине XI в.)³. Таким образом, можно говорить о широком распространении в X—XII вв. принесенной из Скандинавии технологии изготовления самозатачивающихся ножей (технологии трехслойного пакета), причем на территории Новгородской земли эта технология в конце X — начале XII в. господствует, в других же регионах является по меньшей мере широко распространенной.

1.2. Железные гвозди

Железные гвозди — изделия столь обычны для человека нового времени, особенно для горожанина, что редко привлекают внимание археологов (более внимательно относятся к заклепкам, но это связано с их традиционной атрибуцией в качестве ладейных). Поэтому анализ распространения этих предметов весьма затруднен и пока можно наметить лишь самые предварительные общие контуры ситуации (анализ затрудняет тот факт, что нет способов хронологически атрибутировать вырванные из контекста железные кованые гвозди, которые фактически не менялись вплоть до кустарных изделий XX в.). Прежде всего следует отметить отсутствие (полное или, как минимум, почти полное) находок гвоздей на памятниках VI—VIII вв. лесной и лесостепной зоны Восточной Европы в границах будущего Древнерусского государства и древнерусской культуры (единичные находки связаны с привозными предметами)⁴. У юж-

ных границ древнерусской территории в VIII — начале X в. находки железных гвоздей известны на памятниках салтово-маяцкой культуры, оставленной населением Хазарского каганата (Ляпушкин 1958: 131; Раппопорт 1959: 26—27; Сорокин 1959: 151), но жившие несколько севернее носители роменско-боршевской культуры гвоздями, судя по материалам, которые я смог проверить, не пользовались. Севернее памятников салтово-маяцкой культуры гвозди, датирующиеся второй половиной VIII — IX вв., известны лишь в культурном слое Старой Ладоги: ранние находки сравнительно небольшие — длиной около 2—3 см (см. напр. Рябинин 1985: 62, 63, рис. 24: 5), но несколько позже фиксируются и более крупные, несомненно, строительно-крепежные. Возможно, гвоздильня (или волочило?) входила в набор инструментов из производственного комплекса 760-х гг. на Староладожском городище (Рябинин 1985: 57, 59, рис. 21: 3; Старая Ладога 2003: 70, 71, №106). В X в. железные гвозди, помимо Ладоги, известны среди находок на Новгородском Рюриковом городище, на городище Крутик (Голубева, Кочкуркина 1991: 60), в Гнездово, Шестовицах, в погребениях псковского курганного некрополя (не позже середины XI в.). В культурном слое Новгорода, в частности — Неревского раскопа, гвозди, в том числе строительно-крепежные, представлены, начиная с древнейших ярусов, то есть с середины X в. (Колчин 1959: 110, 112—113). В древнерусских слоях как городских, так и сельских поселений гвозди известны (в числе относительно ранних назову находки гвоздей на древнерусском Екиммауцком городище и Алчедарском селище в Молдавии⁵, см.: Федоров 1953: 118), но их массовость из-за отсутствия внимания к ним исследователей оценить по большей части пока трудно. Фиксируется использование железных гвоздей в погребениях — ими нередко сколачивали гробовища. Следует, однако, учитывать, что в культуре русской деревни эпохи позднего средневековья и начала нового времени гвозди в строительстве обычно не использовались: согласно старой характеристике, которая отражает специфику традиционной строительной техники, русский мужик избу одним топором без единого гвоздя поставит. Ситуация в Скандинавии совершенно иная: железные гвозди — обычная находка в комплексах эпохи викингов, не говоря о средневековье. Показательно, что наиболее ранние восточноевропейские находки фиксируются на тех памятниках, где наличие скандинавского культурного компонента в это время не вызывает сомнения. Затем — с XI в. (в Новгороде уже со второй половины X в.) — они входят в круг предметов достаточно

бон счита из кургана в Доложском, на котором сохранились остатки небольших гвоздей (Спицын 1896: табл. 16).

⁵ Относительно этого пограничного древнерусского региона трудно уверенно сказать, каков был источник распространения традиции использования железных гвоздей: северный или южный — юго-западный.

³ Специального рассмотрения заслуживает распространение пакетной технологии в Прикамье (см.: Терехова и др. 1997), где прослеживаются и другие сходства с культурой Скандинавии эпохи викингов и вендельского периода (наиболее заметное — гривны пермского (глазовского) типа, основная концентрация находок которых связана с северо-востоком Восточной Европы, при том, что свойственные большинству из них граненные головки характерны для скандинавской культуры).

⁴ Могу, в качестве характерного примера, назвать ум-

обычных для древнерусской культуры (по крайней мере, в ее городском варианте). Как и в случае с ножами, гвозди представлены в памятниках культур приладожских курганов и сопок, однако если в первой из них в сравнительно поздних погребениях по обряду ингумации, то во второй — в классических кремациях, захороненных в сопочных насыпях, причем не только в Поволховье (где их наличие, учитывая соседство с Ладогой, вполне ожидаемо), но и в других регионах (см., напр., Платонова 2002: 188, 190, 191). Известны находки гвоздей и в смоленских длинных курганах, относящихся к финалу этой культуры (напр., в кургане 7 могильника у д. Рудня Полоцкого р-на вместе с железными заклепками найден и гвоздь, см.: Ляўданскі 1930: 185, 188, табл. V: 3).

Скандинавское происхождение традиции изготовления и использования в Древней Руси железных заклепок (ладейных, а также, возможно, и иного назначения), древнейшие восточноевропейские находки которых происходят из слоев VIII в. Старой Ладogi (Рябинин 1985: 62, 63, рис. 24: 1—4), ни у кого из исследователей сомнений не вызывает.

1.3. Чеканы (штампы) для декорирования ювелирных изделий с рабочей частью в форме треугольника с вписанным в него одним, тремя или шестью кружками

Поверхность многих древнерусских ювелирных изделий XI—XIII вв. декорирована с помощью чеканов (если декор наносился на металлическую заготовку, что более вероятно) или штампов (если декор наносился на восковую модель). Ответ на вопрос, чеканы это или штампы, требует специальных широких технико-технологических исследований, но в любом случае уже сейчас поддается анализу форма рабочих частей самих штампов/чеканов. Композиции декора были разнообразны, обычно представляя собой организованный на основе повторяемости и симметрии орнамент, но набор разновидностей форм самих штампов ограничен: отрезки прямой, пунктирные линии из нескольких более коротких отрезков, кружки, окружности (одинарные, реже двойные концентрические), простые треугольники, а также более сложные и визуально эффектные — треугольники с вписанными в них кружками (одним, тремя или шестью), которые нередко именуют «волчьим зубом» (по широко распространенной композиции, когда два ряда таких треугольников расположены параллельно, углы треугольников каждого ряда направлены навстречу друг другу, причем, как правило, острие одного ряда направлено на промежуток в другом). Как показал анализ надежно датированных новгородских находок (Лесман 1989а), подтверждаемый анализом находок из погребальных комплексов, на собственно древнерусских изделиях подобный прием декорирования распространяется

лишь во второй половине XI в. (в Новгороде — начиная со слоев 26 яруса Неревского раскопа, датирующегося 1055—1076 гг.)⁶. Единичные ювелирные изделия более раннего времени в Восточной Европе известны (начиная с IX в.), но все они представлены исключительно типами, характерными для Скандинавии (в первую очередь фибулами, а также щитообразными, креслообразными подвесками, вырезанными из серебряной пластинки подвесками-крестиками, браслетами и др.). При этом в самой Скандинавии изделия, декорированные подобным образом, хорошо известны на протяжении всей эпохи викингов (Arbman 1940: Taf. 46: 1, 2; 49: 2, 5; 55: 1a, 2a, 4a; 65: 3; 72: 5; 97: 13; 99: 8; 108: 7; 109: 3; 111: 4, 6—9, 11; 125: 3; 127: 2; 215: 3; 216: 13). Следует отметить, что скандинавские штампы в целом были существенно более разнообразны, чем древнерусские (Stenberger 1958: 287—296). Наряду с теми же, что известны и на Руси, в Скандинавии, широко представлены разнообразные геометрические фигуры с вписанными в них кружками: треугольники (с числом вписанных кружков от одного до по крайней мере девяти), ромбы (в небольшом количестве известные и на северо-западе Руси, но пока трудно сказать, имеем ли мы дело с собственно древнерусскими изделиями или прибалтийско-финскими), дуги, шестиугольники, трапеции и другие более сложные геометрические фигуры. Некоторые достаточно сложные разновидности штампов фиксируются еще в вендельское время, например, дуги, используемые впоследствии для изготовления ладьевидных браслетов, орнаментированных вертикальной змейкой (Ørnsnes 1969: 87—93, Turpentaft. 8). На Руси получают распространение лишь наиболее простые из форм штампов, предполагающие относительно простую форму и конструкцию самих чеканов, причем происходит это на полтора-два столетия позже появления здесь скандинавских ювелирных изделий, декорированных подобными (и более сложными) чеканами.

1.4. Волочение проволоки из цветных (сплавы меди) и благородных (серебро, золото) и их сплавы металлов

Известные сейчас древнерусские провололочные изделия XI—XIII вв. исчисляются тысячами, многочисленны находки самой проволоки — отходы производства и заготовки. В подавляющем большинстве случаев это волоченная проволока, изготовленная путем протягивания (волочения) заготовки через железную пластину с небольшими отверстиями (волочило). Другие технологические варианты изготовления проволоки (литье, ков-

⁶ Изделия, декорированные подобными штампами, выходят в Новгороде из употребления во второй половине XIII в. — наиболее поздние находки происходят из слоев 13 яруса Неревского раскопа, датирующегося 1268—1281 гг.

ка, сворачивание тонкой раскованной пластинки) на древнерусских памятниках встречаются реже. Иной была ситуация в предшествующий период. В третьей четверти I тыс. изделия из волоочной проволоки в лесной и лесостепной зоне не известны. Первые находки связаны со Старой Ладогой, причем здесь в составе комплекса разнообразных ювелирных инструментов, датированного 760-ми гг., мы имеем не только проволоку, но и волочила (Рябинин 1985: 54, 55, 57, 59—62, рис. 21: 4; 23: 13, 15, 16)⁷. Несколько более позднее (но в пределах IX в.) волочило найдено в горизонте E₁ (Давидан 1980: 62, 63, табл. 2: 12). Вплоть до первой половины X в. находки изделий из волоочной проволоки демонстрируют корреляцию с хорошо атрибутируемыми скандинавскими находками (Старая Ладога, городище Крутик, Рюриково городище, Новоселки, Гнездово, Тимерево, Сарское городище, Шестовицы, Киев и др.). Однако, достаточно рано появляются ювелирные изделия не характерных для Скандинавии типов, изготовленные из волоочной проволоки. Так, в Старой Ладоге найдены изготовленные из волоочной проволоки колечки с загнутым в спираль кольцом (близкие достаточно типичным для XI—XIII вв. спиралекопечным серьгам/височным кольцам), причем происходят они из слоев, датированных временем начиная с IX в. С середины X в. число находок изделий из волоочной проволоки резко возрастает, а с рубежа X—XI вв. они становятся массовыми. Следует отметить, что изделия из волоочной проволоки серийно представлены в культурах Северо-Запада: в сопках и приладожских курганах, а в других восточноевропейских культурах малочисленны и известны лишь на завершающей их стадии. С другой стороны, на крайнем юго-западе Древнерусского государства волочило X — первой половины XI в.⁸ обнаружено на Екимаяцком городище

⁷ Один из входящих в комплекс и упомянутых выше инструментов мог быть как гвоздильней, так и волочилом.

⁸ Вопрос о датировке Екимаяцкого городища остается дискуссионным. Г. Б. Федоров датировал его IX — первой половиной XI в. (Федоров 1953: 110, 112, 114). Рассматривая датировку городища Алчедар, Т. В. Равдина считает необходимым сузить дату его существования: вместо предлагаемой Г. Б. Федоровым даты (конец IX—XII вв.) дает чрезвычайно узкую: «несколько десятилетий до середины 70-х гг. X в.», считая, что и городище Екимаяцкое тоже существовало только в этот короткий период (Равдина 1988: 66—67). Не рассматривая детально вопрос о хронологии этих памятников (что и невозможно без привлечения по большей части не опубликованных находок), отмечу лишь, что одним из важнейших аргументов Т. В. Равдиной является нумизматический — находки серии саманидских монет с датами чеканки в рамках первой половины X в. (от 291 до 336 г. х.), однако, во-первых, из 21 монеты (19 на Екимаяцком городище, 2 на Алчедарском) 12 — подражания и, главное, во-вторых, 16 из них использовались в качестве подвесок (Нудельман 1967: 89—90; 1985: 85—88), то есть отражают не только (и не столько) в той или иной степени динамичное денежное обращение, сколько долговременную традицию ношения изготовленных из монет круглых подвесок.

в Молдавии (Федоров 1953: 119, 120, 122, рис. 51: 7), куда традиция волочения могла прийти как с севера — северо-востока, так и, что не менее, а может быть, и более вероятно, с юга — юго-запада, однако этот вопрос требует специального исследования. К вопросу о технологии изготовления проволоки в Древней Руси обращался Б. А. Рыбаков, который считал, что «изделия из ковальной проволоки доходят до XI в., но едва ли переходят в следующее столетие, когда появляется новая техника изготовления проволоки — волочение, и в курганах XII—XIV вв. все возрастает количество проволочных украшений» (Рыбаков 1948: 161). В этом заключении много ошибочного, но есть и верные наблюдения. В самом деле, количество проволочных изделий среди древнерусской ювелирной продукции с XII в. возрастает, технологияковки (и литья) в производстве проволоки теснится волочением, но внедрение технологической инновации происходит не на рубеже XI и XII вв. в рамках прогрессивного развития древнерусской культуры, а существенно раньше — на этапе ее формирования. Уже в комплексах XI в. (причем его первой половины) значительная часть проволочных колец (традиционно именуемых височными) изготовлена из волоочной проволоки. Динамика распространения изделий из волоочной проволоки и технологии волочения по обширной территории Восточной Европы еще требует изучения, однако широкое использование таких изделий в XI в., несомненно, уже охватило Северо-Запад, Верхнее Подвинье, Верхнее Поднепровье и Верхнее Поволжье. В Новгороде Н. В. Рындина фиксирует наличие волоочной проволоки начиная с 27 яруса Неревского раскопа, отложения которого датируются 972—989 гг., причем еще и в XIV в. ковальная и волоочная проволока сосуществуют (Рындина 1963: 209—212). В Скандинавии изделия из волоочной проволоки широко распространены на протяжении всей эпохи викингов (с конца VIII в. или с рубежа VIII—IX в.), а для предшествующего вендельского времени не характерны.

1.5. Завязывание узлом концов металлических изделий

Такой прием соединения концов металлических изделий с целью получения замкнутой конструкции фиксируется еще с эпохи бронзы (Herzfeld 1941: 147—148, fig. 264). Однако бытование этого приема не демонстрирует непрерывной традиции. Для древнерусских памятников XI—XII вв. наиболее характерны узлы, полученные следующим образом: проволочные или дровяные концы складывались во встречном направлении, а затем самые кончики спирально закручивались в несколько оборотов или хотя бы загибались. Другой вариант узла, при котором концы сцеплялись петлями, образованными загибом проволоки или дрота, причем каждая из петель скреплялась путем обматывания кончика вокруг основы в основании петли, несколько более редок и представлен почти исключительно декоративно услож-

ненной его разновидностью, дававшей эффективный спиральный щиток. Для получения такого щитка концы проволоки сначала загибаются в простые петли, которые цепляются друг за друга; затем концы проволок соединяются и формируется плоская спираль; на последнем этапе окончания обматываются вокруг основы по обе стороны спирального щитка. Обычно такой щиток разворачивался в плоскости, перпендикулярной плоскости самого кольца, но, начиная с XI в., известны и немногочисленные кольца, щиток которых развернут в плоскости самого кольца. Находки последней четверти I тыс. не столь распространены, а открывают их колечко с подвешенным на него пинцетом из нижнего горизонта слоя ЕЗ Староладожского городища⁹ (Davidan 1992; Старая Ладога 2003: 82, 83, №172). Более ранние изделия подобной конструкции происходят из степной, лесостепной и самого юга лесной зоны Восточной Европы, но относятся ко времени не позже начала — первой половины V в. (наиболее поздние в комплексах черняховской культуры). Лишь на некоторых памятниках Крыма и черноморского побережья Кавказа они доживают до VII в. — могильники Скалистинский в горном Крыму (Веймарн, Айбабин 1993: 100—102, рис. 72: 29) и Дюрсо под Новороссийском (Дмитриев 1982: 85, 88, 89, 91, 92, 94, 95, рис. 6: 63; 8: 4, 9, 11—12; 10: 1—2). В памятниках византийского культурного круга завязанноконечные изделия после V в. неизвестны¹⁰. Следует отметить, что непрерывно с римского времени вплоть, по крайней мере, до VIII в. традиция завязывать концы металлических изделий бытует лишь у ряда групп германцев в Западной Европе (франков, баваров, алеманов, фризов и саксов, а у готов и вандалов вплоть до краха их политической и культурной самостоятельности) и в Британии. В Скандинавии завязанноконечные изделия представлены в римское время, но затем почти не известны в эпоху переселения народов и в вендельский период, то есть вплоть до середины — третьей четверти VIII в. Наиболее ранний комплекс — урновое трупосожжение в кургане 35 культурно смешанного могильника Амрум на датско-фризском пограничье

(Olshausen 1920: 243—248, Abb. 164—168; см. также: Arbman 1937: 135—138, Abb. 26), где в одном комплексе встречены типы, характерные как для вендельского времени, так и для начала эпохи викингов (бронзовая булавка, диск которой декорирован зооморфными изображениями, на завязанном простым двойным узлом колечке¹¹, см.: Olshausen 1920: 244—246, Abb. 165; Arbman 1937: 136—138, Abb. 26), что позволяет датировать его временем между серединой и концом VIII в. (в зависимости от того, как датировать конец вендельского периода и начало эпохи викингов). К IX—X вв. в Скандинавии относятся уже тысячи завязанноконечных изделий. В IX в. это, как правило, небольшие колечки¹² (из железа, сплавов меди, серебра, золота), затем к ним добавляются браслеты, перстни, разнообразные подвески и пр. В Восточной Европе за единственной староладожской находкой VIII в. следуют в IX в. по крайней мере семь или восемь, в том числе три или четыре с горизонта Е1 Старой Ладоги (латунное кольцо с коническим игольником на цепочках из S-видных звеньев, см.: Давидан 1976: 115, рис. 8—9; Davidan 1992: Abb. 10: 27; Старая Ладога 2003: 78, 79, №144¹³; бронзовое кольцо с аналогичной цепочкой, см.: Davidan 1992: Abb. 10: 30; Старая Ладога 2003: 78, 79, №145¹⁴; бронзовая кресаловидная подвеска, см.: Davidan 1992: Abb. 8: 4; Старая Ладога 2003: 78, 79, №150¹⁵; возможно, к этому же времени¹⁶ относится бронзовое кольцо с булавкой, см.: Старая Ладога 2003: 70, 72, №113), одна из кургана 4 Староладожского могильника Плакун (колечко с цепочкой¹⁷, см.: Корзухина 1971: 60, рис. 17: 17; Назаренко 1985: 166, 168, рис. 6: 15). Бронзовое завязанное кольцо найдено в яме комплекса 17 Рюрикова городища под Новгородом, причем в заполнении той же постройки находился небольшой монетный кладик с младшей монетой, чеканенной в 820 г. (Носов 1990: 93, 100). На два узла завязаны концы колечек, на которые подвешен пинцет из кургана 5 в Новоселках (Шмидт 1963). Рубчатое серебряное кольцо с цепочкой из с. Мишнево Калужской губ. найдено в составе

⁹ Хр.: ОАВЕС ГЭ, инв. №ЛДГ-541. Найден в обводной канавке постройки первого строительного горизонта Староладожского городища. Пользуюсь случаем выразить благодарность С. Л. Кузьмину за детальную стратиграфическую атрибуцию находки.

¹⁰ Существовавшая долгое время недостаточная хронологическая дифференцированность памятников как в Средиземноморье, так и на юге Восточной Европы, а также серийность завязанноконечных изделий в первой половине I тыс., привели в свое время А. Таллгрена (Tallgren 1925: 146), а затем Т. Арне (Arne 1911: 39—40) (с некоторым расширением истоков и на арабский восток) и М. Стенбергера (Stenberger 1958: 99—100) к выводу о заимствовании варягами традиции завязывать концы металлических изделий на юге Восточной Европы. Этот же вывод о происхождении указанной конструкции от сохранившейся в византийском ювелирном искусстве античной традиции, а затем, о распространении ее около X в. с берегов Черного моря через Русь до Скандинавии, повторяет и В. П. Левашова (Левашова 1967а: 213).

¹¹ На еще одном завязанном простым двойным узлом железном колечке была подвеска-молот с длинной рукоятью.

¹² В том числе и набранные из таких колечек (предварительно сжатых и согнутых) цепочки.

¹³ Хр.: ОАВЕС ГЭ. Оп. 70, инв. №ЛД/453.

¹⁴ Хр.: ОАВЕС ГЭ. Оп. 84, инв. №ЛДГ/118.

¹⁵ Хр.: ОАВЕС ГЭ. Оп. 8/941. Эта же подвеска (под полевым номером СЛ-241) в публикации 1980 г. отнесена к горизонту Д (Давидан 1980: 65), что предполагает несколько более позднюю датировку.

¹⁶ Найдено в раскопе Староладожской археологической экспедиции (рук. А. Н. Кирпичников), заложенном в 1997 г. на краю Земляного городища у берега р. Ладожки. Местоположение раскопа делает стратиграфию его напластований менее надежной, чем для раскопов в центральной части городища.

¹⁷ Хр.: ОАВЕС ГЭ. Оп. хр. 65.

денежно-вещевогоклада с младшей монетой, чеканенной в 867 или 869 г., причем рубчатая проволока справедливо определена Г. Ф. Корзухиной как «западная работа» (Корзухина 1954: 60).

В X в. номенклатура найденных в Восточной Европе (как и в Скандинавии) изделий с завязанными на два узла концами резко расширяется. Браслеты, перстни, гривны, кресаловидные подвески, наиболее массовы небольшие колечки, концы которых завязаны на два узла, они представлены большой серией находок как из культурного слоя поселений, так и из погребений и кладов. На колечки часто подвешивались различные предметы, а иногда на них напущена стеклянная бусина. По крайней мере часть колечек с бусами использовались, как следует из расположения инвентаря в погребениях, в составе ожерелий (в соответствии со скандинавской, а в предшествующий период общегерманской традицией). Кольца с завязанными на два узла концами найдены, помимо уже упоминавшихся Ладоги и Рюрикова городища, в курганах Юго-Восточного Приладожья, в Новгороде, Псковском некрополе, на городище Крутик под Белоозером (где они могут относиться и к IX в.), на Сарском городище, в Михайловском и Тимеревском могильниках и Тимеревском поселении под Ярославлем, во Владимирских курганах (Городище, Весь, Васильково), Витебске, в Гнездове (на поселении, в том числе в составе кладов, и в курганах), на городище Супруты, в Черниговских и Шестовицких курганах, в Киеве (в погребениях и кладах), в нескольких южнорусских кладах (Корзухина 1954: №16, 17, 20) и др. Ко второй половине — концу X в. относятся первые находки проволочных браслетообразных серег/височных колец, концы которых завязывались простым двойным узлом. Такие кольца в XI — начале XII вв. становятся массовым украшением на обширных пространствах центральных регионов Восточной Европы (о них см. ниже, а также: Лесман 1996). С X в. параллельно с простым двойным узлом получает распространение (хотя и не столь массовое) спиральный узел (им завязывались концы перстней, браслетов, реже кольцевидных фибул и небольших колечек для подвешивания других изделий). Различные завязанноконечные изделия встречаются на памятниках фактически всех регионов древнерусской культуры, но их массовость и типологический состав различны. На Северо-Западе и Севере это разнообразный набор изделий, среди которых количественно наиболее заметную роль (как и в Скандинавии) играют проволочные или дровяные колечки небольшого диаметра, изготовленные из всего набора пригодных к завязыванию и известных на Руси металлов (сплавы меди, железо, серебро, золото). В бассейне верхних течений Днепра, Двины, Волги это преимущественно проволочные браслетообразные завязанные на простой двойной (реже одинарный) узел кольца (височные или серьги). На территории Белоруссии несколько выше, чем в других регионах, доля витых завязанноконечных брасле-

тов. В Южной Руси относящиеся к XI—XII вв. находки завязанноконечных изделий менее многочисленны, хотя и не редки. Например, в датированном XII в. наиболее исследованном курганном могильнике Переяславля Русского «За тюрмой» найдены пять завязанноконечных колец: три кольца с бусиной (скорее всего, от ожерелья), один перстень и одно кольцо неизвестного назначения, возможно, перстень (Лесман 2008а). В Новгороде завязанноконечные изделия представлены достаточно большой серией, что позволяет уверенно говорить о хронологии их бытования: до времени функционирования 18 яруса Неревского раскопа (условно — до 1177 г.)¹⁸. Тем же временем датируются аналогичные кольца из сельских могильников, поселений, а также из кладов. Следует отметить логическую связь между распространением технологии волочения и приема завязывать концы металлических изделий: именно волоченная проволока легче всего поддается деформации на изгиб и, соответственно, именно ее легче всего завязывать. Завязывать можно и достаточно тонкие кованые части изделий, а труднее всего завязывать литые заготовки. С этим, в комплексе с культурными традициями и модой, связано широкое распространение приема завязывания концов металлических изделий вслед за внедрением технологии волочения.

2. Типологический состав женского убора

2.1. Завязанноконечные «кривичские височные»¹⁹ кольца»

После известной статьи А. А. Спицына (Спицын 1899) за височными кольцами в славяно-русской археологии закрепилась репутация «этноопределяющих», при этом многочисленные браслетообразные кольца с завязанными на два узла концами получили этническую атрибуцию «кривичских». Этот тип колец обычно датируют XI —

¹⁸ В раскопах, стратиграфия и хронология которых уже разработаны, найдено 23 различных кольца (височные кольца/браслеты, перстни, небольшие колечки) с завязанными концами: ниже 28-1943; 27-31-22 (?), 205, 240; 27/26-28-939; 26-26-1789; 25-28-939; 25-25-1829; 24-29-789; 24-28-3; 24-27-355, 868; 23-24-906; 23-22-1106; 22-24-375; 21/20-28-763; 18-24-1858; 18-23-1196; Ильинский раск. 26-115; Буяный раск. 16-17-17; а также изолированные, по видимому, случайные находки 15/14-21-820; 9-15-2057). Наиболее ранняя находка (ниже 28-1943) происходит из доярусного слоя, датирующегося серединой X в., наиболее поздние из надежных находок (18-24-1858; 18-23-1196) датируются (с известной долей условности) 1161—1177 гг.

¹⁹ Атрибуция колец в качестве «височных» (то есть украшений, крепившихся к волосам или головному убору, а не серег — подвесок, крепившихся непосредственно к отверстиям в ушах) во многих (если не в большинстве) случаях не верна, однако с точки зрения рассматриваемых в статье проблем это не важно. Поэтому термины «височные кольца» и «серьги» будут далее использоваться параллельно без уточнения.

началом XII вв. (Шмидт 1957: 205—206). Однако из поля зрения исследователей выпал вопрос об их происхождении, в лучшем случае дело ограничивается констатацией наличия нескольких экземпляров в погребениях по обряду кремации (Седов 1970: 114) или не опирающимся на археологические материалы предположением о распространении на провололочные кольца существовавшей якобы традиции завязывать «еще чем-то» концы серповидных (проволочно-пластинчатых) височных колец (Седов 1994: 98; 1995: 238)²⁰.

В X в. получают распространение завязанные на два узла кольца диаметром 5—10 см. Первоначально это браслеты (из дрота или витые, утончающиеся к завязке), однако для второй половины столетия известны и кольца (из Новгорода, из погребений по обряду кремации Тимеревского и Михайловского могильников), относительно которых невозможно с определенностью сказать: браслеты это или височные кольца. Это кольца из тонкого дрота или проволоки, реже витые, но тоже достаточно тонкие и сохраняющие примерно одинаковое сечение по всей окружности. Иногда в камерных погребениях по обряду ингумации такие кольца находят на руках (камерное погребение кургана Ц-198 раск. 1976 г. из Гнездова²¹; погребения в курганах 459 Тимеревского мог. раск. 1977 г. и 17 Михайловского мог. раск. 1961 г.²²), но в то же время появляются и первые кольца, использовавшиеся в качестве височных (т. е. в прическе, головном уборе или в качестве серег). Наиболее ранние находки, относящиеся ко второй половине — концу X в.: серебряное кольцо диаметром 7 см из камерного погребения в кургане 100 Тимеревского могильника²³, датирующегося концом X в., судя по находке в нем трехбусинного височного кольца и семи дирхемов, младший из которых чеканен в 976 г. (Фехнер, Недошивина 1987: 76, рис. 5; Пушкина 1997: 124, 129, 130, рис. 2: 5;)²⁴, а также,

²⁰ «Браслетообразные височные кольца с завязанными концами... восходят... несомненно к аналогичным, но не завязанным кольцам, ... постепенно вытеснили проволочно-пластинчатые, восприняв обычай завязывания на концах (проволочно-пластинчатые кольца завершались крючкообразными завитками, которые, вероятно еще чем-то завязывались)» (Седов 1995: 238).

²¹ Благодарю Т. А. Пушкину за предоставленные неопубликованные сведения.

²² Благодарю за сведения Н. Г. Недошивину.

²³ Раскопки 1974 г. Материалы хранятся в ГИМ (оп. 2129/108, инв. №103390). Благодарю за сведения Н. Г. Недошивину.

²⁴ Атрибуция этого кольца как височного не однозначна. Т. А. Пушкина (Пушкина 1997: 129), опираясь на публикации и Отчет о раскопках, определяет его как височное кольцо (как и Н. Г. Недошивина в адресованном мне письме), однако в совместной статье М. В. Фехнер и Н. Г. Недошивина опубликовали это кольцо как браслет. Имеются расхождения и в составе находок, в частности, в перечне Т. А. Пушкиной отсутствует опубликованное авторами раскопок трехбусинное кольцо (Фехнер, Недошивина 1987: 76, 80, 82, рис. 5). Следует отметить, что в ста-

скорее всего, два серебряных кольца с нанизанными на них стеклянными бусинами (по 2 шт.) диаметром 7,5 и 8 см из Гнездовского клада 1868 г.²⁵ (Гуцин 1936: 56, табл. III: 17, 20; Корзухина 1954: 87, №23: 8). Интерпретировать их (хотя и предположительно), вслед за Г. Ф. Корзухиной, в качестве именно височных колец/серег позволяют нетипичные для браслетов бусы и значительный диаметр — слишком большой для колечек с бусами из состава ожерелья (как полагал А. С. Гуцин, см.: Гуцин 1936: 56).

XI — начало XII вв. — время массового распространения завязанных на два узла браслетообразных височных колец (серег), которые на значительной части древнерусской территории занимают ведущее место среди других завязанных на двойной узел изделий. Браслетообразные кольца найдены почти на двух сотнях памятников (Седов 1982: стр. 160—161)²⁶, счет же самих колец идет на тысячи. Находки их в погребениях по обряду кремации (с учетом условности атрибуции в качестве именно височных колец, а не браслетов) немногочисленны, и большинство из них, скорее всего, относится к рубежу X—XI — первой половине XI вв., хотя для некоторых не исключена и более поздняя датировка. Это три комплекса из Верхнего Поднепровья²⁷, четыре ком-

плексы М. В. Фехнер и С. А. Яниной (Фехнер, Янина 1978: 189) комплекс на основе дат чеканки монет был датирован временем чуть более ранним (70—80-е гг. X в.), чем это представляется верным мне. Насколько можно судить по известным мне материалам, трехбусинные кольца с полными тисненными бусами и одним спирально закрученным кольцом ранее конца (последнего десятилетия) X в. на территории Древней Руси не известны.

²⁵ Хранится в ОАВЕС ГЭ, колл. 994/9, 10.

²⁶ Некоторые из вошедших в список В. В. Седова памятники (всего в списке 181 пункт) дали находки не височных колец, а колец иного назначения (например, два колечка из бронзовой проволоки с завязанными на двойной узел концами раскопанного 1956 г. кургана 1 в могильнике Городиловка I под Новогрудком, см.: Гуревич 1962: 186, рис. 90: 7, 8). Список может быть расширен (в частности, за счет материалов раскопок последних десятилетий), но это не меняет общей картины. Опубликованная В. В. Седовым через 13 лет карта (Седов 1995: 295, рис. 69) содержит лишь 166 пунктов (без названий памятников), критерии исключения (при том, что некоторые памятники на карту добавлены), к сожалению, автором не указаны.

²⁷ Курган 17 у д. Березовка под Дорогобужем (Спицын 1892: 39), курган 2 в «нагорной» и единственный раскопанный курган в «луговой» группах у д. Копенево на р. Вязме (Клетнова 1912: л.105—108). В кургане №2 «нагорной» группы «вместе с сильно пережеженными остатками костей были сметены в кучу довольно многочисленные предметы женских украшений, и даже удалось собрать остатки шерсти» (то есть находки не побывали в огне), в том числе найдены «два тонких серебряных височных кольца с характерной узловой вязкой», а также, среди прочих украшений, бубенчики «с насечками на четырех подогнутых лопастях» (датируются, судя по новгородским находкам, временем, условно синхронизируемым с периодом не позднее функционирования 19 яруса Неревского раскопа, т. е. до 1161 г.) и лунницы «с остатками эмалевых украшений» (изделия с эмалью датируются, судя по новгородским находкам, временем, условно синхронизируемым

№5. 2014

плекса из Верхнего Подвинья²⁸ и два из бассейна Верхней Волги²⁹. Рубежом X—XI вв. датируются височные кольца из камерного погребения кургана 26 могильника Избище в верховьях Вилии (Штыхаў 1992: 9, 81, 84)³⁰. Следует отметить, что концы сохранившихся колец из кремаций (с оговоркой на возможную деформацию), как и колец из Избищ, завязаны не на аккуратный двойной узел, а небрежно обвиты друг относительно друга, то есть, скорее всего, представляют собой неумелые подражания, проволока у концов колец (в зоне узла) может утончаться, но остается круглой. По-видимому, характерная для классических завязанноконечных браслетообразных колец традиция предварительно расклепывать обматываемые концы проволок распространяется в сельских могильниках не сразу. Уже к началу XI в. браслетообразные завязанноконечные кольца на юге достигают Белой Вежи³¹.

Для большинства древнерусских браслетообразных завязанноконечных колец XI—XII вв. характерны раскованные концы проволок, которые обвивают основу. В Скандинавии такой прием предварительной обработки заготовки изве-

стен уже с третьей четверти X в., причем наиболее ранние находки — это колечки из кладов, найденных на территории средневековой Дании (включая Борнхольм): Filboma (младшая монета чеканена в 953/954 г., №7)³², Skjeppingegaard (младшая монета чеканена в 962—973 г., №2)³³, Smedby gård (младшая монета чеканена в 964/965 г., №24)³⁴, из Kongens Udmark (младшая чеканена в 967/968 г., №3)³⁵. В Швеции (включая Оланд и Готланд) он получает распространение несколько позже — в последней четверти — конце X в., около рубежа X—XI вв. появляется и на Руси.

Браслетообразные завязанные на простой двойной узел височные кольца бытовали сравнительно недолго — менее 150 лет. Предложенная Е. А. Шмидтом верхняя дата — начало XII в. (Шмидт 1957: 205—206) — в целом подтверждается дендродатированными новгородскими материалами, но может быть несколько расширена до всей первой трети XII в., исходя из того, как представлены в Новгороде находки проволочных колец достаточно большого диаметра (начиная с 48 мм)³⁶. Хотя находки из культурного слоя не удается надежно дифференцировать на височные кольца и браслеты, этой дате не противоречит и совстречаемость колец в одних комплексах с другими датированными типами вещей. Тем более массовой представляется мода на них в средней полосе древней Руси (на территории Смоленской, Полоцкой и Ростово-Суздальской

с периодом после начала отложения 21 яруса Неревского раскопа, т. е. после 1096 г.), что позволяет условно синхронизировать комплекс с 21—19 ярусами и датировать его 1096—1161 г. С учетом датировки в Новгороде самих браслетообразных колец (не позднее функционирования 20 яруса Неревского раскопа, т. е. до 1134 г. — см. ниже) дата сужается до 1096—1134 г. При этом нельзя исключить, что Е. Н. Клетнова не смогла расчленив найденные в одной насыпи остатки кремации и более поздний комплекс (Клетнова 1912: 107—108). Что касается кургана в «луговой» группе, нет уверенности в том, что в кургане найдено именно браслетообразное кольцо, т. к. сама находка не сохранилась, а в отчете Е. Н. Клетновой оно описано как «небольшой кусок бронзовой проволоки в 3 см» (Клетнова 1912: 106). И. В. Белоцерковская называет еще один курган с кремацией, содержащий «бронзовое височное браслетообразное кольцо с правильной завязкой» (Белоцерковская 1975: 60), однако А. Н. Лявданский, на которого она ссылается, писал, что найдено «маленькое бронзовое височное кольцо» (Лявданский 1932: 24); при этом следует учитывать, что атрибуция найденного в погребении по обряду трупосожжения кольца в качестве височного является лишь предположением.

²⁸ Курган 23 могильника Вышедки на водоразделе Ловати и Западной Двины (Штыхаў 1992: 140—141), курган 39 могильника у д. Черневици II в бассейне Дисны (Енуков 1990: 54), курган 3 у д. Селище в том же районе (Дучыц 1994: 123—125), а также, возможно, учитывая фрагментарность кольца, курган 19 могильника Глинице под Полоцком (Штыхаў 1992: 50, рис. 33: 18). К сожалению, и сами находки, и отчетные материалы (за исключением обзорной публикации — Голубович, Голубович 1945: 126—137) остались мне недоступными.

²⁹ Курган 19 Березовецкого могильника на оз. Селигер (Успенская 1993: 89, 126) и погребение 2 в кургане 12 могильника Телешово I на р. Согоже, левом притоке Шексны (Кудряшов 2003: 155—156, рис. 5а: 4).

³⁰ В том же комплексе найдена скандинавская подвеска (Лесман 2003: 72—73; Дернович 2006: 39, 62, рис. 26).

³¹ «Слой второй беловежской застройки», конец X — начало XI в. (Артамонова, Плетнева 1998: 575, рис. 18: 1084).

³² Filboma, Helsingborg, Skone, монетно-вещевой клад (Hård 1976: 49—52, Taf. 35: 4, 23; №66): 2 колечка на браслете и фрагмент браслета (?), широко (до 5 мм) расклепанные концы которого завязаны, точнее, обмотаны вокруг утончающегося к ним круглого дрота. Младшая монета (из 131, в том числе 96 фрагмент) — дирхем 953/954 г.

³³ Skjeppingegaard, Rø S., Bornholm, монетно-вещевой клад (Skovmand 1942: 117—121, №55, Fig. 26): три колечка на концах соединенных кольцом цепочек. Младшая монета (из 36) — денарий Оттона I, тип 962—973 г. (Р. Сквоманд в качестве младшей монеты указывает дирхем 954 г., датируя клад около 970—80 г., но Й. Стекер, описывая входящий в состав клада крест типа I.2.2, приводит уточненное определение монеты Оттона I, см.: Staecker 1999: 436, №42).

³⁴ Smedby gård, Tingstads sn., Östergötland, монетно-вещевой клад (Duczko 1985: 652, 654, 655, fig. 12): проволочное колечко. Младшая (из 55 целых и 497 фрагментов) монета — дирхем 964/965 г.

³⁵ Kongens Udmark, Vester Marie S., Bornholm, монетно-вещевой клад (Skovmand 1942: 127—130, №61, Fig. 28): одно из пяти колечек на конце цепочки. Младшая монета (из 124) — дирхем 967/968 г.; Р. Сквоманд датировал клад около 980 г.

³⁶ Таких колец (как однопроволочных, так и свитых из 2—3 тонких (до 1 мм в диаметре), не утолщающихся в средней части, что свойственно браслетам, завязанных с разной степенью аккуратности, в Новгороде найдено восемь (27-31-22, 205; 26-26-1789; 25-25-1882; 24-29-784; 23-25-1829; 23-22-1106; 21/20-28-763). Вместе с двумя витыми кольцами, петлевидные концы которых связаны друг с другом (ниже 28-33-166; 24-27-868), они образуют группу проволочных завязанноконечных колец, не очень многочисленную (10 экз.), но все же позволяющую получить хотя бы предположительную дату: до 1134 г. (не позже времени функционирования 20 яруса Неревского раскопа).

земель), где височные кольца являются в XI — начале XII в. не только основной разновидностью изделий с завязанными на двойной узел концами, но и основной разновидностью височных колец как категории. Е. А. Шмидт обратил внимание на хронологические изменения, которые претерпевает характер узла. Дату «полузавязанных» колец («завязка состоит из одного короткого утонченного кольца, правильно и плотно закрученного в несколько витков, второй конец утонченный, длинный и образует только один неправильный виток» или вообще остается свободным) он определяет концом XII — первой половиной XIII в. (Шмидт 1957: 206). В целом, зафиксированное Е. А. Шмидтом на основе материалов Харлаповского курганного могильника более позднее бытование полузавязанных браслетообразных колец не вызывает возражений — их, несомненно, носили, по крайней мере, до рубежа XII—XIII вв.³⁷ Однако вопрос о нижней дате подобных колец (конец XII в.) представляется не столь простым. Во-первых, при такой датировке между исчезновением завязанных на двойной узел височных колец (по Шмидту, начало XII в.) и появлением полузавязанных (конец XII в.) образуется странный hiatus. Но еще существенней, что височные кольца этого варианта известны (хотя и не в Харлапово, но в границах основного ареала распространения), начиная с рубежа X—XI вв. (например, часть колец из кургана 26 могильника Избище, см.: Штыхаў 1992: 9, мал. 2). В XI в. кольца с такой завязкой известны и севернее основной зоны их распространения (например, в могильнике Нефедьево³⁸ на Вологодчине). Впрочем, находки завязанноконечных колец (как с двойным, так и с одинарным узлом, то есть полузавязанных, пользуясь терминологией Е. А. Шмидта) на Вологодчине столь многочисленны, что этот регион есть все основания включать в основную зону массового распространения браслетообразных завязанноконечных височных колец (хотя здесь их и не больше, чем простых незамкнутых). В эту же зону есть все основания включить и Мещерскую низменность к востоку от Москвы (Рябинин 1995: 86—102).

Рассмотренный материал позволяет в общих чертах реконструировать процесс появления и распространения в Восточной Европе браслетообразных проволочных завязанноконечных

колец (височных или серег) — так называемых «височных колец кривичского типа». Скорее всего, на начальном этапе (во второй половине или, скорее, в последней четверти X в.) имело место использование в головном уборе, в соответствии с местной восточноевропейской традицией, проволочных (дротовых) завязанноконечных браслетов, распространенных в скандинавской и русско-скандинавской среде. Височные украшения должны были быть достаточно легкими, что диктовало использование относительно тонких колец, вследствие чего их стали делать из достаточно тонкой проволоки, тем более, что около рубежа X—XI вв. происходит широкое внедрение технологии волочения. Наиболее ранние находки (до рубежа X—XI вв.) связаны с крупными городскими/протогородскими центрами (Гнездово, Тимерево, Новгород). Лишь условно реконструируемая зона распространения несколько более поздних находок, в той или иной степени предположительно (кроме кургана 26 в Избищах) датирующихся временем около рубежа X—XI — первой половины XI вв. (из погребений по обряду кремации), в самом деле соответствуют летописной локализации кривичей: «сѣдять на верхъ Волги, и на верхъ Двины и на верхъ Днѣпра» (ПВЛ 1950: 13). Однако распространение «кривичских височных колец», как отмечал еще в 1937 г. П. Н. Третьяков, относится к тому времени (XI, XII вв.), когда кривичи как субъекты описываемых в летописи событий уже сходят с исторической сцены (Третьяков 1937: 43—43)³⁹. При этом территория, на которой уже с первой половины XI в. (то есть примерно через полстолетия после их появления) известны серийные находки проволочных завязанноконечных височных колец, включает не только верх Волги, Западной Двины и Днепра, но и Волго-Окское междуречье (где они еще в X в. известны в Тимерево), в частности, Владимирские курганы, Белозерье. Типичны такие кольца также для грунтовых и курганных могильников Мещерской низменности (в междуречье рек Ока и Клязьма к востоку от Коломны и к северу и северо-западу от Касимова, преимущественно, в бывшем Касимовском уезде Рязанской губ.), связываемых с мещерой (Рябинин 1995: 86—102). География и хронология распространения проволочных завязанноконечных височных колец соответствует в первую очередь не какому бы то ни было летописному «племени», а территории и времени становления двух соседних древнерусских земель — Смоленской и Ростово-Суздальской (на территории Полоцкой земли такие кольца тоже известны, но находки их менее массовые).

³⁷ Из поздних комплексов с подобными кольцами в Харлаповском могильнике можно назвать, например, курган 28, где в состав инвентаря входит витой из шести проволочек (2×3) петлеконечный браслет, дата которого на основе новгородских находок (и подтвержденная комплексами сельских могильников) определяется временем, начиная с рубежа XII—XIII вв. и условно синхронизуется с временем после строительства 16 яруса Неревского раскопа, т. е. после 1197 г. (Лесман 1990: 20).

³⁸ В частности, в погребениях 20, 31 и 41 в комплексах с односторонними наборными гребнями (Макаров 1997: 176—180, 320, 324, 326, 341—342, 346—347, 350—351, табл. 129, 130, 134, 135, 138, 139).

³⁹ Хотя последнее летописное упоминание кривичей относится к 1127 г.

2.2. Подвески шейные

2.2.1 Монетовидные подвески, орнаментированные волютами

В среде скандинавов IX—X вв. весьма популярна группа круглых плоских подвесок с орнаментом на лицевой стороне, образованным тремя или четырьмя волютами. Подвески обычно серебряные (редко золотые), декор филигранный⁴⁰ с волютами, раскрывающимися вовне, в местах соприкосновения волюты обычно соединены филигранными же перехватами или, реже, зернами крупной зерни (Arbman 1940: Taf. 97: 21, 22; 98: 1—6; 119: f; Stenberger 1958: 154—158; Duczko 1985: 32—47; Eilbracht 1999: 179—187, 193—194, Taf. 2—4, 8, №1—69, 107—119 и др.), встречаются также литые, обычно бронзовые, подвески (Arbman 1940: Taf. 96: 13; 98: 10, 17, 18, 21). Орнамент восходит к каролингским прототипам (Arbman 1937: 192—208), а на наиболее ранних подвесках-брактеагах представляет собой розетку, образованную четырьмя овами (а не волютами); такая композиция, в которую входят и маленькие стилизованные фигуры, ассоциируется с косым крестом. Эти золотые брактеаги рассматриваются как материализация первого (кон. VIII в.) христианского импульса в Скандинавию (Stenberger 1947: 16—18). С другой стороны, скандинавский декор, в том числе и скандинавский декор с волютами, связан с каролингским (а возможно, и с англо-саксонским) ювелирным делом, где волюты не играют самостоятельной роли, а являются частью сложного мотива, состоящего из самой волюты и заключенного в нее крина (бутона), у которого боковые лепестки образованы спиралью волюты (Graham-Campbell 1980: 40, 41, 223, №140—142; Armbruster 2002: 208—209, Abb. 8 и др.).

На классических подвесках эпохи викингов представлены волюты, которых может быть как четыре (Eilbracht 1999: 182—186, Taf. 3, 4, №31—63), что в какой-то мере соответствует форме креста, так и три⁴¹ (Eilbracht 1999: 179—182, 193—194, Taf. 2, 3, 8, №1—30, 107—119), что, скорее, могло ассоциироваться с молотом Тора, хотя и то и другое в раннюю и среднюю эпоху викингов (до последней четверти — конца X в.) — лишь достаточно вольные современные трактовки. Менее многочисленны подвески с пятью или пятью с половиной (иногда в круговую композицию входит одна неполная волюта) волютами (Eilbracht 1999: 186—187, Taf. 4, №64—69). Некоторые подвески

декорированы двумя рядами волюты: в центральной зоне три, иногда две волюты; ближе к краям круга пять, иногда четыре волюты (Eilbracht 1999: Taf. 4, №39, 64, 66, 67). Близкий к подвескам скандинавский декор из трех волюты в центральной зоне круга известен также на круглой накладке из Бирки (Arbman 1940: Taf. 96: 13; 97: 21, 22; 98: 1—6, 12, 17, 18, 21; Duczko 1985: 32—48, 55, 98—99). Аналогичный подвескам декор из трех или четырех волюты представлен и на малых круглых фибулах (типы IVA1 и IVB⁴² по И. Янссону, см.: Jansson 1984: 61, 64, 65).

Скандинавские подвески с волютами встречаются в Скандинавии, по крайней мере, до последней четверти XI в., на что указывает, например, комплекс из Kommunalhuset, Stavby sn., Uppland, Sveden⁴³, где подвеска, декорированная тремя скандинавскими волютами, найдена вместе с ложнозолотостеклянными бусами древнерусского производства, датировка которых, судя по новгородским находкам, может быть синхронизована с временем функционирования 22—7 ярусов Неревского раскопа (1076—1396 гг.)⁴⁴. М. Стенбергер датировал этот комплекс X в. (Stenberger 1958: 162, прим. 2 к стр. 161). В Сигтуне найдены две отлитые в одной форме (или в формах по оттиску с одного образца) небольшие литые подвески с четырьмя волютами⁴⁵, они лишены стратиграфической датировки, но, скорее всего, относятся к XI в. Подобная композиция декора встречается на металлических изделиях и позже (см., напр.: Lindh, Brendalsmo 1982: 26). Аналогичная подвескам композиция декора круглых фибул с четырьмя волютами продолжает развиваться в XI в., но волюты в них играют

⁴² Фибула этого типа найдена в Киеве в камерном погребении 49, раскопанном в 1999 г. на территории Михайловского Златоверхого монастыря (Ивакин, Козюба 2003: 41—43, 49, 50, рис. 6.Б.5).

⁴³ Хранятся в Гос. Историческом музее в Стокгольме, №24988. Фотографии находок были опубликованы в работе М. Стенбергера (Stenberger 1958: Abb. 42).

⁴⁴ В Новгороде найдены 24 экз. подобных бус: 26-28-1007; 22-27-137; 22-25-1023; 22/21-23-1032; 21-25-250; 20-22-1060; 19/18-19-1761; 18-23-1213 (?); 18-15-664 (?); 16/15-23-762; 16/15-20-1180; 15-14-980?; 14-21-1302; 13-20-811; 13-20-1365?; 11-11-984; 10/9-12-909; 7-7-525; Нер. 1951 г. б/п/; Ил21-57 (?); Ил19-28; К33-55; Нут25-31-67; Нут22-28-63. Наиболее ранняя бусина (26-28-1007) происходит из слоя, датирующегося 989—1006 гг., но она была найдена в примыкающем к краю раскопа квадрате (в силу этого ее связь с определенным ярусом ненадежна), оторвана от основной серии находок, в силу чего, скорее всего, случайна. Основную серию открывают бусины (22-27-137 и 22-25-1023), датирующиеся 1076—1096 гг. Наиболее поздняя бусина (7-7-525), датируется 1382—1396 гг., и, хотя столь поздняя датировка непривычна и не находит подтверждения в материалах погребальных памятников Новгородской земли (где, по крайней мере мне, не известны подобные бусы в комплексах XIV в.), оснований для сужения общей датировки пока нет, так как среди новгородских находок бусине из 7 яруса предшествует хронологически почти непрерывная (учитывая отсутствие находок в 8 ярусе) серия бус.

⁴⁵ Они близки подвеске из Старой Ладоги (см. ниже).

⁴⁰ Филигрань (скань) предполагает использование проволоки. Как уже указывалось, технология изготовления проволоки может быть различной, но наиболее совершенная (и с точки зрения качества проволоки, и с точки зрения производительности труда) — волочение. В силу одной из основ популярности скани является освоение технологии волочения.

⁴¹ Похожие подвески как с тремя, так и с четырьмя волютами были известны материковым германцам в более раннее время — в V—VII вв.

роль лишь элементов овала, в который вписан крин (Holmqvist 1963: 100, 117—119, fig. 72, 87, 88)⁴⁶.

На Русь подвески, декорированные волютами, попадают в X в. Основная серия находок этого времени происходит из Гнездова⁴⁷ и Владимирских курганов⁴⁸, на памятниках других регионов они единичны⁴⁹. Однако в XI—XII вв. зона распространения подвесок, декорированных волютами, резко расширяется, включая почти всю древнерусскую территорию: Вольнь (Луцк), Среднее Поднепровье⁵⁰ и, возможно, украинское Полесье⁵¹, Верхний Псел и Верхний Сейм⁵², Белоруссия⁵³, восточная Смоленщина в бассейне, как Днепра,

так и Оки⁵⁴, окрестности Ярославля⁵⁵ и Твери⁵⁶, Подмоскowie и владимирские курганы (но, видимо, лишь в XI в.)⁵⁷, Белозерье⁵⁸. На Северо-Западе они тоже известны, но лишь в трех экземплярах: в северо-восточном Причудье⁵⁹, в бассейне Верхней Плюсы⁶⁰ и в Старой Ладогe⁶¹. Подвески эти нигде не становятся массовыми, хотя и встречаются подчас по пять-шесть экземпляров в одном ожерелье. После XI в. в декоре подвесок настоящая зернь и скань обычно уже не используется, они литые, перехваты между волютами исчезают, шарики ложной зерни в местах соприкосновения волют встречаются реже, чем в предшествующее время.

Оторванная от скандинавских корней, первоначальная форма претерпевает на Руси эволюцию. С орнаментом из четырех волют происходит то, что можно назвать ресемантизацией — он видоизменяется, все больше приближаясь к изображению креста. С XI в. волюты в композиции орнамента занимают стабильное место (в секторах между вертикальной и горизонтальной осями симметрии), так что образуемая ими фигура все больше сближается с равноконечным крестом. Наиболее поздняя (XI в.) известная мне подвеска с иным расположением волют, то есть внизу, наверху, справа и слева — из кургана 1991 близ д. Городище на Плещеевом оз.⁶², но она представляет собой отремонтированный в древности экземпляр (Спицын 1905б: 141, рис. 167). С XII в. в орнаменте этой группы подвесок волюты перестают играть самостоятельную роль, становясь способом передачи креста. Некачественные отливки⁶³ указывают путь повышения декоративного эффекта при переходе к прорезным украшениям. При этом эволюция композиции протекает в двух направлениях. С одной стороны, волюты превращаются в дуги⁶⁴,

⁴⁶ История бытования мотива крина в овале (волоте) в ювелирном деле Германии и Скандинавии коренным образом отличается от истории аналогичного мотива на Руси, где он получает распространение не ранее второй трети XII в. В Новгороде крин или росток, вписанный в сердце, круг или волоту представлен в декоре 16 ювелирных изделий (считая изделия, входящие в один набор и части одного предмета за один экз.): 19-23-307; 19-22-1569 и 19-21-1570 (один набор); 19-23-279 и 18-19-457 (один набор); 19/18-28-1336; 19/18 яр.; 17-19-1072, 1080; 17-17-1089; 16-25-1391 (?); 16-20-294; 15-16-1990; 14 — раскоп XIV; 13-16-1838; 13/12-12-1922; Ил12-21-275; K24-16. Наиболее ранние находки (браслет 19-23-307 и ременные накладки от одного набора 19-22-1569: 19-21-1570) датируются 1134—1161 гг., наиболее поздняя (накладка K24-16) — 1299—1311 гг. Дата типа в целом: 1134—1313 гг. (время функционирования 19—11 ярусов Неревского раскопа). При этом ранние экземпляры декорированы мотивом крина не в овале или волоте, а в сердцевидном обрамлении.

⁴⁷ Клады и, возможно, могильник (Путь 1996: 37, 61, №334—336, 387; Енисосова 2007: 311, 4: 1—3; Гуштин 1936: 56, табл. IV: 19—23).

⁴⁸ Новоселки, Васильки, Гнездилово, могильники близ д. Городище (Спицын 1905б: 141, рис. 167, 172, 174, 175, 177, 179; Комаров 1995: 138—140, 143, рис. 2: 7, 10, 12, 18, 26, 27; Седова 2001: 26—27, рис. 2: 12, 13, 16). Подвески (Комаров 1995: 143, рис. 2: 7, 27), возможно, датируются XI в.

⁴⁹ Рюриково городище, Тимерево, Шестовицы, Седнев, Киев (Носов 1990: 125, 126, рис. 48: 14; Фехнер, Недошвина 1987: 80—81, рис. 7: 1; Блѣфельд 1977: 222, табл. XXII; Ивакин, Козюба 2003: 40—41, 48, рис. 4Б: 4, 5). Не исключено, что X в. датируется также подвеска из городища на р. Менке (Штыхов 1978: 70, рис. 38: 6).

⁵⁰ Переяславль Русский (Лесман 2008а), Грушево Каневского у. (хранится в Национальном музее истории Украины, В1584 ст. №33090); Воинь (хранится в Археологическом музее Института археологии НАНУ).

⁵¹ В вышедшем в 2000 г. в Киеве каталоге опубликованы четыре подвески из частных коллекций, в том числе две из Житомирской обл. и одна из Киевской. Последняя с подлинными сканью и зернью, но перехваты, соединяющие волюты, уже заменены зернами зерни (Нечитайло 2000: 53, №500—503).

⁵² Гочево — могильник и поселение, поселение Липино (Атлас 1915: Табл. XXXI: 6; XLIII: 3; Шпилев 2008: 280, 292, рис. 54: 4; 59: 2).

⁵³ Заславль, Слободка Скрыгаловская, Навры, Гродно, Новый Кривск, Нисимковичи и др. (Штыхаў 1992: 180, 169, рис. 53: 15; Заяц 1995: 182, рис. 46: 11; Лысенко 1991: 143, рис. 24: 44; Гуревич 1962: 109, 116, 198, рис. 98: 7; Воронин 1954: 67, 68, рис. 31: 13; Соловьева 1971: 66—67, рис. 19: 3 и др.).

⁵⁴ Мутьшино (Савин 1930: 232, 234, табл. II: 11), Коханы, Ступенки II, Бочарово (Бульчев 1899: 70, табл. XXX: 4; 1913: 62, 71—75, табл. IV: 21; VI: 12, 18; VIII: 9), Старая Рязань (Монгайт 1955: 179, рис. 138: 3).

⁵⁵ Замино (Комаров 2003: 511, 515, рис. 1: 18).

⁵⁶ Дуденево (Спицын 1904: 9, табл. I: 20).

⁵⁷ В могильнике у д. Городище курганы 1991, 1995 (Спицын 1905а: 141, рис. 167; Комаров 1995: 143, 158, рис. 2: 1, 2).

⁵⁸ Нефедьево (Макаров 1997: 176, 339, табл. 127: 19).

⁵⁹ Верхоляны, жальничная могила 4, скорее всего, во вторичном использовании (Спицын 1903: 25, 49, 110, табл. XXII: 7).

⁶⁰ Могильник Которск IX, курган 27 (Кузьмин и др. 2007: 91—92).

⁶¹ В Старой Ладогe, впрочем, не исключена и более ранняя датировка (Старая Ладога 2003: 78, 79, №154; Davidan 1992: Abb. 9: 22).

⁶² Комплекс атрибутирован В. А. Лапшиным, которому благодарю за консультацию.

⁶³ Напр.: подвеска из кург. 1 могильника Ступенки II (Бульчев 1913: таб. IV: 21).

⁶⁴ Напр.: Гочево, кург. LX (Атлас 1915: табл. XXXI: 6; Шпилев 2008: 284, рис. 56: 5).

что в контаминации с крестами, имеющими процветшие криновидные лопасти, дает большую серию крестовключенных прорезных подвесок с изображением такого креста (Спицын 1896: табл. XII: 34; 1905: 142, рис. 199; Бульчев 1913: табл. VI: 12; Розенфельдт 1967: 107, рис. 37: 2; Алексеев 1995: 132, рис. 7: 3, 4 и др.). С другой стороны, завершающие волготы полушария ложной зерни вместе с полушариями между волготами принимают вид, почти неотличимый от завершений лопастей крестиков с тремя шариками на концах и соответствующих им прорезных крестовключенных подвесок⁶⁵.

Следует отметить, что после начала XI в. на северо-западе и северо-востоке Руси основной формой являются подвески одной композиционной схемы — с четырьмя волготами, причем все они сплошные. В XIII в. появляется еще одна немногочисленная группа подвесок, восходящая все к тем же прототипам эпохи викингов. Это две крупные (диаметром около 5 см) привески, изготовленные из тонкой круглой пластины, орнаментированной четырьмя волготами⁶⁶. Рельефный декор нанесен с обратной стороны. У костромских подвесок есть серия аналогов в могильниках и кладках Эстонии (см., напр.: Eesti 1982: 360), где, как и в Финляндии и в Карелии, традиция декорированных волготами подвесок развивается отличным от Руси путем.

На основе композиции с тремя волготами в XI—XII в. возникают две группы подвесок, бытовавшие и в XIII в. С одной стороны, это сплошные подвески с розеткой из трех волгот в центре и концентрическим бордюром из семи-восьми волгот по краю (Гочево, Бочарово, Нефедьево и др.), что вполне соответствует хорошо фиксируемой в новгородских материалах тенденции усложнения композиции декора. С XII в. (с 20 яруса, датированного 1116—1134 гг.) входят в моду круглые подвески с двумя концентрическими орнаментальными зонами (Лесман 1996). Немногочисленные подвески, декорированные двумя кольцами волгот, известны, как уже указывалось, и в Скандинавии, но их датировка не выходит за рамки X — начала XI в., в силу чего маловероятно, чтобы они являлись прототипами восточноевропейских подвесок. С другой стороны, появляются прорезные подвески⁶⁷ из трех волгот в кольце⁶⁸. Все эти украшения менее многочисленны, чем развивающиеся компози-

цию из четырех волгот, и зона их распространения более локальна — все находки происходят с территорий к востоку от Днепра⁶⁹, и лишь одна севернее Смоленского Поднепровья (могильник Нефедьево в Белозерье).

Еще одно направление развития подвесок, декорированных волготами, представлено подвесками с бордюром из шести волгот по краю и крупного зерна ложной зерни в центре. В процессе развития (к XII в.) волготы превращаются в составленный из вогнутых дуг правильный шестиугольник (углы шестиугольника иногда скруглены), отделившиеся спирали заменяются 12 зернами ложной зерни — по два у каждого угла шестиугольника, а на следующем этапе число сторон многоугольника и число зерен крупной зерни теряют стабильность. Известны подвески этой серии преимущественно в южной части лесной и в лесостепной зоне (Волынь, южная Белоруссия, Среднее Поднепровье, Верхняя и Средняя Ока), их нет ни на Северо-Востоке, ни на Северо-Западе. Наиболее вероятным прототипом для них могли быть скандинавские подвески с пятью или пятью с половиной волготами. Однако процесс возникновения и развития подвесок этого типа еще ждет детального анализа.

Вернемся к этапу первичного (X в.) распространения на Руси подвесок, орнаментированных волготами. Находки демонстрируют связь с достаточно узким кругом памятников (и комплексов), в которых несомненны скандинавские черты. Однако, за исключением одного экземпляра с Рюрикова городища (и, маловероятно, но возможно, из Старой Ладоги), они не известны в таком насыщенном скандинавскими находками регионе как Северо-Запад. Почти не известны они здесь и впоследствии. В Новгороде даже мотив спирали (являющейся элементом волготы) в декоре ювелирных изделий появляется лишь в XII в.⁷⁰ Дело, по-видимому, как в специфике местных вкусов, так и в несколько различном характере контактов с местным населением, в особенности с его женской частью.

2.2.2. Круглые подвески, орнаментированные вихревой или лучевой розеткой

Среди круглых скандинавских подвесок эпохи викингов заметную группу образуют щитообразные, выделяющиеся формой, конструкцией ушка

⁶⁵ Ср. напр.: подвески из Кислово-I (кург. 4) и Конищево (кург. 1) в Костромском Поволжье; (схематичный рис. см.: Рябинин 1986: 134, табл. IV: 10) и подвески типа (Спицын 1896: табл. V: 2; Алексеев 1995: 132, рис. 7: 5—7).

⁶⁶ Никульцево (кург. 2) и Погост (кург. 6) в Костромском Поволжье (Рябинин 1986: 134, табл. IV: 19).

⁶⁷ По-видимому, в русле той же тенденции развития, что и у части подвесок с четырьмя волготами.

⁶⁸ Крымское, Бочарово и др. (Бульчев ...); Липино (Шпилев 2008: 292, рис. 59: 2); Мутьшино (Савин 1930: 232, 234, табл. II: 11), Мокрая Юхновского у. (хранится в ГИМ, оп. 949).

⁶⁹ С. И. Пеняк опубликовал небрежный рисунок и лапидарное описание подвески с тремя волготами из г. Берегове в Закарпатье (Пеняк 1980: 129, 143, рис. 50: 6). К сожалению, не опубликованы (или отсутствуют) данные о точном месте и обстоятельствах находки, не ясны конструкции и технологии ее изготовления (сплошная или прорезная, литая или сканая). В Берегове С. И. Пеняк описывает памятники, датируемые им VIII—IX и XI—XIII или XII—XIII вв. (Пеняк 1980: 45, 49, 69—70, 158, №8, 24), при их характеристике подвеска не упомянута. Не исключено, что она относится к эпохе переселения народов.

⁷⁰ Начиная с 20 яруса, датированного 1116—1134 гг. (Лесман 1989а: 83).

и декором. Они круглые уплощенные, но с выпуклостью в центре, ушко часто сделано из пластинчатой ленты, проходившей сзади по всему диаметру. Композиция орнамента — розетка, чаще всего вихревая (Arbman 1940: Taf. 97: 1—12, 14, 15, 17, 18; Stenberger 1958: 159—161; Duczko 1985: 50 и др.), в единичных случаях лучевая (Arbman 1940: Taf. 97: 16, 20). Большинство подобных подвесок изготовлены из декорированной чеканом пластины, существенно реже встречаются экземпляры со сканью, еще реже литые, а в более позднее время и тисненые (напр.: Wikström 2008: 159, Fig. 1566). Находки подобных подвесок на территории древней Руси в сопоставлении со скандинавскими прототипами были собраны и проанализированы Г.Л. Новиковой (Новикова 1991; 1998). В Скандинавии известны менее многочисленные, близкие по форме украшения без умбовидной выпуклости в центре, декорированные лучевой розеткой (Arbman 1940; Stenberger 1947: Abb. 156: 3; 184: 2; 251: 2, и др.). Составленная Г.Л. Новиковой сводка восточноевропейских находок подвесок, декорированных вихревой розеткой, может быть дополнена⁷¹, что несколько корректирует, но не меняет общей картины. Более существенных дополнений требует список аналогичных по форме подвесок, декорированных лучевой розеткой. Г.Л. Новикова учла всего 8 экз.⁷² (Новикова 1998: 171, 172, рис. 3: 9—15). Однако только в одном камерном погребении кургана 124 Березовецкого могильника на Селигере найдены 5 таких подвесок (Успенская 1993: 100, 134, рис. 10). Список можно существенно расширить, включив, например, подвески из погребения на городище Петровское в верхнем течении Ворсклы (Третьяков 1947: 132, 133, рис. 5), из курганов 26 и 52 у д. Калихновщина в северо-восточном Причудье⁷³ (Спицын 1903: 99, 102), с возвышенности Дзерба (точнее, из озера под нею) близ городища Масковичи (Дучыц 1991: 33, рис. 19: 1), из кургана у д. Дымово под Оршей (Алексеев 1966: 47, рис. 8: 4), из курганов Восточной Белоруссии (Рыбакоў 1932: 92, табл. VI: 1) и др. В ту же сводку Г.Л. Новикова включила лишь одну подвеску без выпуклости в центре (из Максимовского могильника), но на самом деле такие подвески на восточноевропейских памятниках наиболее массовы: курганные могильники Бельчицы под Полоцком (Ляўданскі 1930: 159, 162, табл. I: 4), Кастрица в белорусском Подвинье (Штыхаў 1992: 91, 151—152, мал. 59: 5), Мутьшино на Смоленщине (Савін 1930: 232, 234, табл. II: 13), Избрижье близ Твери (раск. Ф.Х. Арслановой), из погребения, впушен-

ного в полуземлянку 30 Новотроицкого городища (Ляпушкин 1958: 104, 105, рис. 69: 1), Гонголово, Вопша на Ижорском плато (Спицын 1896: 18, табл. II: 5; XII: 19) литейная формочка из Белозера (Голубева 1973: 67, рис. 12: 9) и др.

Таким образом, большинство декорированных вихревой розеткой подвесок датируются X в. (как и в Скандинавии), происходят из памятников, насыщенных скандинавскими элементами культуры, многие из них сами должны рассматриваться в качестве скандинавских элементов, хотя среди восточноевропейских находок, как справедливо отмечает Г.Л. Новикова (Новикова 1998: 172—174), значительная часть обладает некоторыми отличиями от скандинавских прототипов и изготовлена на месте. Более поздние экземпляры подвесок с вихревой розеткой на Руси единичны, к тому же часть из них (крупные подвески XII—XIII вв.⁷⁴ с выпуклыми прочеканенными оборота линиями⁷⁵) входят в группу, основной регион распространения которой охватывает Эстонию, Финляндию и Карельский перешеек. Следует отметить, что в целом мотив вихревой розетки (как с криволинейными, так и с ломаными лучами) в древнерусской культуре не приживается (подробнее см.: Лесман 1999).

По-иному обстоит дело с круглыми подвесками, декорированными лучевой розеткой. Детальный анализ их хронологии, типологии и географии распространения требует специального рассмотрения, однако уже сейчас очевидно, что на древнерусской территории в XI—XIII вв. они решительно преобладают над подвесками с вихревой розеткой, при этом у большинства выпуклость в центре отсутствует или мала⁷⁶. Следует также отметить, что большинство подвесок орнаментировано розетками всего из четырех лучей, обычно расположенных вертикально и горизонтально (как, впрочем, и часть скандинавских аналогов), то есть, фактически, несут изображения креста, что соответствует основной линии развития рассмотренных выше подвесок с четырьмя волютами. Однако декорирование круглых подвесок лучевой розеткой в Восточной Европе фактически вытесняется другой разновидностью — лепестковой розеткой, представленной наиболее массово и соответствующей схематическому изображению цветка (лепестки могут чередоваться с линиями-

⁷¹ Напр.: литая подвеска из Федовского могильника в Тверской губ. (Спицын 1905: 3, рис. 3: 8)

⁷² Из них, по крайней мере, одна (Новикова 1998: 171, рис. 3: 16) — единственная гнездовская — сохранилась фрагментарно, но декорирована была, судя по сохранившемуся фрагменту, как и все остальные гнездовские экземпляры, вихревой розеткой.

⁷³ Хранятся в ОАВЕС ГЭ. Оп. 856/95, 155.

⁷⁴ Привески круглые сплошные большие (диаметром не менее 33 мм) представлены в Новгороде (28 экз.) в слоях, датирующихся временем после 1116 г. (синхронных 20 ярусу Неревского раскопа и более поздних).

⁷⁵ Приводимый Г.Л. Новиковой список (Владимирское и Жуково в Ярославском Поволжье, Ново-Сиверская на Ижорском плато) можно дополнить серебряной подвеской из клада, найденного на Ижорском плато близ Елизаветино (больше известен как клад из прихода Спанка), не имеющей выпуклости в центре (Корзухина 1954: 101, табл. XXVII: 13).

⁷⁶ На меньшие размеры центрального выступа у восточноевропейских находок подвесок с вихревой розеткой, в сравнении со скандинавскими, обратила внимание и Г.Л. Новикова.

тычинками, нередко завершающимися маленькими кружками или точками).

2.2.3. Некоторые иные типы подвесок

Рассмотренные выше группы подвесок представлены в Восточной Европе достаточно большими сериями, однако известны и более редкие разновидности, восходящие к скандинавским прототипам. Речь идет о нескольких типах круглых монетовидных подвесок (декорированных изображением зверя в профиль с обращенной назад головой, с орнаментом, напоминающим куст, и некоторых других, в частности, декорированных выпуклостями — зернами крупной ложной зерни), кресаловидных подвесках, а также, возможно, и о некоторых других. Следует отметить, что в X в. на территории Древней Руси известны различные круглые подвески, декорированные в скандинавском зверином стиле (почти все типы, распространенные в самой Скандинавии), но далеко не все из них получают местное развитие. Часть подвесок, бытовавших в XI — начале XII вв., изготовлены как отливки по оттиску, выполненному с типично скандинавских изделий, часть развивает локальный восточноевропейский вариант собственно скандинавской культурной традиции (Лесман 2006). В круг же собственно древнерусских изделий входят лишь подвески с композиционно самым простым изображением зверя в профиль с обращенной назад головой. Их прототипы выполнены в стиле Борре, и зверь обычно кусает спускающуюся с ушка ленту⁷⁷. На древнерусских изделиях лента исчезает, в XI—XII вв. они обычно прорезные, ближе к концу XI в. или, скорее, в XII в. получают распространение сплошные подвески (литые и штампованные, известна также матрица для штамповки), они отличаются большим диаметром (что, как уже отмечалось, характерно для подвесок начиная с XII в.) и специфичной иконографией — изображением крина под брюхом животного (Сарачева 2003). Иногда животное кусает свой хвост. Относительно этой группы пока трудно сказать, продолжает ли она линию развития скандинавских подвесок или имеет особые прототипы.

Как в Скандинавии эпохи викингов, так и на некоторых восточноевропейских памятниках X в., где, несомненно, присутствует скандинавский культурный компонент (в первую очередь это Гнездово и Владимирские курганы), известны круглые сплошные подвески, декор которых образован несколькими спиралями и напоминает куст, причем он может «расти» как снизу вверх, так и (реже) сверху вниз⁷⁸. Подвески могут быть как

филигранными, так и литыми. На древнерусских памятниках XI—XII вв. (в Поволжском регионе) известны немногочисленные находки небольших литых сплошных и прорезных подвесок, схематично воспроизводящих ту же композицию декора (Спицын 1905; Рябинин 1986: 134, табл. IV: 14).

Специфическую для Скандинавии эпохи викингов группу образуют подвески (обычно кованые) кресаловидной формы⁷⁹ — их форма близка к лачевидным кресалам (Stenberger 1958: 161—165). Находки аналогичных скандинавским кресаловидных подвесок известны и на Руси: в Ладоге, возможно, уже с конца IX в., в X в. они распространяются шире (помимо Старой Ладоги, Рюриково городище, Гнездово, Сарское городище, возможно, тем же временем, но, может быть и несколько более поздним датируется подвеска из Владимирских курганов), продолжают бытовать и в XI в. (клад Скадино, могильник Струйское в Ржевском р-не). Эти подвески были специально проанализированы Г.Л. Новиковой (Новикова 1991: 182—186). Однако, на Руси известна и немногочисленная группа более поздних литых подвесок⁸⁰: 7 экземпляров из междуречья Днепра и Десны учтены В.В. Богомольниковым (Богомольников 2004: 72, 211, рис. 10: 20—22), к ним можно добавить подвеску из курганного могильника Переяславля Русского (Лесман 2008а: 128), воспроизводящих форму более ранних кованых скандинавских. Возможно, к кресаловидным восходит также литая подвеска из погребения 1 кургана 9 в могильнике Никольское III в Белозерье (Макаров 1990: 71, 151, 202, табл. XVII: 5). Следует отметить, что все восточноевропейские находки ранней (собственно скандинавской) группы локализируются севернее основной зоны распространения их древнерусских дериватов.

2.3. Браслеты и перстни

Происхождение большинства типов древнерусских металлических браслетов и перстней остается пока слабо разработанным. Тем не менее, уже сейчас можно указать на ряд типов (групп типов) древнерусских украшений, развивающих традиции, заимствованные из культуры Скандинавии. В первую очередь это браслеты и перстни с завязанными концами. Скандинавский источник попадания и распространения на Руси самой традиции такого конструктивного решения рассмотрен

⁷⁹ Литые кресаловидные подвески, иногда дополнительно декорированные рельефными фигурками птиц во внутреннем прорезном поле, известны в Скандинавии с вендельского времени и доживают до ранней эпохи викингов.

⁸⁰ Эти подвески из «радимичских» курганов Б. А. Рыбаков называет луннично-прорезными, хотя и указывает на параллели им в Гнездово, Владимирских курганах и Скандинавии (Рыбаков 1932: 92); то же название принимает В.В. Богомольников (Богомольников 2004: 72), выделяя их в тип луннично-прорезных, входящий в отдел круглых прорезных подвесок.

⁷⁷ По Й. Кальмеру, группа А вариант 3 типы Kållestad, Tuna, Tråslöv, без ленты — тип Kiplingeberg (Callmer 1989: 23, 26, 27, Abb. 3: 6—8, 19—21).

⁷⁸ По Й. Кальмеру, группа А вариант 1 типы Söderby, Birka Grab 523, Birka Grab 967 (Callmer 1989: 22, 26, 27, Abb. 3: 2, 17).

выше, поэтому отмечу лишь, что усвоение этой традиции происходило через местное изготовление изделий, в том числе перстней и браслетов, аналогичных скандинавским прототипам, причем уже во второй половине X в. эти изделия выходят за пределы круга памятников, на которых зафиксированы и иные скандинавские черты, а на протяжении XI в. такие изделия становятся массовыми. Речь идет в первую очередь о пластинчатых, дротовых и витых браслетах (витые браслеты, не сужающиеся к узлу, который образован одинарными проволоками, входят в употребление как в Скандинавии, так и на Руси лишь с XI в.), а также о пластинчатых, дротовых, однопроволочных и витых из нескольких проволок перстнях. Бытуют завязанноконечные браслеты и перстни на древнерусской территории до третьей четверти XII в. (см. выше).

В. П. Левашова, систематизировавшая находки браслетов из сельских могильников и поселений древней Руси⁸¹, отмечает их многочисленность (Левашова 1967а: 211—213, 217—219, 225—228, 232, 233, рис. 28: 2; 29: 1, 7; 30: 2). Исследовательница учла 180 находок, что составляет около 5% всех проанализированных браслетов. Однако значительная часть находок происходит из комплексов более поздних, чем время бытования завязанноконечных изделий. Так, в частности, на Ижорском плато и в северо-восточном Причудье (около 28% всех анализируемых В. П. Левашовой находок) браслеты как категория встречаются в погребениях вплоть до XIV в., а в Костромском Поволжье, Подмосковье и на Ижорском плато (около 39% всех находок) первые древнерусские могильники появляются лишь около рубежа XI—XII вв., то есть — относятся к тому времени, когда популярность большинства разновидностей завязанноконечных браслетов была на спаде, а некоторые уже вышли из употребления. В силу этого, оценить долю завязанноконечных браслетов, а равно и перстней, во всем массиве древнерусских украшений этих категорий можно будет лишь после хронологического расчленения комплексов каждого региона. Подводя итоги анализу древнерусских браслетов, В. П. Левашова отмечает: «именно на территории Руси завязанные браслеты стали излюбленной локальной формой не только как драгоценности, но и как общедоступные бронзовые украшения» (Левашова 1967а: 246). Завязанноконечные браслеты известны и на территории Белоруссии, и на древнерусской части территории Украины, причем на территории Белоруссии они более многочисленны, чем на юге.

Еще одна серия древнерусских браслетов и перстней связана своим происхождением со скандинавскими ладьевидными браслетами, точнее, с одной их группой — орнаментированными так называемыми «вертикальными змей-

ками»⁸². Скандинавские массивные литые ладьевидные браслеты с таким орнаментом оказались, по-видимому, столь популярны на востоке, что появились разнообразные им подражания. На территории Финляндии (Korkeakoski-Väisänen 1981: Т. XI), Эстонии (Mägi-Lõugas 1995: 300—302), Руси (Спицын 1896: табл. IV: 20; Хвощинская 2004: табл. CXVIII: 6—7; CXXII: 8, 10, 14; Седова 1981: рис. 37: 19; 38: 4 и др.) представлен их местный⁸³ относительно поздний (появляющийся около начала XI в.) вариант — браслеты со слегка расширяющимися концами (форма концов обычно близка к трапеции, а с учетом рельефа и орнамента приближается к треугольной, как у некоторых щитковоконечных браслетов). Судя по территории распространения, эта модификация, скорее всего, возникла в Эстонии или Финляндии, а уже оттуда попала на Русь. На части таких браслетов, а также на некоторых экземплярах с сужающимися концами (напр.: Бранденбург 1895: табл. IV: 3; Кочкуркина, Линевский 1985: рис. 27: 10) криволинейная «змейка» заменяется более простым ломаным зигзагом, переданным врезной линией. Такое упрощение орнамента могло появиться и в Приладожье, где оно представлено на ладьевидных браслетах традиционной для Скандинавии формы. Другие, собственно древнерусские, модификации тех же прототипов более экономны с точки зрения затрат металла — они пластинчатые, их концы сужаются, иногда до дрота, и тогда завязаны узлом. Связь подобных браслетов с их скандинавскими прототипами отмечала В. П. Левашова (Левашова 1967: 235, 243—245, рис. 30: 2, 5). Такой же орнамент наносился и на некоторые широкосрединные пластинчатые перстни, как незамкнутые, так и завязанноконечные (см. напр.: Спицын 1905а; Ляўданскі 1932: 35, табл. IX: 15; Недошивина 1967: 257, рис. 31: 2; Боровский, Архипова 1993: 207, 208, рис. 1; Нефедов 2007: 282, рис. 164 и др.). Следует отметить, что в Скандинавии перстни никогда подобным образом не декорировались. Пластинчатые браслеты и перстни, орнаментированные «поперечной змейкой», представляют собой относительно немногочисленную, но весьма характерную группу, фиксирующую заимствование мотива декора при изменении конструкции, технологии и даже категории украшения⁸⁴.

⁸² Тип Ab 3 по Stenberger (Stenberger 1958: 109—112, Textabb. 14), а также более узкие и более ранние варианты.

⁸³ Браслет этого (?) типа, но уже не как местный тип, а в качестве восточного импорта, найден в Шведской Лалландии (Sermining 1956: Pl. 16: 3).

⁸⁴ В Латвии, в первую очередь на памятниках, связанных с латгалами, в инвентаре, преимущественно связанном с мужскими погребениями, представлены иные варианты адаптации скандинавского мотива вертикальной змейки: на местных ленточных или чуть расширяющихся к концам браслетах сегментовидного сечения (Спицын 1893: 39, рис. 23; Мугуревич 1965: 83, табл. XXIV: 3; Радиньш 2001: 86, рис. 13: 14; Ciglis, Radinš 2002: 67, 70, 91, 98, 175, 23. att. 1: 24, 31; 5: 34; 6; 10: 54), а также на дугах подковообразных фибул (Радиньш 2001: 84, рис. 12, 10, 12;

⁸¹ Без западных и южных регионов, преимущественно по коллекции ГИМа, но с привлечением собраний Эрмитажа и некоторых других музеев, а также основных публикаций.

Появились такие украшения около первой половины XI в. Территориально эта группа локализуется в Верхнем течении Днепра, Западной Двины и Волги, а также в бассейне Волги ниже по течению — до р. Мологи и в Волго-Окском междуречье, то есть — в целом, в зоне основной концентрации браслетообразных завязанноконечных колец.

2.4. Варяжское наследие в женской субкультуре Древней Руси

Находки женских украшений X в., относящихся к характерным для Скандинавии типам, достаточно многочисленны и разнообразны (фибулы, браслеты, перстни, подвески и пр.). Среди них есть и импорты, и вещи, изготовленные на месте. На протяжении XI в. число таких находок существенно сокращается (хотя они известны и для XI, и для XII, и даже для XIII вв.), ведущее место занимают местные типы украшений. Анализ восточноевропейских украшений позволяет наметить перечень тех групп, которые, будучи характерны для местных культур XI—XIII вв., восходят к скандинавским прототипам X в. В рассматриваемом аспекте наиболее интересен процесс адаптации скандинавских прототипов на восточноевропейский почве, который в разных регионах протекал по-разному. В самом общем виде можно выделить четыре основных региона.

Приладожье (юго-восточное и западное), Финляндия. В местную культуру входят и получают дальнейшее развитие ряд типов фибул (скорлупообразных и подковообразных), браслеты (с завязанными концами и ладьевидные), некоторые типы подвесок (круглые и секировидные) и некоторые другие украшения. Существенно, что украшения усваиваются целыми комплектами, предполагающими восприятие убора в целом.

Новгородская земля (с известными оговорками включая и Псковскую). Несмотря на восприятие целого ряда технологических приемов (самый заметный — завязывание концов металлических украшений), скандинавские типы X в. не получают заметного развития. Отличные от скандинавских варианты ладьевидных браслетов, декорированных поперечными змейками, имеют аналоги на территории Финляндии, Эстонии и Приладожья, где они и сформировались. Со скандинавской традицией могут быть связаны некоторые типы подковообразных фибул, но они типологически близки к украшениям, характерным в X—XII вв. для Прибалтики (включая Финляндию), и их распространение могло носить опосредованный характер. Подвески, восходящие к скандинавским прототипам, немногочисленны, появление части из них на северо-западе Руси, скорее всего, вторично

по отношению к более южным регионам Руси или к Прибалтике. Некоторые разновидности (в частности, круглые пластинчатые подвески большого диаметра, декорированные композицией розетки с ромбами и углами) известны в XI—XII вв. на широкой территории, включающей северо-западную Русь (с единичными находками восточнее и южнее), Прибалтику и Скандинавию; относительно них пока трудно определить, где формировались их типологически характерные особенности, но не исключено, что зона формирования окажется шире, чем какая-то одна из его частей, то есть, что сложения типа (типов) происходило в ходе продолжавшегося в XI и, отчасти, XII в. тесного культурного взаимодействия нескольких регионов (например, Швеции и Руси).

Верхнее Подвинье, Верхнее Поднепровье, Верхнее Подесенье, Верхнее Поволжье, Волго-Окское междуречье, бассейны Немана и Березины — огромное пространство между Новгородской землей и Средним Поднепровьем. В конце X — начале XI вв. в местную культуру входит, приобретая подчас широкую популярность, целый ряд типов украшений, восходящих к скандинавским прототипам: височные кольца с завязанными концами (так называемые «кривичские»), ряд типов подвесок (с декором из волют, с «кустом», часто «растущим» сверху вниз, с декором в виде лучевой розетки, с изображением изогнувшегося зверя с открытой пастью), разнообразные браслеты, перстни, колечки с завязанными концами, пластинчатые подражания ладьевидным браслетам, а также браслеты и перстни, декорированные поперечными змейками в подражание ладьевидным браслетам. Иногда встречаются и некоторые иные украшения, восходящие к скандинавским прототипам.

Наиболее ранние завязанные на два узла браслетообразные височные кольца представляют собой проволочные браслеты, характерные для скандинавских и в узком смысле «русских» (в понимании Ибн-Фадлана, Константина Багрянородного и других авторов X в.) древностей, превращенные в популярные в Восточной Европе серьги (или височные украшения). Из подвесок не находят развития семантически сложные — с изображением сплетенных фигур, молоточки Тора, сравнительно быстро выходят из обихода подвески с чуждой солярной символикой: вихревая розетка исчезает, а из лучевых наиболее распространенной становится четырехлучевая, то есть фактически крест, точно так же превращаются в крест четыре волоты. В целом можно говорить о включении украшений в местный убор, при этом происходит и смена функции, и переосмысление семантики. В рамках обширной территории фиксируется, с одной стороны, близость (в самом обобщенном виде) процессов включения скандинавских украшений в местную культуру, с другой, — выделяются регионы преимущественного распространения тех или иных типов (по большей части охватывающие территории нескольких смежных древнерусских земель).

Ciglis, Rādiņš 2002: 91, 98, 174, 31. att.: 6: 34; 7: 10: 53). Предложение считать такой мотив заимствованным скандинавами из Прибалтики (Zulkus 1997: 169, 173, Abb. 4) не выдерживает критики хотя бы по причинам существования более позднего его там появления.

Среднее Поднепровье. Скандинавские женские украшения почти не получают дальнейшего развития в древнерусской культуре XI—XIII вв. Немногочисленные вещи, найденные здесь, являются, скорее всего, привозными с севера (хотя и не далекого — из центральной зоны) или свидетельствуют об их распространении из той же центральной зоны (как в качестве локальных древнерусских типов (таковы некоторые разновидности подвесок). Единственная в той или иной мере воспринятая особенность — завязанноконечные украшения (кольца, в том числе серьги/височные кольца, и перстни), но они говорят об усвоении технологического приема, хотя и не столь широко, как на севере.

Как могла сложиться такая картина? Наиболее вероятным представляется объяснение, базирующееся на представлении о важной (часто ведущей) роли фактора социального престижа в формировании популярного женского убора. Особенно велика роль заимствований и подражаний престижным вещам в неустойчивый период формирования культурной общности, когда старые нормы рыхлятся, а новым явлениям еще только предстоит стать или не стать традициями. В Приладожье и Финляндии местные женщины восприняли скандинавский убор комплектно, в целом, что, скорее всего, говорит об их вхождении в состав смешанных семей. Усвоение конструктивных деталей убора связано с возможностью его использования в костюме, что может свидетельствовать о скандинавском влиянии на костюм в целом (нет никаких данных о наличии двух- или трехфибульного убора у местного населения Приладожья или у культурно близких ему соседей до распространения здесь скандинавского влияния). Статус таких женщин в семье нам не известен, но определенно, он был престижен в глазах остального местного населения, так как убор (костюм) служил образцом для подражания. В Верхнем Подвинье, Верхнем Поднепровье, Верхнем Подесенье, Верхнем Поволжье, Волго-Окском междуречье, бассейнах Немана и Березины заимствовались лишь отдельные типы (а не комплекты), причем они входили в состав местного убора (и костюма), подчас, будучи переосмыслены. Скорее всего, посредниками в распространении новых украшений были своего рода местные дамы полусвета, обслуживавшие сборщиков дани, участников полюдь, новую русскую (в том же узком смысле) администрацию. Стремительный рост популярности некоторых типов (наиболее ярко проявляющийся в распространении завязанноконечных височных колец/серег) свидетельствует, в таком случае, о чрезвычайно высоком социальном статусе среди местного населения и о массовом стремлении подражать их облику⁸⁵. Ситуации в столичных регионах (северном

и южном) близки. По-видимому, и новгородская, и киевская верхушки (независимо от своего происхождения) достаточно быстро перешли на более роскошные привозные украшения (роль здесь Византии и непосредственно связанного с ней балканского региона, мусульманского мира и других культурных центров еще требует уточнения), которые и стали основными объектами подражания. На Северо-Западе эту картину усложняет влияние прибалтийско-финских и балтских культурных общностей, ставших вторичным передатчиком скандинавских традиций, а также продолжающееся в XII—XIII вв. древнерусско-скандинавское взаимодействие.

Следует отметить, что в используемых преимущественно или исключительно женщинами орудиях труда следы скандинавского влияния пока почти неразличимы. Единственное, что я могу отметить — это использование на ряде поселений вертикального ткацкого станка с глиняными дисковидными грузиками, но подобные грузики после X в. уже фактически выходят из употребления. Возможно, дальнейшие исследования позволят выявить и иные восходящие к скандинавским черты в женской субкультуре Древней Руси, но уже сейчас не вызывает сомнения, что скандинавский вклад в ее производственно-хозяйственные компоненты несопоставимо ниже вклада в женский убор.

3. Мужская субкультура

Выделение мужской субкультуры в отдельности от технологии производства, в особенности от технологии изготовления железных изделий, а также от таких процессов, как требующее значительных физических усилий волочение, во многом условно. Да и украшения, детали убора далеко не всегда четко связаны с полом: серьги, браслеты, перстни носили не только женщины, но и мужчины, пояса с пряжками, разделителями и накладками, и, тем более, ледоходные шипы — не только мужчины, но и женщины. В качестве элементов мужской субкультуры с известной долей условности будут рассмотрены находки оружия (не всегда поддающегося четкому разграничению с орудиями труда), его миниатюрных воспроизведений, а также (с еще большей условностью) ледоходные шипы. Пахотные орудия (точнее, их железные наконечники), с точки зрения оценки соотношения восточноевропейских и скандинавских типов, требуют специального рассмотрения, которое пока никем не предпринималось.

Древнерусские находки оружия и вооружения были систематически рассмотрены в ряде монографий А.Н. Кирпичникова (Кирпичников 1966; 1966а; 1971; 1973), что позволяет ограничиться,

⁸⁵ Современная параллель — кратковременный взлет социального статуса валютных проституток — «интердевочек» в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. Их карьера

(особенно если она завершалась удачным браком с влюбчивым иностранным клиентом) была в эти годы мечтой не только многих советских (и постсоветских) девушек, но подчас и их родителей.

в данном случае, самым общим обзором, несмотря на то, что с момента выхода последнего из томов прошло уже 35 лет. За эти годы подверглась существенной корректировке хронология древностей (что выразилось, в первую очередь, в омоложении значительной части комплексов, ранее датированных X—XI вв.), накоплен значительный новый материал. Еще одно ограничение на использование сводов А.Н. Кирпичникова накладывает то, что он включал в них лишь несомненные находки оружия, меньше внимания уделяя рабочим и универсальным топорам, охотничьим и универсальным копьям. Свод стрел, изданный А.Ф. Медведевым (Медведев 1966), носит обзорно-обобщенный характер и, в силу этого, менее информативен. Однако единственная выделяемая в Восточной Европе группа наконечников стрел, связанная со скандинавским кругом древностей — ланцетовидные — была специально рассмотрена С.Ю. Каиновым (Каинов 1999), хотя, к сожалению, будучи специально посвящена стрелам Гнездова, она почти не включает новых находок из других мест.

Древнерусские находки мечей были систематизированы А.Н. Кирпичниковым (Кирпичников 1966). Среди этих находок есть мечи, типологически датирующиеся IX в., но датировка этим же временем момента их археологизации пока, в подавляющем большинстве случаев, недостаточно обоснована. Самая ранняя надежно датированная находка — меч из монетно-вещевого клада, сокрытого близ д. Брили (Брилевское поле) в верховьях Березины в 890-х гг. с младшей монетой — дирхамом, чеканенным в 890/91 гг. (Иов, Рябцевич 2002: 164—175; Плавинский 2006: 8—9, 67, мал. 3, №1). Однако, анализируя даты бытования мечей в Восточной Европе, следует учитывать, что среди старолужских находок представлены деревянные игрушечные мечи, которые и типологически, и стратиграфически относятся ко времени, начиная с третьей четверти VIII в. (Давидан 1976: 113, 115, рис. 7: 7—9; Рябинин 1999: 188—189, рис. 4: 1—12). Древнерусские находки мечей X—XI вв. фиксируют, как было установлено А.Н. Кирпичниковым, скандинавский путь поступления и имперский (с территории империи Каролингов, а затем империи Салической династии) источник производства (о чем свидетельствуют клейма) подавляющего большинства из них. Местное производство и клинков, и рукоятей развивалось на их основе, но было, скорее всего, малочисленным (Кирпичников 1966: 43).

3.1. Топоры

Иначе обстояло дело с топорами. В восточноевропейских комплексах, начиная с X в. (а в Старой Ладге — начиная с VIII в., см.: Давидан 1976: 113, рис. 7: 11; Старая Ладога 2003: 66, 67, №69), представлен целый ряд характерных для Скандинавии типов. Местное производство, по крайней мере, значительной части топоров этих типов (а скорее, большинства, возможно, подавляющего) следует

как из многочисленности находок, так и из наличия у многих топоров ряда особенностей, не характерных для Скандинавии (скругленный обух, дырочка на лезвии). Широкое распространение получают и в целом гибридные типы.

Тип V (топоры с опущенным лезвием и прямой верхней гранью) по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 37—38) соответствует типу С по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 71, 72, рис. 32). На Руси, наряду с многочисленными (73 экз.) универсальными (Кирпичников 1966а: 37, 41—43, 108—111, 118—121) известны еще более многочисленные (170 экз.) топоры этого же типа, атрибутируемые в качестве рабочих. Тип V составляет около 19% среди типологически атрибутированных боевых и универсальных топоров, отнесенных А.Н. Кирпичниковым к раннему (X — начало XI в.) периоду. В XI—XII вв. их доля падает до, примерно, 14%; после XII в. они уже не встречаются⁸⁶. Наиболее массовы топоры типа V на севере Руси (не южнее Ярославской и Владимирской областей).

Тип VI (топоры с опущенным лезвием и двумя парами боковых щековиц) по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 38—39) соответствует типам В и D по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 70—73, рис. 29—31, 33), и является немногим менее массовым на Руси, чем топоры типа V. В каталоге А.Н. Кирпичникова учтены 28 экз. универсальных топоров, а число рабочих определено в 155 экз. (Кирпичников 1966а: 37, 41—43, 110—111, 120—123). Общая датировка их бытования на Руси не выходит за рамки X—XII вв. Применительно к новгородским находкам они относятся к тому же типу топоров с опущенным лезвием, однако доля ранних экземпляров ниже⁸⁷. География распространения на древнерусских памятниках шире, чем у типа V, но для южной Руси, в частности, для Среднего Поднепровья они не характерны.

Тип VII (топоры с широким, близким к симметричному расходящимся лезвием и двумя парами боковых щековиц) по А.Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 39) соответствует типу М по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 78, рис. 44, 45). А.Н. Кирпичников учел 48 экземпляров (Кирпичников 1966а: 39, 41—44, 110—111, 122—125, 126—127), определенных им как универсальные, причем в его хронологическом определении лишь 2 (около 1%) относятся к X — началу XI в. Среди боевых и универсальных топоров XI—XII вв. доля типа VII составляет 15%, среди топоров XII—XIII вв. — около 16%. Еще 29 топоров, отнесенных к XII—XIII вв., опреде-

⁸⁶ Топоры типа V относятся к группе топоров с опущенным лезвием, серийно представленных в культурном слое Новгорода в слоях, синхронных 17 ярусу Неревского раскопа и более ранних, т.е. датирующихся временем до 1197 г.

⁸⁷ Среди находок, отнесенных А.Н. Кирпичниковым к X — началу XI вв., их около 5%, а среди боевых и универсальных топоров XI—XII вв. — около 7%.

лены в качестве рабочих. Относительно происхождения типа А. Н. Кирпичников (Кирпичников 1966а: 39) констатирует, что «все исследователи единодушно признали скандинавское происхождение широколезвийных секир, распространившихся около 1000 г. на всем севере Европы». Однако, как показывают новгородские находки и подтверждают материалы могильников Новгородской земли, на Руси этот тип получает распространение существенно позже — лишь со второй половины XII в.⁸⁸ Основная территория распространения топоров типа VII в Восточной Европе — северная часть Древней Руси: «чем южнее, тем меньше этих форм. Так, в Ярославской, Владимирской и Смоленской областях найдены только 4 секиры типа VII» (Кирпичников 1966а: 39).

Тип IV (топоры с опущенным лезвием, двумя парами боковых щековиц и удлиненным вырезным обухом) по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 36—37) соединяет в себе черты преимущественно североамериканского по происхождению типа VI (B-D по Я. Петерсену) и преимущественно восточноевропейского типа III⁸⁹. На Руси это самый массовый тип (А. Н. Кирпичниковым учтены 144 универсальных и 112 рабочих топоров, см.: Кирпичников 1966а: 36, 41—43, 106—109, 114—118), бытует он также не позже XII в. Доля универсальных топоров IV типа среди находок, отнесенных А. Н. Кирпичниковым к X — началу XI вв. — 20%, а среди боевых и универсальных топоров XI—XII вв. возрастает до 41%. Зона их распространения охватывает всю древнерусскую территорию, менее многочисленные образцы попадают и в соседние регионы.

Тип IA (топоры с опущенным лезвием и обухом-молоточком, имеющим грибовидную шляпку), по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 35), соединяют в себе черты воспринятых из культурной традиции степей топоров-чеканов (тип I) и связанное происхождением с Северной Европой широкое опущенное лезвие (свойственное типам IV, V и VI). Группа немногочисленна: А. Н. Кирпичниковым на Руси учтены лишь 7 боевых топоров, датированных им XI в. и найденных исключительно в восточных древнерусских землях: от Углича Поля на севере до Гочевского могильника в верхнем течении Псла на юге (Кирпичников 1966а: 212—213).

Суммарная статистика топоров, систематизированных А. Н. Кирпичниковым, с учетом принятых им датировок (Кирпичников 1966а: 43, 44, табл. 11, 12), которые нуждаются в существенной корректировке (большинство в сторону омоложения, но некоторые, в частности, верхняя дата бытования рабочих топоров VI типа — в сторону удревнения), в целом отражает общие тенденции. Для

оценки роли скандинавской традиции в древнерусском арсенале топоров целесообразно сгруппировать топоры (табл. 1) по происхождению типов: 1) типы V, VI и VII, непосредственно связанные со скандинавской традицией и в целом соответствующие скандинавской типологии; 2) типы I, II, III, VIII, IVA, VA, A⁹⁰ и Б, определенно не связанные со скандинавской традицией (степные, центральноамериканские или местные восточноевропейские), либо тип, скандинавские соответствия которому достаточно близки иным региональным разновидностям и на современном уровне исследования собственно скандинавская традиция вычлениению не поддается⁹¹; 3) гибридные типы IV и IA, объединяющие как скандинавские, так и местные или степные черты.

Можно видеть, что в XI—XII вв. достигают максимумов как доля собственно скандинавских (53%), так и гибридных со скандинавскими типами (34%), так что в сумме они дают 87% всех топоров этого времени. В предмонгольское время (это топоры, датированные у А. Н. Кирпичникова XII—XIII вв.) доля топоров, типологически связанных со скандинавской традицией, падает до 28%.

В связи с анализом механизмов вхождения новых типов топоров в древнерусскую культуру важно отметить (табл. 2), что скандинавские по происхождению типы (V, VI и VII) на начальных этапах своего распространения (в X — начале XI в. для типов V, VI и в XI—XII вв. для типа VII) представлены преимущественно боевыми (универсальными) образцами, рабочие же топоры (об условности разграничения — см. ниже) соответствующих форм становятся более массовыми позже (в XI—XII вв. для типов V, VI и в XII—XIII вв. для типа VII).⁹² Аналогичным образом обстоит дело и с гибридными типами IV и IA (последний представлен только боевыми образцами)⁹³.

⁹⁰ Тип А по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 40) является наиболее массовым в Финляндии, немногочисленные находки происходят из Юго-Восточного Приладожья.

⁹¹ Речь идет о топорах типа VIII по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 39—40). Немногочисленные боевые топоры ранней разновидности происходят преимущественно из Юго-Восточного Приладожья, где они встречаются вплоть до XII в.: топор из кургана 2 могильника Карлуха I, раскопки А. М. Линевского 1947 г. (у А. Н. Кирпичникова он значится под №446 Хвалевщина кург. 1, см.: Кирпичников 1966а: 124—124), найденный в мужском погребении вместе с овальным кресалом, датирующимся на основе Новгородских находок не ранее времени функционирования 20 яруса Неревского раскопа, т. е. не ранее 1116 г. (Кочуркина, Линевский 1985: 27; хр. в Институте истории, языка и литературы в Петрозаводске). Рабочие их аналоги на Руси существенно более массовы. Эти топоры соответствуют (без детализации) типам G, H, I, K, L, по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 74—78, рис. 38—43).

⁹² Степные по происхождению топоры-чеканы типов I и II представлены исключительно боевыми экземплярами (Кирпичников 1966а: 44, табл. 12).

⁹³ Некоторые типы немногочисленны в отдельные периоды или в целом, это делает подсчет процентов сугубо оценочным, но от этого он не перестает быть показательным.

⁸⁸ После 1161 г., если принять условную синхронизацию с ярусами Неревского раскопа в Новгороде.

⁸⁹ Узколезвийные топоры с двумя парами боковых щековиц и удлиненным вырезным обухом (Кирпичников 1966а: 35—36).

Таблица 1.

Типы	X — начало XI вв.	XI—XII вв.	XII—XIII вв.
I, II, III, VIII, IVA, VA, A, Б	174 (58%)	82 (13%)	293 (72%)
V, VI, VII	73 (25%)	337 (53%)	93 (28%)
IV, IA	49 (17%)	214 (34%)	—
Всего	296 (100%)	626 (100%)	332 (100%)

Таблица 2.

Типы	X — начало XI вв.		XI—XII вв.		XII—XIII вв.	
	боевые	рабочие	боевые	рабочие	боевые	рабочие
V	36 (77%)	24 (23%)	37 (20%)	146 (80%)	—	—
VI	10 (91%)	1 (9%)	18 (16%)	97 (84%)	—	57 ¹ (100%)
VII	2	—	39 (100%)	—	7 (14%)	29 (86%)
IA	—	—	7 (100%)	—	—	—
IV	38 (78%)	11 (22%)	106 (51%)	101 (49%)	—	—

¹ Только XII в.

Отмеченное А. Н. Кирпичниковым более раннее распространение такой характерной для типов VI, VII и VIII особенности, как «укрепление их проуха только боковыми щекавицами» (Кирпичников 1966а: 44) преимущественно среди рабочих топоров обусловлено наличием этой особенности у архаичного типа VIII, на долю которого в X — начале XI в. приходится 62% всех рабочих топоров.

Показательно, что находки топоров типов V и VI на поздних роменских памятниках маркируют нарастающее влияние древнерусской культуры (Григорьев 2000: 141, 142, рис. 47: 3, 4).

Широколезвийные топоры (как с опущенным лезвием, так и симметричные) предъявляют более высокие требования к технологии изготовления (и к качеству железа-стали, и к качеству сварки), чем известные в Восточной Европе до X в. (и продолжавшие использоваться, хотя и не составлявшие впоследствии большинства узколезвийные — типы I⁹⁴, III, VIII⁹⁵ и A по А. Н. Кирпичникову). Не случайно именно угловые части лезвий чаще всего находят отломанными в культурных слоях поселений (разрушение проуха — общая проблема для топоров всех типов). Широкое распространение на территории Древней Руси топоров с широкими лезвиями (типов V—VII, по А. Н. Кирпичникову) следует рассматривать в контексте принесенной из Скандинавии более совершенной технологии кузнечного дела. К сожалению, пока не подвергнут систематическому статистическому анализу такой важный для культурной атрибуции топоров признак, как форма обуха. Обухи скандинавских топоров всегда прямые, в то время как восточно-европейские топоры могли иметь различные обухи: прямые, скругленные, снабженные молотками-чеканами (типы I и II по А. Н. Кирпичникову).

3.2. Копья

Роль скандинавских прототипов в сложении древнерусского набора наконечников копий пока труднее поддается анализу и, возможно, более ограничена в сравнении с топорами. Уверенно можно говорить о ланцетовидных наконечниках — тип I по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 9, 11), по большей части соответствующий типу E по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 59—61, рис. 12—13). Древнейшей восточноевропейской находкой является деревянный игрушечный наконечник копья из Староладожского Земляного городища, найденный в слое, датированном на основе дендрохронологии 770-ми — 790-ми гг. (Рябинин 1999: 189—190, рис. 4: 13), следующая по времени деревянная модель происходит из горизонта E₁, относящегося ко второй половине IX — началу X (Давидан 1976: 114, 115, рис. 8: 15). А. Н. Кирпичников учел 83 наконечника (Кирпичников 1966а: 9, 12, 18—21, 68—71, 78—81), причем в его хронологическом определении среди всех копий X — начала XI вв. ланцетовидные составляют 24%, а среди копий XI—XII вв. их доля падает до 16%⁹⁶. Время бытования ланцетовидных наконечников копий в Восточной Европе А. Н. Кирпичников ограничивает 900—1050 гг., при том, что в Скандинавии они появляются еще в вендельское время и бытуют на протяжении XI в. При этом фиксируется тот же процесс уменьшения доли длины пера в общей длине копья; такое копье, не включенное в тип E, Я. Петерсен датировал этапом, переходным от эпохи викингов к средневековью (Петерсен 2005: 58, 69, рис. 26). Л. Тунмарк-Нулен фиксиру-

⁹⁴ Без подтипа IA.

⁹⁵ Без подтипа VIIIA.

⁹⁶ С учетом того, что А. Н. Кирпичников датировал их лишь до середины XI в., они могли быть представлены лишь в части хронологического интервала. Соответственно, доля ланцетовидных наконечников в XI в. должна быть выше, чем в предшествующий период.

ет доживание ланцетовидных наконечников копий на Готланде до XII в. (Thunmark-Nylén 2006: 305). Уточнение хронологии древнерусских памятников определяет расширение верхней даты бытования ланцетовидных наконечников до начала или всей первой трети XII в., но общая тенденция наибольшей популярности их на раннем этапе (X — первая половина XI в.) сохраняется. Некоторые экземпляры наконечников (с орнаментом и дамаскировкой), несомненно, импортные, вопрос о месте производства остальных остается открытым. По крайней мере, некоторые из них, скорее всего, были привезены на древнерусскую территорию, но, учитывая многочисленность находок, весьма вероятно и местное производство, хотя специфические особенности восточноевропейских находок не выявлены. Ланцетовидная форма на Руси, как и во всей Европе, не дает дальнейшего развития, будучи вытеснена новыми типами. А. Н. Кирпичников отмечает (не конкретизируя), что некоторые из наконечников ромбической формы (тип II) «по типологическим признакам сближаются с ланцетовидными и представляют для X — начала XI в., по-видимому, ответвления последних» (Кирпичников 1966а: 12). То есть, известны скандинавско-восточноевропейские гибридные формы, но они малочисленны (копий типа II, включая и близкие к ланцетовидным, учтено всего 11 экз.), находки их достаточно локальны (Владимирские курганы, район Муром, Рязань, а также мордовские могильники), а хронологически они не переживают время бытования ланцетовидных.

Интересна география распространения ланцетовидных наконечников в Восточной Европе. Ранние находки особенно многочисленны в Юго-Восточном Приладожье, но, в целом, широко распространены по древнерусской территории, будучи представлены на памятниках, где надежно фиксируется присутствие и других скандинавских компонентов (Сарское городище, Гнездово, Чернигов и Шестовицы, деревянная модель в Ладогe), а также (но не столь серийно) на ряде других поселений и могильников. На заключительном этапе бытования в Приладожье их уже не так много (2 экз.), но зато уверенно прослеживается концентрация вдоль северо-западной и западной границы древней Руси. Опубликованная А. Н. Кирпичниковым сводная таблица (Кирпичников 1966а: 19, табл. 2) наглядно фиксирует, что на западнорусских территориях — от западной части Петербургской губ. на севере до Белоруссии на юге — найдены 19 (а если включить и пограничное Приладожье, то 21) из 25 экземпляров относительно поздних ланцетовидных наконечников.

Список ланцетовидных наконечников можно дополнить достаточно многочисленными новыми и, в меньшей мере, старыми, но не учтенными в своде находками: из могильника у д. Мучихино в междуречье Волхова и Тосны (1 экз.); в бассейне р. Лавы, впадающей в Ладожское оз. (Волковицкий, Григорьева, Селин 2008: 152, 153, рис. 2: 7); из каменной кучи близ южного бере-

га Финского залива (1 экз.)⁹⁷; из кладоискательских раскопок могильника близ д. Ополье (4 экз.) и близ бывшей мызы Малли (не менее 2 экз.) в бассейне р. Луги на западном склоне Ижорского плато⁹⁸. Один экземпляр, числящийся как происходящий из могильника в д. Выра, на самом деле происходит из погребения по обряду кремации из раскопок Л. К. Ивановского⁹⁹. Этот небольшой наконечник атрибутирован А. Н. Кирпичниковым как сулица III типа (Кирпичников 1966а: 100—101, №16), однако форма наконечника несомненно ланцетовидная с пропорциями, характерными для поздней группы. По одному экземпляру происходит из грунтовых (?) частей могильников близ деревень Скарятина гора и Ольгин Крест на восточном берегу р. Нарвы¹⁰⁰ (Ligi 1993: 133, 137, tahv. XI: 4, 6). Восемь экземпляров найдено в могильнике Залахтове на восточном берегу Чудского оз. (Хвощинская 2004: 95), 6 экз.¹⁰¹ — в Изборске (Артемьев 1982: 87, 88, 90, 91, рис. 1: 1, 4, 8; 2: 2, 3; 1991а: 183, 193, рис. 2; Седов 2002: 78, 79, рис. 41: 2; 3: 5; 2007: 107, 108, рис. 86: 2, 3, 5); 1 экз. — в кургане 12 могильника близ д. Малы под Изборском (Nerman 1926: 65—70, Fig. 50). По одному экземпляру происходят из кургана 1 могильника ур. Рацкий Бор I близ Браслава и из могильника Устье в Браславском районе Витебской области на северо-западе Белоруссии близ литовской границы; два экземпляра найдены на городи-

⁹⁷ Пользуюсь случаем выразить О. И. Коньковой благодарность за собранные и сообщенные сведения о находке.

⁹⁸ Пользуюсь случаем выразить благодарность И. В. Стасюку за собранные им и сообщенные мне сведения о находках из разграбленных могильников.

⁹⁹ Хранится в ГИМ, оп. 141/65. Сведения о нем в полевых дневниках Л. К. Ивановского отсутствуют, однако наконечник копья упомянут в Указателе РИМ (Указатель РИМ 1893: 170, №1303).

¹⁰⁰ Из могильника близ д. Кунигаколя, расположенного напротив, на западном берегу р. Нарвы, происходят еще 2 или 3 ланцетовидных наконечника (Ligi 1993: 132, tahv. XI: 3, 5, 6).

¹⁰¹ А. Р. Артемьев (Артемьев 1982: 87, 88, 90, 91, рис. 1: 1, 4, 6, 8; 2: 2, 3) указывает на 7 ланцетовидных наконечников копий, среди которых 5 втульчатых и 2 черешковых. В. В. Седов определяет как ланцетовидные только втульчатые наконечники — четыре, относимые им к нижнему слою (Седов 2002: 78, 79, рис. 41: 2; 3: 5, 8; 2007: 107, 108, рис. 86: 2; 3: 5, 8), и один из вышележащих слоев (Седов 2007: 325, 326, рис. 330: 3). Однако один из них (Седов 2002: 79, рис. 41: 8; 2007: 108, рис. 86: 8) относится к более раннему типу А по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 56, рис. 7; см. о нем также: Артемьев 1982: 87, 88, рис. 2: 1; Белецкий, Лесман 2003—2004: 554, 560, табл. 20, №13, рис. 24: 13). Еще один наконечник копья (Артемьев 1982: 88, рис. 1: 6; более качественный рисунок, хотя и без сечения пера см.: Седов 2002: 79, рис. 41: 7; 2007: 108, рис. 86: 7) относится к более поздним рогатинам — типу IVA по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 15; см. о нем также: Белецкий, Лесман 2003—2004: 558, 563, табл. 20, №144, рис. 24, 144). Помимо них, корректировки требует атрибуция еще одного наконечника (Седов 2007: 325, 326, рис. 330: 3): он относится не к ланцетовидным, а к более позднему типу IIIБ по А. Н. Кирпичникову (Кирпичников 1966а: 14).

№5. 2014

ще у д. Кульбичино в Гродненской области, тоже близ литовской границы (Дернович 2006: 16—22, 56—57, рис. 9—11). Два экземпляра, дополнительно к шести, учтенным А. Н. Кирпичниковым, найдены в курганном могильнике Заславля¹⁰² на западе Древней Руси (Заяц 1985: 183, 185, рис. 1: 2—4; 1995: 62—63, 185, рис. 39: 6—9). Уже эта далеко не полная подборка, включающая 30 наконечников, более чем на треть увеличивает список А. Н. Кирпичникова. Следует также учесть, что в подавляющем большинстве упомянутые наконечники относятся к заключительному этапу бытования типа — XI — началу XII вв., лишь некоторые из них, по-видимому, ранние (часть копий из Изборска, которые датируются, скорее всего, даже не X, а IX в.).

При всей условности и подвижности ранне-средневековых пограничных линий в XI в., несомненно, фиксируется тяготение находок ланцетовидных наконечников к северо-западной границе Древней Руси (от Понеманья до Приладожья), причем как с древнерусской стороны границы, так и со стороны территорий, заселенных носителями прибалтийско-финских и балтских языков. На их территории ланцетовидные наконечники известны и в других районах, но преимущественно западных: вдоль побережья Балтийского моря¹⁰³ — основной зоны контактов со скандинавами. Весьма вероятно, что концентрация ланцетовидных наконечников копий в приграничной зоне отражает культурную специфику тех контингентов, которые обеспечивали контроль (может быть, точнее было бы написать «которые несли службу») на северо-западной границе Древнерусского государства¹⁰⁴. Однако пока остается неясным, следует ли отмеченную концентрацию ланцетовидных наконечников копий связывать непосредственно со скандинавским культурным компонентом, считая их частью вооружения, полученного «по месту несения службы», или правильнее говорить об их распространении в качестве следов скандинавского влияния, воспринятого частью прибалтийско-финского и балтского населения независимо (еще до) привлечения к службе по охране древнерусского пограничья¹⁰⁵.

¹⁰² Из 16 наконечников копий, найденных в курганах Заславля, 8 — ланцетовидные (Заяц 1985: 183).

¹⁰³ В Литве серии находок ланцетовидных наконечников копий известны также из районов Вильнюса и Каунаса.

¹⁰⁴ О некоторых типах предметов женского убора преимущественно XI и, отчасти, X в., находки которых тоже концентрируются в зоне северо-западной, а, отчасти, северо-восточной и восточной границ см. (Лесман 2008: 45—50, 69—70, рис. 1: 5, 6; 3: 2, 3).

¹⁰⁵ Хочу выразить благодарность Н. А. Плавинскому, который своим вопросом, заданным в ходе происходившей на конференции дискуссии (см. Сложение ... 2009), привлек мое внимание к специфике распространения ланцетовидных наконечников копий в зоне, примыкающей к западным границам Древней Руси.

Требует специального анализа и зона северо-восточного — восточного пограничья древней Руси. Как уже упоминалось, именно там зафиксированы гибридные формы, включенные А. Н. Кирпичниковым в тип II и связанные с ланцетовидными (Кирпичников 1966а: 12). В этом регионе известны и собственно ланцетовидные наконечники, в том числе новые находки, не учтенные А. Н. Кирпичниковым (хотя, по-видимому, менее массовые, чем на западе). Об этом же пишет и А. Е. Леонтьев, выделяя в материалах Сарского городища две разновидности ланцетовидных наконечников, из которых одна соответствует скандинавским образцам, а другую «можно отнести к изделиям местных мастеров», причем указывает, что «подобные наконечники известны в небольшом количестве в погребениях мордвы VII—IX вв., мари и муромы IX — начала X в.» (Леонтьев 1996: 115). Однако исследователи соответствующих древностей не рассматривают такие копия специально: например, А. В. Циркин, анализируя оружие мордвы, лишь кратко характеризует выделенный им вариант «а» типа II-Г-1 по своей классификации (часть экземпляров могут рассматриваться как ланцетовидные и не имеющие характерного для многих местных наконечников копий манжета в основании втулки), но не указывает ни количества экземпляров, ни датировки (Циркин 1984: 126). Необходим целенаправленный анализ восточных находок ланцетовидных и близких им наконечников¹⁰⁶. В силу этого открытым остается вопрос о наличии и характере (прямом или опосредованном) связи со скандинавскими прототипами.

А. Н. Кирпичников выделяет «копья с относительно широким пером удлиненно-треугольной формы» в тип III с двумя подтипами IIIА и IIIБ. В совокупности они образуют самую многочисленную группу древнерусских наконечников копий — 43% от всех учтенных А. Н. Кирпичниковым типологически определяемых наконечников (240 из 559 экземпляров). Собственно тип III соотносится с несколькими типами в типологии Я. Петерсена (типы F, G, H, K, см.: Петерсен 2005: 61—65, рис. 15—19, 21, 22), но А. Н. Кирпичников отказался от сопоставления большинства древнерусских находок со скандинавской типологией эпохи викингов, ограничившись более обобщенной картиной¹⁰⁷. Хотя часть найденных на Руси копий этого типа несомненно изготовлены в Скандинавии, а часть восходит к скандинавским прототипам, но у части находок весьма вероятны и иные корни. Копья раннего варианта подтипа IIIА, то есть — датированные А. Н. Кирпичниковым периодом до начала XI в. включительно (Кирпичников 1966а: 13), морфологически почти не отличаются от ко-

¹⁰⁶ Исследователи, рассматривавшие находки оружия на памятниках мордвы, мари, муромы, к сожалению, не уделяли внимание соотношению своих типологий с древнерусской или североевропейской.

¹⁰⁷ Так же поступила и Л. Тунмарк-Нюлен при анализе находок с о. Готланд (Thunmark-Nylén 2006: 302—303).

пий местного типа II, распространены в том же регионе и синхронны им. В свою очередь, группа того же подтипа IIIA, датирующаяся XI—XIII вв., соответствует популярному в Скандинавии типу M по Я. Петерсену (Петерсен 2005: 67, рис. 25). К. Кройц, рассматривая наконечники копий типа M из балтийского региона (Швеция, Финляндия, Эстония, Латвия, северо-западные районы России, включая часть находок из Восточного Причудья, Ижорского плато и Юго-Восточного Приладожья), выделяет внутри типа M восемь групп, из которых четыре представлены в Швеции единичными находками или вообще не известны (Steutz 2003: 37, 59, fig. 2: 8; 4: 6). На древнерусской территории среди двух десятков наконечников, проанализированных К. Кройц, представлены четыре группы, три из которых соответствуют шведским (группы M1, M2, M8), одна (M4), по ее данным, в Швеции не представлена, в Финляндии редка, но известна (хотя и в меньшей доле) в Эстонии и Латвии. С другой стороны, на Руси ею не указано ни одного наконечника группы M3, составляющей в Швеции 20% находок¹⁰⁸. Некоторые вопросы возникают и со шведскими материалами, в частности, мне осталось непонятно, почему в работу не вошли, например, относящиеся к группе M4 наконечники копий с Готланда, опубликованные Л. Тунмарк-Нулен (Thunmark-Nylen 1998: Taf. 248: 2—4). В силу этого я не вижу пока оснований рассматривать копьё группы M3 в качестве прибалтийско-древнерусского варианта. С другой стороны, собранные и систематизированные К. Кройц материалы показывают, что с типом M по Я. Петерсену соотносятся не только поздняя (датируемая А. Н. Кирпичниковым XI—XIII вв.) группа копий типа IIIA, но и синхронная им поздняя группа копий типа IIIB (она соответствует группе M3, по К. Кройц). Помимо этого, многочисленность копий типа M не только в Скандинавии, но и в Прибалтике делает последнюю также возможным посредником при их распространении на Руси. Таким образом, со скандинавским типом M могут оказаться связаны в общей сложности 66 наконечников копий этих типов — 22 экземпляра, отнесенных А. Н. Кирпичниковым к XI—XII вв., и 44 — к XII—XIII вв. (Кирпичников 1966а: 21, табл. 4), — а также какая-то часть копий основного типа III¹⁰⁹. Древнерусские находки копий, сопоставимых с типом M по Я. Петерсену (датируемые XI—XIII вв. экземпляры типов IIIA и IIIB по А. Н. Кирпичникову), известны почти по всей территории Древней Руси, но боль-

шинство находок — около 73% (48 из 66 учтенных А. Н. Кирпичниковым, см.: Кирпичников 1966а: 19, 20, табл. 2; 3) найдены в северо-западных и западных землях (Новгородской, включая Псковскую, Смоленской, Полоцкой и в Черной Руси), где они среди копий, датированных XI—XIII вв., составляют около 28%; среди датированных XI—XII вв. — около 13% (17 из 126 типологически определенных экз.), среди датированных XII—XIII вв. — около 69% (31 из 45 экз.). Все приведенные рассуждения, к сожалению, позволяют дать лишь нижнюю оценку доли среди древнерусских копий собственно скандинавских типов или типов, развивающих скандинавские традиции в XI—XIII вв.: для копий, включенных в свод (Кирпичников 1966а: 21, табл. 4), типологически атрибутированных и датированных А. Н. Кирпичниковым XI—XII вв., это более 31% (из 154 наконечников), для XII—XIII вв. — более 26% (из 168 наконечников). Наиболее высока эта доля для северо-западных и западных земель: около 39% для XI—XII вв. и около 69% для XII—XIII вв.

3.3. Стрелы

Ланцетовидные наконечники стрел, так же как и близкие им по форме наконечники копий, являются почти общепризнанно скандинавским по происхождению элементом материальной культуры Восточной Европы. Средневековые восточноевропейские наконечники стрел были систематизированы А. Ф. Медведевым, причем изделия ланцетовидной формы составили типы 10, 62, 75, 77, 78, 79 (без варианта 3), вариант 2 типа 29, а некоторое количество ланцетовидных наконечников входят в тип 63 и, возможно, в тип 90 (Медведев 1966: 58, 62, 73—74, 78—80, 83, табл. 12: 47; 13: 8; 14: 11, 32, 33; 15: 29, 30; 16: 20—23; 17: 16—21, 34—37; 18: 33, 34; 19: 26; 21: 16; 19: 1; 25: 5, 14; 28: 16, 18; 30: 8, 59, 71, 72, 73, 74). К сожалению, достаточно представительная сводка находок пока никем не составлена (или не опубликована). С. Ю. Каинов детально проанализировал ланцетовидные наконечники стрел из Гнездово, сопроводив свою статью обобщенным обзором остальных находок на древнерусской территории. Изданная им карта с 52 пунктами, где найдено свыше 360 ланцетовидных наконечников стрел (Каинов 1999: 60, рис. 7), опирается почти исключительно на опубликованные материалы и отражает лишь предварительный результат; она может (и должна) быть существенно дополнена, как за счет пропущенных ранее изданных находок, так и за счет новых¹¹⁰. Пока можно

¹⁰⁸ Следует, однако, учитывать, что К. Кройц смог рассмотреть лишь часть древнерусских наконечников (не все копьё даже в границах рассматриваемого ею района), в частности, ее варианту M3 соответствует часть поздних (не ранее XI—XII вв.) копий типа IIIB по А. Н. Кирпичникову.

¹⁰⁹ Часть копий этого типа соответствует скандинавским типам (F, G, H и K, по Я. Петерсену), но для каких-либо количественных оценок необходим их индивидуальный анализ.

¹¹⁰ В качестве примеров укажу на неучтенные 11 наконечников стрел с городища Крутик (Голубева, Кочкуркина 1991: 61—62, рис. 29: 15—17). Существенно большее количество ланцетовидных наконечников стрел происходит из Изборска — не 6—10 экз., как на карте, а 14. Из Пскова (на карте Каинова значок неизвестного количества экземпляров), по сведениям А. Р. Артемьева (Артемьев 1991: 71), происходит не менее 10 экз., но, с учетом псковских коллекций Гос. Эрмитажа, их значительно больше. Перечень находок ланцетовидных наконечников стрел на тер-

№5. 2014

констатировать, что ланцетовидные наконечники известны почти по всей территории, где исследовались древнерусские памятники X — первой половины XII в. (именно так, по меньшей мере, большинство из них здесь датируется), однако число самих памятников, на которых они найдены, по видимому, относительно невелико.

В подавляющем большинстве случаев не велика и доля самих ланцетовидных наконечников среди прочих разновидностей. Лишь на нескольких памятниках ланцетовидных наконечников стрел относительно много и можно, хотя бы ориентировочно, оценить их долю. При рассмотрении и географии распространения, и, особенно, статистики стрел следует учитывать, что среди материалов с поселений часть стрел — следы разрушения поселений или, по крайней мере, попытки их разрушения чужаками. Впрочем, и некоторые наконечники в погребениях были не погребальным инвентарем, сопровождающим умершего, а причиной его смерти. Такая статистика имеет смысл, если она определяется в рамках коллекции стрел хотя бы приблизительно синхронных периоду бытования ланцетовидных наконечников: IX — середина XII в. Последнему требованию не отвечает, например, коллекция из Княжьей Горы в Среднем Поднепровье, охватывающая весь период до монгольского завоевания: в нее входят 467 наконечников, из которых не менее 6 ланцетовидных, но некоторые из наконечников, описанных как «массивные граненые броневые», скорее всего, являются ланцетовидными с квадратным сечением пера (Шендрік 1958: 163, 164, 167, 168, 173, 174, табл. III: 15, 16; V: 1, 11?, 12?, 13?), причем утверждение, что среди них «221 типологически могут принадлежать IX—X вв.» (Зоценко 2004: 92), можно принять лишь с упором на «могут», так как слишком мало типов наконечников стрел, которые удастся типологически датировать в Восточной Европе так узко (пожалуй, это только ромбические гнездовского типа, но и для них нельзя полностью исключить доживание до XI в.), подавляющее же большинство типов (в том числе почти все находки с Княжьей Горы) либо датируются шире времени бытования ланцетовидных наконечников, либо входят в употребление поз-

же, чем перестали использовать ланцетовидные. Статистика ланцетовидных наконечников стрел на фоне синхронной им коллекции опубликована С.Ю. Каиновым для Гнездова (Каинов 1999: 49, 50, табл. 1), откуда происходит самая большая коллекция: в целом 41% (152 из 371 типологически определенных), в том числе среди материалов могильника 34% (64 из 190), среди материалов городища 48% (62 из 130), селища — 28% (26 из 92).

Приведу еще несколько примеров. На основе опубликованных материалов можно оценить долю ланцетовидных наконечников стрел в Тимеревском комплексе: в целом 31% (17 из 55), в том числе на селище 36% (9 из 25, см.: Дубов 1982: рис. 13: 1, 2; 17: 13; 25: 5; 28: 9; 37: 8, 9; 43: 6; 45: 6 и рис. 13: 3—7; 25: 6, 7; 27: 6, 7; 28: 10; 36: 2; 38: 8; 40: 4; 43: 7; 44: 10; 45: 5), на могильнике 27% (8 из 30, см.: Недошивина 1991: 168). Еще для ряда памятников доля ланцетовидных наконечников стрел поддается оценке по материалам либо только могильников, либо только поселений. Ярославские могильники (Недошивина 1963: 57—58): у д. Михайловское — 54% (7 из 13), у д. Петровское — 12,5% (коллекция мала — 1 из 8). Эти небольшие коллекции можно охарактеризовать и суммарно вместе с близким к ним более исследованным Тимеревским комплексом — 31% (16 из 51), что соответствует картине для Тимерево в целом. Городище Крутик в Белозерье: 20% (11 из 54, см.: Голубева, Кочуркина 1991: 60—62). На Сарском городище (включая его посад) ланцетовидные наконечники стрел составляют 38% коллекции (25 из 66, см.: Леонтьев 1996: 111, табл. 5). Несмотря на малый размер коллекции, обращает на себя внимание высокая доля ланцетовидных наконечников стрел с городища Выжегша на р. Колокша, правом притоке Клязьмы к северо-западу от Владимира — более 62% (5 из 8, см.: Леонтьев 1966: 201, 203, рис. 86: 1—4). На городище Прудники на северо-западе Белоруссии 47% наконечников — ланцетовидные (18 из 38 наконечников стрел, происходящих из слоев, датированных периодом до XII в. включительно, всего на городище найдены 48 наконечников стрел, см.: Шадьро, Ласкавий 1994: 217—224). На городище Кульбичино в Понеманье на западе Белоруссии 41% наконечников стрел — ланцетовидные (14 из 34 экз.), однако следует учитывать, что 20 наконечников были найдены вместе и, скорее всего, находились в одном колчане (Пивоварчик 1994: 193—196, рис. 2: 2, 4; 3: 6). Белорусские находки показательны в связи с ситуацией на соседних с запада территориях — в Литве ланцетовидные наконечники стрел почти не известны. В Новгороде среди опубликованных материалов, полученных в ходе исследований Неревского раскопа в 1951—1956 гг., найдено в общей сложности 12 ланцетовидных наконечников стрел¹¹¹, из которых два, несомненно,

ритории Украины опубликован В.Н. Зоценко и включает девять памятников или комплексов памятников, в числе которых восемь древнерусских и Херсонес (Зоценко 2004: 90—93); из них С.Ю. Каиновым были учтены только четыре. Для территории Белоруссии аналогичную сводку составил С.Д. Дренович, который учел находки с 12 памятников (Дренович 2006: 27, 58—60, карта 6). Из них, в сравнении с картой С.Ю. Каинова, 5 новых, а один — городище Масковичи — отсутствует, хотя Л.В. Дучиц указывает на находку трех ланцетовидных наконечников стрел (Дучиц 1991: 40—41). Замечу, что список С.Д. Дреновича может быть расширен, один из примеров — наконечник из кургана 7 могильника между деревнями Банонь и Екимань под Полоцком (Штыхаў 1992: 120—121, мал. 67: 10). Работы В.П. Зоценко и С.Д. Дреновича посвящены собственно скандинавским артефактам, что автоматически выводило за рамки рассмотрения древнерусские изделия, даже если они восходят к скандинавским прототипам.

¹¹¹ Ниже 28-36-154; 27-30-298; 2 экз. разных вариантов 27-30-1250; 27-28-928; 26-29-373; 25-20-657; 24-27-342; 24/23-21-510; 18-23-272; 15-20-322; 0-5-58 (Медве-

переотложены, а из остальных наиболее поздний происходит из слоя 18 яруса (1161—1177 гг.), всего из слоев не выше 18 яруса происходят 63 железных наконечника стрел, соответственно ланцетовидные составляют 19%.

Большинство восточноевропейских находок ланцетовидных наконечников стрел типологически вполне соответствует скандинавским образцам (Каинов 1999: 56—59; Зоценко 2004: 90—93), однако с той или иной степенью вероятности можно предполагать их местное производство X в. в Гнездово (Каинов 1999: 59, 61).¹¹² Известны среди восточноевропейских находок и местные варианты ланцетовидных стрел, не характерные для Скандинавии. А.Ф. Медведев считал, что тип ланцетовидных плоских (ромбических в сечении) наконечников без упора (тип 62, вариант 1) «появляется на рубеже нашей эры в Прикамье и был распространен в северной полосе в IX — первой половине XI в.» (Медведев 1966: 73), однако ранние наконечники из Прикамья по форме отличаются от средневековых, и их объединение в один тип с ланцетовидными весьма условно. А.В. Крыганов считает, что восточноевропейские ланцетовидные трехгранные в сечении наконечники (тип 75 по А.Ф. Медведеву) «имеют явно азиатское происхождение» и появляются в VII—VIII вв. (Крыганов 1990: 72—73, 80, рис. 1, 15), однако в своей краткой статье полностью воздерживается от какой-либо аргументации, а в качестве иллюстрации приводит мелкий схематичный рисунок наконечника, отдаленно напоминающего по форме ланцетовидный, но, в отличие от собственно ланцетовидных трехгранных, лишенный упора. По-видимому, автора ввело в заблуждение трехгранное сечение пера, в самом деле популярное в степной зоне Евразии. С.Ю. Каинов рассматривает местные восточноевропейские разновидности ланцетовидных наконечников как результат адаптации скандинавских типов¹¹³. К сожалению, вопрос о местных восточноевропейских разновидностях ланцетовидных стрел лишь кратко затронут С.Ю. Каиновым, и пока не подвергнут специальному исследованию. Отсутствует даже предварительная сводка таких находок.

дев 1959: 156, 158, 159, 164, 169, 170, табл. 9: №31—35, табл. 10: №99—103, 127, 128, рис. 13: 7—10, 37—40). Наконечник 15-20-322 найден в угловом квадрате раскопа и, весьма вероятно, был перемещен при копании водосборной траншеи, наконечник 0-5-58 найден в верхних нестратифицированных отложениях.

¹¹² С.Ю. Каинов (1999: 54, 61) предполагает наличие следов местного производства ланцетовидных наконечников стрел в Ладоге с середины VIII в., опираясь на находку наконечника стрелы среди вещей, связанных с производственным комплексом этого времени, однако, во-первых, указанный наконечник не относится к типу ланцетовидных (Рябинин 1995: 62, 63, рис. 24: 9), даже если наконечник стрелы (завершенное изделие, а не полуфабрикат) является продукцией, а не следом разгрома мастерской.

¹¹³ Речь идет о варианте типа 62, отличающемся более длинным и толстым черешком, а также о варианте 1 типа 78 и варианте 1 типа 79 (Каинов 1999: 55, 61).

Отмеченные С.Ю. Каиновым местные стрелы с длинным, обычно толстым черешком и коротким пером, нехарактерным для Скандинавии, известны не только в Гнездово и юго-восточном Приладожье, но и в других регионах. Они найдены, например, в упоминавшемся кургане между деревнями Банонь и Екимань под Полоцком (Штыхаў 1992: 120—121, мал. 67: 10), в культурном слое городища Масковичи, в Минске (Загорульский 1982: 219, 313, табл. IX: 15; Гурин 1987: 75, рис. 33: 1?, 14, 15, 18) и в Берестье (Лысенко 1985: 221, 222, рис. 150: 8). Последние три места находки интересны тем, что датируются относительно поздним временем: из Масковичей — в рамках XI—XIII вв., из Минска — не ранее 70-х гг. XI в., из Берестья — XII в. Наличие подобных наконечников в Гнездово указывает на то, что восточноевропейская разновидность появилась уже в X в. Весьма вероятно, что дальнейшим местным развитием скандинавской традиции являются также наконечники варианта 2 типа 78 и варианта 2 типа 79 (вариант 3 имеет форму пера, отличную от ланцетовидной, и требует отдельного рассмотрения), но их специальное исследование пока, насколько мне известно, никем не предпринималось. Однако, насколько можно судить по предварительным наблюдениям, количественно это относительно немногочисленные типы. В целом место скандинавской струи в формировании арсенала древнерусских наконечников стрел, несомненно, ниже, чем в формировании арсенала копий и, тем более, топоров.

На подавляющем большинстве памятников ланцетовидные наконечники стрел, если они там известны, найдены не более чем в нескольких экземплярах. Если речь идет о слоях поселений, такие находки могут характеризовать не столько особенности культуры жителей поселения, сколько вооружение нападающих, особенно если находки связаны со слоями разрушения. Это может относиться и к более массовым сериям, если они коррелируют со слоями пожаров или найдены на склонах укреплений: так, в частности, интерпретировал находки ланцетовидных наконечников стрел в Изборске А.Р. Артемьев (Артемьев 1991: 72), таков контекст по крайней мере одного из ланцетовидных наконечников, найденного в Лукомле (Штыхов 1978: 44). Весьма вероятно, что в ряде случаев единичные находки ланцетовидных наконечников стрел на памятниках в слоях, относящихся к заключительному этапу культур, предшествующих древнерусской (например, на позднероменском селище Горбово, см.: Григорьев 2000: 39, рис. 13: 20), маркируют этап вхождения соответствующих территорий в состав древнерусского государства (и следовавшим за этим распространением здесь древнерусской культуры), сопровождавшийся насильственной гибелью соответствующих культурных общностей в процессе подчинения власти древнерусских князей тех носителей местных культурных традиций, которые не успели бежать (как отступили на Оку и в Подмоскowie часть носители роменской культуры).

3.4. Ледоходные шипы

Ледоходные шипы получают широкое распространение в Скандинавии в вендельское время, причем и в варианте конских шипов (тип 1 по Г. Арвидсон, см.: Arwidsson 1986: 111—112, Abb. 12: 1; см. также: Petersen 1951: 62—64 и др.), и в варианте обувных¹¹⁴. Продолжали они широко использоваться как в эпоху викингов, так и в средневековье. Наиболее ранние восточноевропейские находки происходят из нижних горизонтов слоя ЕЗ Старой Ладogi (см., напр.: Рябинин 1985). В X в. их находки в Восточной Европе связаны, как правило, с памятниками, на которых фиксируется присутствие скандинавских культурных компонентов. В слоях Новгорода ледоходные шипы известны со второй половины X в. (Колчин 1959). На древнерусских памятниках XI—XIII вв. шипы наиболее простого 1 типа являются достаточно массовой находкой, причем долгое время их ошибочно интерпретировали как древолазные, считаясь свидетельствами бортного промысла. Эта ошибка была исправлена А.Н. Кирпичниковым, который совершенно справедливо определил их назначение, указав на скандинавские прототипы (Кирпичников 1973: 79—82).

Большинство древнерусских широких обувных шипов тоже соответствуют скандинавским аналогам. Это относится как к раннему типу треугольных, бытовавшему в Новгороде по крайней мере до середины XI в. (Петров 2006: 173—177, рис. 2: 1)¹¹⁵, так и к более поздним разновидностям (XII—XIV вв.), также развивающимся в общем со Скандинавией направлением. Единственное отличие Новгорода — в количественном соотношении типов: решительно преобладают технологически более простые, названные М.И. Петровым (Петров 2006: 173—177, рис. 2: 3) трехлучевыми, а фактически имеющим форму галочки, технологически несколько более сложный вариант — треугольные с небольшим отверстием в центре¹¹⁶, найден всего в одном экземпляре (Петров 2006: 173—177, рис. 2: 2). Обе поздние разновидности достаточно массовы в средневековой Скандинавии¹¹⁷. Серийность находок в Новгороде обувных шипов (16 экземпляров) и серии находок в других древнерус-

ских городах с высокой степенью вероятности говорит не только об их широком использовании, но и о местном производстве. На Руси известен, хотя и не массово (Кирпичников 1973: 81, рис. 47: 4)¹¹⁸ еще один тип обувных ледоходных шипов, находки которых датируются не ранее XII в. параллели им мне в средневековых древностях Скандинавии не известны.

3.5. Миниатюрные топоры

Миниатюрные бронзовые топоры периодически привлекают внимание исследователей древнерусской и смежных культур, но систематически на современном уровне они были проанализированы Н.А. Макаровым (Макаров 1992). Он продемонстрировал, что в целом форма миниатюрных бронзовых топориков соответствует реальным железным, и в своей типологии опирался на типологию последних. Две основные разновидности, по его мнению, воспроизводят топоры типа IV и типа B¹¹⁹ в типологии А.Н. Кирпичникова, единственный топорик с о. Вайгач — топоры типа VII. Вслед за В.П. Даркевичем (Даркевич 1961), он подчеркнул наличие у целого ряда находок сохранившихся остатков миниатюрных деревянных топорич, детализировал наблюдение о том, что бронзовые топоры не встречаются в женских погребениях, с одной стороны, указав на редкие исключения, с другой, уточнив, что при наличии возрастных определений топоры часто связаны с погребениями мальчиков, причем в могилах они находились у ноги, там, где в погребениях взрослых мог лежать настоящий топор. Н.А. Макаров проанализировал географию распространения и показал, что преобладают находки из поселений несельского типа: городов или приграничных крепостей; а среди находок из некрополей большинство связаны с могильниками, в которых погребения взрослых мужчин нередко сопровождалось оружием, то есть они связаны с теми социальными группами, которые в письменных источниках именуется дружинниками. Все это позволило ему прийти к выводу, что миниатюрные топоры (которые раньше нередко некорректно рассматривались в качестве привесок-украшений) являлись своего рода знаками детей, которых готовили к тому, чтобы стать дружинниками. Н.А. Макаров обратил также внимание на железные миниатюрные топоры, указав на их преимущественное распространение в Скандинавии, но вопрос о взаимосвязи этих явлений оставил открытым, констатируя, что «миниатюрные топоры принадлежат к тому кругу вещей — бытовых

¹¹⁴ Последние не совсем корректно связывать исключительно с мужской субкультурой. По крайней мере, в Скандинавии они нередко происходят из женских погребений, а треугольная разновидность (тип 3) вообще известна в могильнике Бирке только в женских или неопределенных погребениях (Arwidsson 1986: 112, Tab. 12: 1).

¹¹⁵ Такие шипы хорошо известны в Бирке — тип 3 по Г. Арвидсон (Arwidsson 1986: 111—12, Abb. 12: 2),

¹¹⁶ Может быть, именно их лучше было бы именовать трехлучевыми.

¹¹⁷ Дополнительно к ссылкам М.И. Петрова укажу, в качестве примеров, на находки из Лунда (Cinthio 1976: 386, fig. 338; см. также иллюстрированную базу данных учебной экспозиции музея Kulturen в Лунде: www/http/kulturen.com).

¹¹⁸ Небольшой приведенный А.Н. Кирпичниковым перечень находок можно дополнить экземплярами из Изборска и Пскова (Седов 2007: 353, 354, рис. 352: 14, там же библиография).

¹¹⁹ Н.А. Макаров, к сожалению, не ссылается на тип B, но приводит в качестве примеров топоры именно этого типа, указывая на две новые (не вошедшие в свод А.Н. Кирпичникова) древнерусские находки.

предметов, украшений и культовых символов, которые появились как инновации на волне мощного обновления материальной культуры восточных славян в XI в.» (Макаров 1992: 52).

Публикуя три миниатюрные топорика из Гродка на Западном Буге в Восточной Польше, В. Панасевич и М. Волошин (Panasiewicz, Wołoszyn 2002) дали обзор новых исследований, касающихся проблем, связанных с миниатюрными бронзовыми топориками, существенно дополнили список находок из Прибалтики, Центральной Европы и Скандинавии. В интерпретационной части они присоединились к основным выводам Н. А. Макарова.

В целом реконструированная Н. А. Макаровым общая картина выглядит вполне убедительно: миниатюрные бронзовые топоры — древнерусская инновация, элемент, с одной стороны, детской, точнее — мальчиковой, субкультуры, а с другой стороны, элемент дружинной субкультуры. На это заключение не влияют ни новые и неучтенные старые древнерусские находки, ни появившиеся позже публикации находок, преимущественно с территории Польши (Panasiewicz, Wołoszyn 2002) и Швеции (Edberg 1999; 2008). Хотя количество миниатюрных бронзовых топоришков, зафиксированных в Сигтуне, могло бы подорвать стройность картины: 14 экземпляров, согласно последней публикации Р. Едберга (Edberg 2008), на фоне одного экземпляра из Киева (Макаров 1992: 53, №23) или трех из Новгорода (Макаров 1992: 53, 54, №8, 40, 41), да и общее число находок на древнерусской территории (48 экз.) выглядит на фоне одной только Сигтуны более чем скромно. Однако следует учитывать, что сводка Н. А. Макарова может быть существенно пополнена как новыми, так и не учтенными старыми находками (например, из коллекций Музея истории Киева и Национального музея истории Украины, что позволило бы довести киевскую подборку до нескольких десятков) и общее число древнерусских находок может быть увеличено в несколько раз. Так, только в Белоозере их количество выросло (с 1992 по 2004 г.) с одного до семи (Захаров 2004: 172, рис. 60).

Дополнительные материалы, не меняя общей картины, расширяют круг имитируемых в бронзе типов: например, один из новгородских топоришков соответствует топорам-чеканам типа I, а один из топоришков с Княжьей Горы из раскопок Н. Ф. Беляшевского¹²⁰ соответствует типу VI А. Н. Кирпичникова. Вошедший в сводку Н. А. Макарова (Макаров 1992: 43, 53, №23) найденный в Киеве топорик из свинцово-оловянистого сплава (что отличает его от почти всех древнерусских находок), поврежден (Боровский, Сагайдак 1985: 40, 41, рис. 4), поэтому четко определить его типологическое соответствие сложно¹²¹.

¹²⁰ Хранится в Национальном музее истории Украины, инв. №В25/1889.

¹²¹ Н. А. Макаров (Макаров 1992: 43) отмечает, что его форма не соответствует ни типу IV, ни типу V, возмож-

Миниатюрный бронзовый топорик из Биляра (Aspelin 1877: 167, №768) имеет опущенное лезвие (форма обуха не ясна, поэтому найти полные типологические аналоги невозможно) и шпору в виде крючка, что находит аналоги в первую очередь среди железных топоров нормального размера из Восточной Пруссии, а также в единичных находках с Готланда, из Польши и Эстонии (Paulsen 1956: 59, 62, Abb. 23, 24: a, b, e, f; Кулаков 1990: 32, рис. 18: 1). Показательно, что на воротах XIII в. из Гнезно в сцене убийства пруссами св. Адальберта орудием убийства выступает топор с крючком (La Vaume 1942: 35, 37—39, Abb. 5, 12). Еще одно свинцовое изделие вошло в сводку Н. А. Макарова, который, опираясь на публикацию Н. Ф. Беляшевского (Беляшевский 1892: 89, табл. II.30), вслед за В. П. Даркевичем определил его как «миниатюрный амулет в форме топора, насаженного на рукоять, конец которой снабжен отверстием для подвешивания» (Макаров 1992: 48, 55, №55). Однако уверенно атрибутировать предмет по опубликованной Н. Ф. Беляшевским фотографии трудно, скорее, это не топор, а миниатюрная подвеска-ключ; если же это топорик, то сравнительно близкие параллели ему можно найти в Норвегии, Голландии и Ирландии и по типу (топоры типа М по Я. Петерсену — тип VII по А. Н. Кирпичникову), и по форме вещи в целом (Paulsen 1956: 191, Abb. 96: a, b, d), однако западноевропейские свинцовые изделия не имеют отверстия в топорнице).

Намеченное Н. А. Макаровым сопоставление с миниатюрными железными топориками заставляет обратиться к проблеме функции последних. В отличие от бронзовых, максимальный размер которых обычно не превосходит 6 см, железные могут быть и крупнее, так что не всегда легко решить, имеем ли мы дело с маленьким боевым топориком или с моделью. К сожалению, железные миниатюрные топоры пока не привлекали специального внимания исследователей. В данном случае речь идет не о маленьких боевых топорах, при том, что разграничение боевых, универсальных и рабочих топоров в известной мере условно, но боевые топоры, в тенденции, легче и меньше рабочих¹²² (Кирпичников 1966а: 26—29). Как боевые,

но, впрочем, он наиболее близок к позднему (вошедшему в употребление в южной Руси лишь с XIII в.) типу VA, не связанному своим происхождением со Скандинавией (Кирпичников 1966а: 38). Он, по-видимому, близок миниатюрному топору из свинцового сплава, найденному в Йорке в грунте, перемещенном при строительных работах XIV в., сам же топорик публикатор относит к эпохе викингов и датирует X в. (Rodgers 1993: 1375, 1481, fig. 671, №5486).

¹²² В древнерусском языке зафиксированы три формы: собственно топорь, топорькъ и топорьць; вторая и третья формы образованы при помощи уменьшительных суффиксов; все три формы встречаются в сходных контекстах. Вплоть до XIV в. они используются только по отношению к оружию, причем в разных летописных списках могут заменять друг друга (Срезневский 1989а: 980—981; Львов 1975: 295—296; Творогов 1984: 146). Такие замены можно рассматривать как косвенное подтверждение относитель-

№5. 2014

так и рабочие топоры должны были иметь достаточно мощное, чтобы выдержать удар, топорище. Собственно миниатюрные топоры, помимо малого размера (общая длина до 10 см), выделяются тонким топорищем (в поперечнике около 1 см или менее), то есть не могли использоваться в реальных боевых условиях и не могли производить достаточного впечатления в качестве церемониальных, обычно они тонкие и легкие. Такие железные топоры известны на многих древнерусских памятниках (в частности, в Новгороде только на Неревском раскопе их найдено не менее 7 экземпляров), однако появляются они в Восточной Европе лишь в X в.¹²³ Из соседних с Древней Русью регионов миниатюрные железные топоры представлены в Скандинавии, где фиксируются уже в вендельское время, известны в эпоху викингов и в средневековье, но в это время они редко попадали в погребения¹²⁴.

Находки миниатюрных железных топориков ни в Скандинавии, ни на Руси пока, к сожалению, не стали предметом специального рассмотрения, но в слоях древнерусских поселений они являются хотя и не массовой, но достаточно распространенной находкой (новгородские экземпляры упомянуты выше). Предлагаемое для скандинавских топориков выполнение ими неких символических функций (Roesdahl 1977: 190) фактически является паллиативом отсутствующего рационального объяснения¹²⁵. Наиболее вероятным назначением миниатюрных железных топоров было использование их в качестве игрушек. В осторожной форме, относительно по крайней мере некоторых находок из Латвии, это предположение уже высказывал М. Аггазис (Atgāzis 1964: 123). В. В. Аулих, публикуя материалы городища Зимно, также рассматривал найденный там миниатюрный железный топорик¹²⁶ в качестве игрушечного (Аулих 1972: 41, 43,

44, табл. VIII: 35), однако связывал его с основным комплексом городища, в то время как топорик типологически (тип VI по А. Н. Кирпичникову) соответствует древнерусскому времени; материалы этого времени, хотя и немногочисленные, на городище выявлены (Аулих 1972: 8). Игрушечные детские мечи и копья хорошо известны, их делали из дерева, но деревянным топором играть (и, в то же время, учиться пользоваться) невозможно — деревянный топор даже при детском игровом ударе сразу же ломается, иное дело маленький легкий железный (с тонким металлом лезвия и тонким обухом), насаженный на тонкое деревянное топорище, или костяной (немногочисленные костяные топоры известны в Скандинавии, Польше, Прибалтике и на Руси, см.: Paulsen 1956: 51—59; новые находки существенно дополняют список Р. Паульсена). Следует отметить, что появление в Восточной Европе игрушечного оружия фиксируется в контексте скандинавского культурного импульса (начиная с упоминавшихся староландских находок), после чего такие игрушки становятся составной частью древнерусской культуры.

При рассмотрении бронзовых миниатюрных топориков необходимо принимать во внимание существование в Скандинавии (особенно на Готланде) близкой к древнерусской традиции погребать мальчиков с миниатюрным топориком у ноги, только топоры там янтарные¹²⁷ (Thunmark-Nylén 1998: Taf. 172: 6—11; 2006: 222—223 с библиографией; см. также: Paulsen 1956: 201—204). Миниатюрные янтарные топоры известны с вендельского периода (в кремациях), хотя наиболее массовы (около 25 экземпляров) они, по данным Л. Тунмарк-Нулен (Thunmark-Nylén 2006: 222—223), в ингумациях третьего и четвертого периодов эпохи викингов Готланда (подпериоды VIII-3 и VIII-4 датируются соответственно 990/1005—1090/1110 гг. и 1090/1110 — предположительно 1200 г.), то есть в целом в то же время, когда бытовали миниатюрные бронзовые топоры на Руси.

Не так просто, как представляется на первый взгляд, обстоит дело с реальными железными прототипами двух основных разновидностей древнерусских миниатюрных бронзовых топориков. Наиболее массовая группа в целом восходит к топорам IV типа по А. Н. Кирпичникову, но подавляющее большинство их отличается от железных одной характерной деталью — округлым выступом (обычно на более узкой ножке), расположенным на переломе от нижней грани опущенного лезвия к вырезу, идущему к топорищу. Такой выступ нередко именуют шпорцей. Округлый выступ имеет свои аналоги у ряда железных топоров XI—XII вв., но распространены эти топоры не на Руси, а преимущественно на о. Готланд, где в эпоху викингов хорошо известна группа топоров с фигурным выступом на переломе нижней

но малого размера боевых топоров. В значении рабочего топора использовались формы сэкыра, секыра, сокыра, сокира, хотя они могли иметь значение и оружия (Срезневский 1989: 460, 892).

¹²³ Так датируются наиболее ранние известные мне на древнерусской территории находки: к упомянутым Н. А. Макаровым экземплярам из Тимеревского могильника (Макаров 1992: 52, рис. 9: 1) и с городища Крутик (Голубева, Кочуркина 1991: 55, 56, рис. 26: 11) можно добавить топорик из среднего уровня отложений горизонта Д (около середины X в., после 932 г.) Земляного городища Старой Ладого (Рябинин 1985: 33, 38, рис. 6: 9).

¹²⁴ Совсем маленькие миниатюрные топоры длиной обычно до 3—4 см, использовавшиеся в качестве подвесок, известны в Европе в позднеримское время и в эпоху переселения народов.

¹²⁵ Как и предлагавшаяся ранее В. П. Даркевичем связь древнерусских миниатюрных бронзовых топориков с почитанием Перуна-громовержца (Даркевич 1961).

¹²⁶ Еще один миниатюрный топорик-чекан с узким лезвием В. В. Аулих рассматривает среди находок оружия, хотя для оружия он, скорее всего, мал: длина 9,5 см, ширина лезвия 2,1 см, обух — 2,1 × 1,4 см, диаметр отверстия для топорища — 1,4 см; аналогий ему автор публикации не нашел (Аулих 1972: 48, 50, табл. IX: 8). Возможно, топорик связан со слоем раннего железного века.

¹²⁷ Подобные топоры в Прибалтике использовались в качестве подвесок.

границы. П. Паулсен отмечает, что топоры этой группы являются готландским типом (Paulsen 1956: 61—63, Fundkarte III).¹²⁸ К сожалению, Л. Тунмарк-Нулен, анализируя инвентарь готландских погребений эпохи викингов, рассматривает топоры в соответствии с принятой ею обобщенной типологией. Топоры с фигурными выступами не вычленены у нее из типа 2 готландских топоров (соответствует типу VI по А. Н. Кирпичникову и совокупности типов В, D и E по Я. Петерсену, см.: Thunmark-Nylén 1998: Taf. 254—255; 2006: 311, 313), хотя они достаточно многочисленны (Thunmark-Nylén 1995: Abb. 55: 12; 67: 5; 75: 15; 83: 14; 86: 5?; 112: 12; 146: 19; 148: 12; 222: 15; 1998: Taf. 255: 3, 8, 11). Выступ чаще всего имеет форму трехлепесткового цветка (бутона, крина), но есть экземпляры и с более простым округлым выступом (Thunmark-Nylén 1995: Abb. 75: 15; 148: 12; 1998: Taf. 255: 11). В целом распространение на Готланде топоров типа 2 Л. Тунмарк-Нулен относит к третьему-четвертому периодам эпохи викингов (VIII, 3—4), с преобладанием четвертого. Таким образом, в бронзовых топориках соединяются черты древнерусского типа IV и одного из вариантов готландского типа 2, при этом нередко миниатюрные топоры имеют на лезвии отверстие, что не свойственно железным топорам Скандинавии. В железе мне известны лишь несколько параллелей: топор из кургана близ д. Дудайка Минского р-на¹²⁹ (Археология 1993: 243, 244), два топора из латгальских могильников в Латвии — Andžēni (Katalog 1930: 130, Taf. 48: 6) и Лиепкалнес Костер¹³⁰ (Atgāzis 1964: 121, 122, 7: att. 6), топор из ливского курганного могильника Тэлени (Tõnisson 1974: II: 1), топор из Кнопфельдорф на территории прихода Гамланд в Восточной Пруссии (La Vaume 1942: 39, Abb. 13).

У некоторых бронзовых топориков, соответствующих по форме топорам типа VI по А. Н. Кирпичникову, выступ-шпорца сравнительно небольшой, что находит себе относительно близкие параллели среди части железных топоров (см. напр.: Кирпичников 1966: табл. XIII: 6, 7, 8, 10; XXI: 1; XXII: 6). У упоминавшегося бронзового топорика из Биляра выступ-шпорца имеет вид крючка, что не находит себе аналогий среди железных топоров нормального размера на Руси или в Среднем Поволжье, но известно на серии топоров преимущественно из Восточной Пруссии. Территориально самая «близкая» находка происходит из Эстонии — на нее, опираясь на Р. Паулсена,

указывают в качестве параллели В. Панасевич и М. Волошин (Panasiwicz, Wołoszyn 2002: 258, 260, гус. 6: с, е).

Бронзовым топорикам в форме широколезвийных секир Н. А. Макаров указывает в качестве железных прототипов редкие на Руси топоры, относящиеся к типу Б по А. Н. Кирпичникову (хотя и не называет сам тип). Таких топоров известно на Руси всего 4, причем все находки связаны с одним регионом: Посады в нижнем течении р. Медведицы — левого притока Волги на востоке Тверской обл., Оленино в окрестностях Мышкина на западе Ярославской обл., Киснема¹³¹ и Никольское III в Белозерье. Следует отметить, что в двух из четырех перечисленных могильников (Оленино и Никольское III) найдены не только железные топоры, но и сопоставляемые с ними бронзовые топоры. Обух топора из Лаптау в Восточной Пруссии, на который ссылается Н. А. Макаров (Макаров 1992: 46, рис. 5.2), не имеет намеченных на его рисунке вырезов (характерных для качественно отлитых образцов бронзовых топориков), на самом деле, на втулке частично утраченный орнамент (La Vaume 1941: 25, 26, Abb. 3: a, b), который был существенно искажен при перерисовывании из монографии Р. Паулсена (Paulsen 1956: 169, Abb. 87). Можно назвать еще один топор этого же типа из латгальского могильника Ликснас Янушани в Латвии (Atgāzis 1964: 120, 122, 7: att. 6; Radiņš 110, 113, 82: att. 1; Радиньш 2001: 98, 111, рис. 19: 1). В целом же подобные симметричные широколезвийные секиры в Восточной Пруссии редки, а в Скандинавии, насколько мне известно, вообще не представлены, однако сама форма (но без щековиц) известна в раннесредневековой и средневековой Западной Европе как по изображениям (например, на ковре из Байе такие топоры изображены 4 раза (Wilson 1985: pl. 17, 35, 36) и исключительно в качестве орудий труда), так и по археологическим находкам (см. напр.: Leany 2003: 26, fig. 11: A, C, D), причем это не боевые а специализированные плотницкие топоры. Топоры типа Б — возможный прототип, хотя имеются и существенные отличия. Первое отличие бронзовых топориков, вообще не имеющее параллелей в железе — наличие пары крючков-шпорец по бокам от лезвия¹³². Второе отличие — у железных топоров типа Б углы между лезвием и верхней и нижней гранями близки к прямым, в то время как у рассматриваемых бронзовых топориков они всегда острые (ме-

¹²⁸ Единичные экземпляры происходят из материковой Швеции, Финляндии, Эстонии (библиографию см.: Thunmark-Nylén 2006: 313, Anm. 71), несколько больше их в Восточной Пруссии (Paulsen 1956: 62, Abb. 24: b). Повидимому, к этой же группе относится топор из раскопанного К. Д. Трофимовым кургана 29 в могильнике близ д. Залахтовы (Хвоцинская 2004: 256, табл. CXXX; Кирпичников 1966а: 122—123, №400, табл. XXIII).

¹²⁹ В одном из раскопанных в 1979 г. курганов, содержащем ориентированное головой на запад погребение.

¹³⁰ Выступ имеет форму трехлепесткового бутона.

¹³¹ Л. А. Голубевой опубликован рисунок топора (Голубева 1961: 205, рис. 1: 2), выполненный без расчистки его от окислов, к тому же обух частично закрывает остатки ткани, поэтому без работы непосредственно с находкой трудно с уверенностью сказать, был ли обух топора вырезным или нет.

¹³² Одиночные крючки-шпорец изредка встречаются на топорах иных типов из Восточной Пруссии, Готланда, Польши, Эстонии (La Vaume 1942: 37, Abb. 12; Paulsen 1956: 59, 62, Abb. 23, 24: a, b, e, f; Thunmark-Nylén 1998: Taf. 260: 8; 2006: 312; Кулаков 1990: 32, рис. 18: 1), о них шла речь в связи с топориком из Биляра.

№5. 2014

нее 45°). То есть по форме лезвия в целом, если исключить шпорцы, бронзовые топоры ближе всего к широколезвийным топорам-секирам типа VII по А. Н. Кирпичникову¹³³, соответствующим типу М по Я. Петерсену. С топорами типа VII их сближает и еще одна особенность, свойственная многим бронзовым топорикам: идущее параллельно кромке лезвия утолщение, имитирующее утолщение лезвия железных топоров, связанное с типичной для типа VII технологией — V-образной наваркой стального края лезвия на железную основу. При этом, однако, форма обуха бронзовых топорилов не соответствует (за исключением некачественных отливок, у которых форма обуха не проработана в деталях) древнерусскому типу VII. Наиболее близкие параллели мне удалось найти лишь в западной Прибалтике на землях пруссов и куршей (Engel, La Baume 1937: 191, 192, Abb. 44: p; Кулаков 1990: 122, 160, табл. XXVIII: 6; LXVI: 1; Gintautaitė-Butėnienė, Butėnas 2002: 26, pav. 16: 1). Это топоры, форма лезвий которых соответствует северо- и западноевропейским топорам типа М, по Я. Петерсену (тип VII, по А. Н. Кирпичникову), а форма обуха вырезная, традиционная для Восточной Европы и Прибалтики. Скорее всего, это местная модификация типа М, но бытовала она на достаточно большом удалении от древнерусских границ.

При исследовании генезиса древнерусских миниатюрных бронзовых топорилов принципиально важны вопросы хронологии. Оба их основных типа получают распространение в XI в., однако, как справедливо отмечает Н. А. Макаров (Макаров 1992: 48), подавляющее большинство из них узкой датировке не поддается¹³⁴. Пока мож-

но уверенно говорить лишь о том, что миниатюрные бронзовые топоры уже бытовали на Руси к середине XI в. и были распространены по крайней мере на протяжении XII столетия (а возможно, и несколько дольше).

Если обратиться к хронологии железных претендов на прототипы, следует отметить, что древнерусский тип IV и готландский тип 2 (соотносимые с бронзовыми топориками с оттянутым вниз лезвием), несомненно существовали в XI в. Происходящие по большей части из Прибалтики немногочисленные железные топоры, наиболее близкие по форме к бронзовым, к сожалению, уверенной датировке пока не поддаются (их широкая дата — XI—XII вв.). Точно так же не поддаются пока точной датировке и немногочисленные железные топоры с широким лезвием и вырезным обухом (ближайшие аналоги миниатюрным бронзовым топорикам с симметричным лезвием), происходящие из прусско-куршского региона: общая их дата весьма условная и широкая — XI—XIII вв. Скорее всего, эта разновидность — местная гибридная форма, соединяющая лезвие нового, заимствованного из Северной Европы, типа с традиционной формой обуха. Более далекие от бронзовых топорилов, тоже немногочисленные, хотя и найденные преимущественно на древнерусской территории железные топоры типа Б, также, к сожалению, не имеют надежной и узкой даты начала бытования, оставаясь в широких рамках XI—XII вв. Следует также отметить, что появление скандинавского типа М (по Я. Петерсену) относят обычно ко времени около 1000 г., на Руси же соответствующие им топоры типа VII по А. Н. Кирпичникову получают распространение лишь со второй половины XII в. (хотя единичные импортные изделия могли попадать с запада и раньше, и существенно позже). Таким образом, если не было влияния западноприбалтийского варианта, местная восточноевропейская контаминация в бронзе вырезного обуха и общей формы широколезвийного топора имели шанс возникнуть в первой половине XI в. лишь на основе импортных скандинавских или западноевропейских топоров типа М.

Еще сильнее усложняет ситуацию география находок. Н. А. Макаров отмечает концентрацию миниатюрных бронзовых топорилов в Среднем Поднепровье, Приильменье, и Волго-Окском междуречье, однако опубликованная им карта и сводка находок, в первую очередь, выделяют Среднее Поднепровье. Следует также учитывать, что фактическое число находок там существенно больше. С другой стороны, Приильменье, на фоне больших коллекций ювелирных изделий из Новгорода,

¹³³ Опубликованные А. Н. Кирпичниковым изображения образцов топоров этого типа (Кирпичников 1966а: 30, рис. 6, табл. XV: 1—5; XVI: 10; XXII: 1) имеют несколько иные пропорции (общая длина превосходит ширину лезвия), но, например, среди всех топоров типа VII (без разделения на боевые и рабочие, различие которых для этого типа весьма условно), найденных на Ижорском пла-то, у трети ширина лезвия больше длины топора, такие же пропорции имеют и примерно половина однотипных топоров Готланда (топоры типа 4 по Л. Тунмарк-Нюлен, см.: Thunmark-Nylén 1995: Abb. 12: 2; 22: 12; 30: 4; 77: 6; 121: 8; 143: 11; 206: 4; 208: 3; 210: 8; 260: 5; 282: 6; 433: 8; 1998: Taf. 257—259, 304; 2006: 311). На ковче из Байе имеется 17 изображений топоров типа М (Wilson 1985: pl. 10, 28, 31, 46, 52, 62, 64, 65, 70, 72), все в качестве оружия, из них у 10 ширина лезвия больше длины топора (Wilson 1985: pl. 10, 28, 31, 46, 64, 65, 70, 72), а еще у трех примерно равна (Wilson 1985: pl. 62, 65, 70).

¹³⁴ Наиболее ранняя датированная находка — новгородский широколезвийный топорик (Неревский раскоп 25-21-664; см.: Седова 1981: 26, 27, рис. 7: 9), который происходит из слоев 25 яруса, дендрохронологически датированных 1006—1025 гг. Однако, при оперировании датами единичных новгородских находок следует принимать во внимание специфику новгородской вещевой хронологии. Во-первых, привязка подавляющего большинства новгородских находок к соответствующим ярусам уличных мостовых достаточно условна и может приниматься лишь с учетом возможной погрешности в один ярус (то есть датировка временем функционирования 25 яруса является лишь наиболее вероятной датой, в то время как

более или менее надежная дата шире — 24—26 яруса, то есть, условно 989—1055 гг.). Во-вторых, часть дат единичных находок в силу наличия не зафиксированных (хотя и редких) древних перекопов, возможных сбоев в полевой документации и пр. ошибочна; достаточно надежны лишь даты бытования серийных однотипных изделий (подробнее см.: Лесман 1990: 31—32 и др.).

Рюрикова городища, Старой Русы, оказывается сравнительно бедным бронзовыми миниатюрными топориками¹³⁵. Топорики не известны в Пскове, их сравнительно мало на территории Белоруссии (несмотря на широкие раскопки как древнерусских городов, так и курганных могильников). Несколько больше найдено на западе, то есть — уже на самом древнерусском пограничье (два в Дрогичине и три в Гродке над Бугом) и далее уже на территории средневековой Польши (13 экз.), где они рассматриваются в качестве древнерусских изделий. Еще одно крупное скопление бронзовых топориков древнерусских типов — Сигтуна. Находки на территории Латвии являются древнерусскими импортами или местными подражаниями. Все это резко расходится с географией преимущественного распространения потенциальных прототипов (см. выше). Таким образом, вопрос о месте (местах) формирования традиции древнерусских миниатюрных бронзовых топориков остается открытым¹³⁶. Важно, что более ранние и синхронные параллели, а также прототипы указывают на определенную связь не только с древнерусской культурой, но и с культурами Скандинавии XI в. и некоторыми районами Прибалтики. Не случайно в Сигтуне найдены 14 экземпляров миниатюрных топориков, из которых 12 соответствуют типичным древнерусским, а два (Edberg 2008: 153, 154, fig. 80, 81) — редкая на Руси разновидность: обухи без вырезов, плоские сзади, в отличие от большинства древнерусских железных топоров и подавляющего большинства древнерусских бронзовых топориков, у которых обух закруглен. В какой-то мере они близки топорикам из Княжей Горы и Йорка (Rodgers 1993: 1375, 1481, fig. 671, №5486).

Возвращаясь к миниатюрному топорикам с о. Вайгач, следует отметить, что наиболее схожий с ним свинцовый топорик найден в Гродке над Бугом (Panasiewicz, Wołoszyn 2002: 249, 259, 260, 271, 272, гус. 2с), а в Скандинавии известны близкие, хотя и не идентичные топорикам из бронзы и свинца¹³⁷. Редкая разновидность бронзового то-

порика из Биляра, как уже указывалось, имеет ближайшие железные аналоги на Балтике, а у бронзового миниатюрного новгородского топорика-чекана железные аналоги (тип I по А. Н. Кирпичникову) происходят преимущественно из южных и восточных регионов древней Руси (Кирпичников 1966а: 33, 35, 41, 42). То есть, в целом, следует констатировать, что формы бронзовых миниатюрных топориков находят соответствия среди железных топоров, но, как правило, в достаточно удаленных регионах.

Хронология и география распространения заставляют вернуться к сопоставлению, намеченному П. Паулсеном еще в 1939 г. в первом издании его монографии «Axt und Kreuz» и повторенному во втором издании 1956 г., — топор в средневековой североевропейской христианской традиции был характерным атрибутом святого Олава, обычно это топор типа М по Я. Петерсену. Следует учитывать, что почитание норвежского конунга Олава Харальдсона в качестве святого началось уже в первый же год после его гибели (в 1030 г.). Часть жизни Олав провел на Руси (по одной из легендарных версий даже спасся от убийства и вновь уехал на Восток). Норвежская средневековая житийная литература, в том числе созданная уже в XII в., локализует на территории Руси (в Гардах, в первую очередь в Хольмгарде/Новгороде) часть чудес святого конунга Олава, произошедших с теми, кто почитал этого святого (Джаксон 1994: 129, 132, 133, 189—192). В Новгороде (на Готском дворе) находилась церковь св. Олафа. Если верен вывод о появлении миниатюрных бронзовых топориков к середине XI в., то это синхронно этапу формирования культа св. Олава.

Было бы неверно напрямую сопоставлять миниатюрные бронзовые топорика с распространенными в средневековом католическом мире значками паломников — первые из них только в XII в. входят в обиход, а массовым их изготовление и ношение становится только с XIII—XIV вв. Обычно значки паломников отливали из свинца, олова или свинцово-оловянистых сплавов (исключение — раковины св. Якова), к ним наиболее близки и по материалу, и хронологически свинцовые топорика, соответствующие типу VII по А. Н. Кирпичникову — типу М по Я. Петерсену. Бронзовые топорика двух массовых типов — более раннее явление, но, весьма вероятно, в период своего возникновения или, по крайней мере, распространения они ассоциировались с недавно канонизированным святым Олавом, что способствовало их популярности как в Скандинавии, так и на Руси.

¹³⁵ Может быть, немногочисленность находок в Новгороде предопределялась реконструируемой Н. А. Макаровым связью миниатюрных топориков с дружинной средой, в Новгороде же роль княжеской дружины (особенно после 1136 г.) была минимальной.

¹³⁶ Представляется перспективным, в частности, анализ географии распространения нетипичных форм. По предварительным наблюдениям, основная их часть найдена в районе Киева и в Новгороде, где, по-видимому, фиксируются зоны повышенного типологического разнообразия. Возможно, именно в таких местах мог происходить процесс возникновения новых типов, но здесь ли локализируются очаги возникновения самой традиции изготовления и использования миниатюрных бронзовых топоров, сказать пока трудно.

¹³⁷ Наряду с приведенными Р. Паулсеном топориками из Норвегии, который он датирует поздней эпохой викингов (т. е. кон. X в. — 1060-ми гг.), и топориками из Лунда (Paulsen 1956: 191, 192, Abb. 96: e, f), укажу еще на несколько найденных позже в Лунде свинцовых топориков, декорированных литым рельефным орнаментом из розеток

(хр. Museum Kulturen, Lund KMn. 78415: 82, 447949a, см.: http://www.kulruen.com/Utställningnr_803_814), аналогичные топорика происходят из Упсалы (Jörgeland, Lindeblad, Lindh 2000: 31—32, fig. 29, с библиографией), Лодозе, которые шведские исследователи интерпретируют в качестве паломнических значков св. Олафа. Эти находки несколько более поздние (XIII—XIV вв.), чем основная масса древнерусских, но следует учитывать, что аналогичные им восточноевропейские экземпляры надежной даты не имеют.

Олав Харальдсон не стал православным святым. Но, во-первых, речь идет, по крайней мере отчасти, о периоде до схизмы (до 1054 г.). Во-вторых, даже после схизмы раскол не сразу проник в массы, не случайно, в Ильином вопрошании (приписывается новгородскому епископу Илье, рукоположенному в 1165 и умершему в 1186 г.) оговаривается: «А оже се носили к варяжскому попу дети на м[о]л[и]тву, 6 нед[е]ль, опитемье. Рече, занеже аки двоверци». В-третьих, на Руси Олав не только провел часть своей жизни, но и оставил сына Магнуса, будущего конунга Магнуса Доброго, так что память о пребывании Олава должна была быть в дружинной среде и при княжеских дворах еще совсем свежа. В-четвертых, в дружинной среде было немало людей скандинавского происхождения. Часть из них, прожив некоторое время на Руси, возвращалась на родину, то есть они приносили не только скандинавские черты культуры на Русь, но и древнерусские в Скандинавию, что обеспечивало тесное переплетение культурных норм и религиозных практик. Так, в частности, распространилась в Скандинавии не характерная для средневекового католичества традиция ношения на шее рядовыми мирянами подвесок-крестиков (Лесман 1995а).

В общих чертах может быть реконструирована следующая картина. В X в. из Скандинавии на Русь проникают детские игрушечные топоры, расширяющие спектр детского игрушечного оружия (появившегося под скандинавским влиянием еще в VIII в.). В первой половине XI в. (к середине столетия) на их базе формируются ставшие впоследствии устойчивыми типы миниатюрных бронзовых топориков на деревянных топориках, причем прототипами оказываются экзотические для Древней Руси разновидности, в частности, важную роль в качестве источника образцов играет Восточная Пруссия. Эти топоры распространяются преимущественно в дружинной среде, став, по-видимому, не только игрушками, но и знаками детей, подготавливаемых к карьере дружинника. На Готланде формируется аналогичная традиция использования миниатюрных янтарных топориков. Появление и распространение бронзовых топориков на Руси, их проникновение в Скандинавию, появление там аналогичных местных изделий, а также популярность янтарных топориков на Готланде связаны с изменениями в материальной культуре, протекавшими в контексте складывающегося культа св. Олава. Более поздние свинцовые топоры, скорее всего, уже могут быть отнесены к кругу значков паломников.

На примере миниатюрных бронзовых топориков мы сталкиваемся с ситуацией, когда появление и распространение инноваций не может быть описано простой моделью влияния или заимствования. Речь, скорее, должна идти о культурном взаимодействии, когда скандинавские импульсы порождают инновации в смешанной восточноевропейско-скандинавской среде, включающей не только Русь, но и Прибалтику. Новые явления становятся достаточно массовыми и сравнительно быстро про-

никают в регионы, активно участвующие во взаимодействии: древнерусские бронзовые топоры попадают в Скандинавию, Прибалтику, Польшу, по-видимому, несколько позже в Среднее Поволжье; готландские янтарные (то есть изготовленные из материала, привезенного из земель пруссов или куршей) топоры попадают на территорию Латвии и Литвы. В Скандинавии не только потребляют привезенную с востока продукцию, но и изготавливают свои варианты, которые, возможно, попадают на Русь. Это тот культурный круговорот, в котором влияния и импульсы были так переплетены, что поиск однозначного источника становится аналогичен поиску ответа на вопрос: «Что было раньше — курица или яйцо?».

3.6. Варяжское наследие в мужской субкультуре Древней Руси

Находки скандинавского по происхождению оружия и смежных с оружием орудий труда (универсальных и рабочих топоров, охотничьих копий), известные на территории древней Руси с VIII в., становятся серийными с X в. С X в. фиксируются гибридные формы: ранние экземпляры топоров типа V (по А.Н. Кирпичникову) и восточноевропейский вариант ланцетовидных наконечников стрел с длинным и толстым черешком. Часть скандинавских по происхождению или по более раннему времени бытования типов (то есть типов, появившихся в Скандинавии под каролингским влиянием, но усвоенных скандинавской культурой, включая и скандинавское производство) распространяются на Русь, осваивается их производство, и эти типы становятся древнерусскими. Этот процесс происходил как на этапе формирования древнерусской культуры в X—XI вв. (с преобладающим весом второй половины X в.), так и в процессе ее развития в XII столетии.

Наиболее существенен скандинавский вклад в формирование арсенала топоров, среди которых типы, в той или иной степени связанные со скандинавской традицией, заняли доминирующее положение. Слабее он для копий и еще ниже для наконечников стрел. По-видимому, это определялось в первую очередь технологическим фактором — новые топоры (в первую очередь боевые и универсальные), в отличие от архаичных узколезвийных (которые продолжали развиваться, в первую очередь, в качестве узкоспециализированных рабочих, а также в рамках немногочисленной группы боевых, среди которых имеются и богато декорированные парадные экземпляры) предъявляли более высокие требования к качеству стали и железа, а также к технологии сварки, а именно здесь высокий уровень скандинавского ремесла был несомненен.

В распространении скандинавских импульсов прослеживаются региональные различия. Топоры, восходящие непосредственно к скандинавским прототипам, наиболее массовы на Северо-Западе

и Севере, а гибридные формы распространяются по всей древнерусской территории. Копья, восходящие к скандинавским, представлены в памятниках собственно древнерусского времени (с XI в.), в первую очередь, в северо-западных и западных землях. Значительная часть из них (особенно много среди хронологически тяготеющих к XI в.) найдена в еще более узкой полосе вдоль западной и северо-западной границы, а также, возможно, в какой-то мере и вдоль восточной, причем, в отличие от топоров, они связаны в первую очередь с памятниками яркими, но для древнерусской культуры маргинальными. При этом аналогичные копья (скандинавские и восходящие к скандинавским) были распространены и в Прибалтике, в том числе в пограничных с Русью районах¹³⁸. Применительно к копьям, по-видимому, непосредственно скандинавское влияние дополнялось влиянием, опосредованным прибалтийским (балто- и финноязычным) населением, из состава которого вербовались служилые группы, обеспечивавшие охрану границ (возможно, именно они фигурируют в письменных источниках под именами колбягов и кульфингов).

Скандинавское влияние фиксируется в формировании арсенала наконечников стрел, на ряде памятников X в. доля ланцетовидных форм достаточно велика, но для XI—XII вв. таких памятников указать не удастся. Применительно к мечам, скандинавы выступают по большей части посредниками в распространении рейнских изделий. По-видимому, скандинавы принесли на Русь практику изготовления игрушечно-тренировочного оружия. Скандинавское влияние на остальной набор средств вооружения четкой оценке не поддается. В целом можно констатировать, что проникновение скандинавского влияния на формирование древнерусского арсенала продолжалось дольше, чем на женский убор (еще в XII в. не только сохранялись и развивались более ранние явления, но и усваивались новые), оно охватывало в наибольшей степени северо-западную и северную часть территории, а также, возможно в опосредованном виде, западные земли. Однако, возникшие в качестве гибридных, собственно русские явления (такие, как топоры типа V или миниатюрные бронзовые топорыки) распространяются по всей древнерусской территории.

Скандинавский компонент в древнерусском мужском уборе, в отличие от женского, трудноуловим. Скандинавский вклад в типологический состав элементов древнерусского ременного набора (пряжки, разделительные кольца, накладки, наконечники ремней) не фиксируется. Скандинавские детали поясов и целые пояса известны как в X—XI вв. (находки пряжек пока не системати-

зированы, большинство разновидностей ременных накладок вошли в сводку В.В. Мурашовой (Мурашова 2000), так и в XI—XIII вв. («носатые» пряжки, детали поясов готландского типа в стиле Урнас¹³⁹), но они немногочисленны и остаются лишь импортами, не давая (в отличие от Прибалтики и Финляндии) местных дериватов. Скандинавскими по истокам могут быть некоторые типы фибул, а также сама традиция скреплять ими плащ, но пока трудно отличить скандинавский импульс от восточноприбалтийского (от Литвы на юге до Финляндии на севере).

4. Погребальный обряд

Древнерусский погребальный обряд, сформировавшийся после принятия христианства, отличается от обряда большинства христианских (да и мусульманских) регионов чрезвычайным разнообразием сосуществующих традиций. В их сохранении важную роль сыграла гибкость византийских церковных норм, опирающихся на традиции (нередко разнородные), а не на однозначные писанные правила (более характерные для римской церкви). Уверенно можно говорить как о нехристианских лишь применительно к погребениям с жертвоприношениями (особенно человеческими) и к кремациям, да и то — с некоторыми оговорками¹⁴⁰. Однако произошедшая в конце X—XI вв. ломка религиозных представлений (в которую вошла и религиозная реформа Владимира, и окончательное утверждение христианства, растянувшееся на периферии до XII в.) привела к коренным изменениям погребального обряда. Но массовое распространение преимущественно индивидуальных ингумаций не означает повсеместного распространения грунтовых безинвентарных погребений на освященной земле церковного кладбища. Вплоть до XIII в., а в некоторых регионах и позже (до XVI—XVII вв.) погребения продолжали совершаться вне связи с церквями (хотя в позднее время не исключено наличие часовен, которые, однако, не свидетельствуют уверенно об обряде освящения кладбищенской земли). Долго (до XII—XIII вв., а иногда и до XV в.), над погребенными возводят курганы. Яркими свидетельствами совместности курганного обряда с христианством могут служить курганные некрополи средневекового Суздаля (Седова 1997) или Переяславля Русского (Лесман 2008а). Возникнув в XI в., доживает в некоторых местах до XV—XVI вв. традиция хоронить в пределах мощных каменных оградок, иногда, особенно в XI—XIV вв., под невысокой (на высоту камней) земляной насыпью (жалничные погребения Новгородской земли, каменные могильники Верхнего Понеманья). Вплоть до XIII в., а ино-

¹³⁸ Для сравнения отмечу, что, например, топоры типа M по Я. Петерсену, — типа VII по А. Н. Кирличникову, на территории Латвии и Литвы представлены почти исключительно вдали от древнерусских границ: на прибрежных заселенных куршами землях, изредка проникая вглубь от побережья лишь по течению Даугавы (Kazakevičius 1996).

¹³⁹ Опубликованный мною список древнерусских находок деталей ременной гарнитуры готландских типов в стиле Урнас (Лесман 2004) можно дополнить еще одной находкой из Галича (Пастернак 1998: 234, мал. 70: 25).

¹⁴⁰ Подробнее см.: (Лесман 1995; Мусин 1997).

гда и до XIV—XV вв. (те же Новгородская земля и Понеманье), сохраняется традиция хоронить покойника с сопровождающим инвентарем (особенно долго — женщин с их украшениями). Региональные различия в длительности сохранения архаичных традиций погребальной обрядности и основные территориально-хронологические рубежи — тема специального анализа, однако сама архаичность подобных ритуалов для культуры христианского общества очевидна (в сравнении не только с иными христианскими, но и с мусульманскими регионами, имевшими сопоставимую по продолжительности непрерывную монотеистическую традицию). Ссылка на специфику народного христианства верна, но не проясняет ситуацию, а лишь типологически ее атрибутирует.

Некоторые черты древнерусской погребальной обрядности можно объяснить сохранением старых языческих традиций — например, традиции возводить курганы над погребенными. Это верно, но при более детальном анализе оказывается, что связь была далеко не прямолинейной. Так, применительно к западным районам Новгородской земли выяснилось, что между длинными курганами и сопками, с одной стороны, и древнерусскими курганами и жальниками, с другой, лежит хронологическая лакуна — первая половина XI в. (Лесман 1984; 1989), которую заполнили не курганы, а совершенно особый тип памятников — поверхностные могильники с кремациями (Михайлова, Кузьмин 1994; Кузьмин, Михайлова 1997),¹⁴¹ появление которых с очевидностью лишено непосредственной связи с христианизацией. Не вписывается в линейную эволюцию процесс развития погребального обряда и на противоположном краю Древней Руси — в Верхнем Подонье и Днепровском Левобережье, где курганы в ряде районов, возможно, приходят на смену грунтовым ингумациям (Григорьев 2000).

Формы христианского погребального обряда на Руси разнообразны: костницы, грунтовые захоронения в небольших по площади могилах как при церквях и в самих храмах, так и вне топографической связи с церковью (последние случаи гипотетичны, так как остатки церкви могли не сохраниться), скудельни с групповыми захоронениями, курганные и жальничные (каменные) могильники, чаще всего лишенные топографической связи с церковью. Курганы различаются по размерам и конструкции, в частности, нередко фиксируется наличие в них каменных конструкций (часто такие курганы сосредоточены в особых могильниках, но в некоторых регионах, например, на Ижорском плато, они составляют подавляющее большинство). Погребения совершались в гробах и без, могли помещаться в специально построенные (из дерева, земли, дерна, камня) сравнительно просторные помещения — камеры (последние

чаще всего размещались под насыпями курганов, но могли находиться и в теле насыпи, и вне связи с курганами), но иногда и в небольших (соответствующих размерам гроба или тела) ямах, которые вырывали как в грунте перед сооружением кургана, так и в уже готовой (иногда более ранней) насыпи, могли располагаться под насыпью кургана на поверхности грунта или на подсыпках и т. д. Труп мог укладываться лежа или, реже, усаживаться. Преобладает типичная для христианской традиции ориентировка лицом на восток (то есть головой на запад), но встречаются и все остальные варианты. Различен состав инвентаря: от наборов оружия, орудий труда, утвари, пищи, остатков одежды, различных приношений, а иногда и целых костяков животных, до безынвентарных погребений (в археологическом смысле, т. к. нет данных для определения наличия одежды или савана). В подавляющем большинстве все перечисленные параметры обряда (а перечисление не охватывает всего разнообразия) получают распространение в период между концом X и концом XI в. Некоторые из этих особенностей есть основания с той или иной долей уверенности возводить к скандинавским (в первую очередь шведским) традициям погребальной обрядности.

Камерные погребения получают распространение в Восточной Европе в X в. (преимущественно со второй половины столетия) и известны в Ладог, Гнездово, Тимерево, Шестовицах, Чернигове, Пскове и некоторых других памятниках. Скандинавская по своим истокам (применительно к древней Руси) традиция камерных погребений в самой Скандинавии характерна для X в., а в более позднее время представляет собой несомненный анахронизм. Однако, в Восточной Европе камерные погребения, хотя и не очень многочисленные, широко распространяются почти по всей древнерусской территории лишь в конце X — первой половине XII вв. Находятся они обычно в крупных могильниках или в могильниках, входящих в крупные скопления. Такие погребения иногда выделяются богатством инвентаря, подчас включающего скандинавские (или восходящие к скандинавским прототипам) находки, но это далеко не правило. Камерные погребения, датирующиеся концом XI—XII вв., особым богатством инвентаря не выделяются. Особенно широкое распространение получает традиция камерных погребений в Среднем Поднепровье (Моця 1990); в качестве материалов из новых раскопок можно указать на камерные погребения, исследованные в 1997—2002 гг. на одном из крупнейших курганных могильников Восточной Европы (около 2,5 тыс. насыпей), расположенном близ хутора Зеленый Гай на верхнем Псле (Приймак, Осадчий 2005: 170—173). В последнее десятилетие проблему развития традиции камерных погребений на Руси исследуют Е. А. Шинаков (Шинаков 1995; 1998) и В. Ю. Соболев (Соболев 1997; 1997а). Следует отметить, что за рамки камерных погребений не выходят, например, ингумации в перекрытых деревом ямах такого яркого мо-

¹⁴¹ В какой-то мере эту лакуну могут заполнить, хотя и далеко не везде, поздние длинные курганы (Соболев 2000 и др.) и сопки.

гильника на древнерусско-эстонском пограничье, как Залахтовье (Хвоцинская 2004). Возникнув в Скандинавии, скорее всего под христианским влиянием (Лебедев 1985), традиция камерных погребений, если она не сочеталась с жертвенными захоронениями людей (чаще всего женщин), не только не вступала в несовместимое противоречие с христианством, но, будучи обрядом, распространённым в среде уже крестившейся социальной верхушки, оказала существенное стимулирующее влияние на распространение традиции подкурганых ямных ингумаций.

Захоронения в сидячем положении появляются в древнерусских некрополях с X в., и первоначально исключительно в камерах (Гнездово, Тимерево, Шестовицы, Киев). Такое положение покойника при погребении не имеет местных корней в Восточной Европе («хазарские» погребения, исследованные Л. Н. Гумилевым, недостоверны) и восходит к скандинавской традиции. Однако регулярно хоронить покойников сидя в древнерусских могильниках начинают лишь в XI в. в восточных районах Новгородской земли, в XII в. эта традиция распространяется на северо-запад, став одной из характерных для Ижорского плато и сохраняясь там вплоть до XV в. (Лесман 1981; Лесман, Олейников 1996). Как и в ситуации с камерами, сидячее положение покойника достоверно (хотя и не массово) представлено в скандинавских могильниках X в., но уже для XI в. оно было анахронизмом.

Жальничные погребения распространяются преимущественно на территории Новгородской (с включением Псковской) земли начиная со второй половины XI в., несколько позже близкий погребальный обряд фиксируется в Верхнем Понеманье и западнее, в Мазовии и Подлясье. К XIV в. в сельских могильниках Северо-Запада он почти полностью вытесняет курганную традицию. Поиски местных корней жальничной традиции не дали положительных результатов, что вполне оправданно констатировал в серии своих статей В. В. Седов¹⁴². Однако предложенная им гипотеза западнославянского происхождения не выдерживает проверки фактическим материалом. В Польше в самом деле есть погребения, в какой-то мере сопоставимые с древнерусскими жальниками и датирующиеся XI в., некоторые даже его первой половиной. Но все они происходят из одного могильника и на момент своего возникновения представляют собой инородное явление. Речь идет об известном могильнике Лутомерско близ Лодзи, расположенном в 70—100 км к югу от основного ареала каменных могильников (Rauhut 1971). Именно его В. В. Седов рассматривает наиболее подробно, но параллели этим погребениям польские исследователи вполне оправ-

данно видят в Скандинавии и Южной Руси, связывая с окружением бежавшего в Польшу Святополка (Nadolski, Abramowicz, Poklewski 1959: 40—41, 150—152). Остальные каменные могильники Польши нет оснований датировать временем ранее первой половины XII в. Однако ранние аналоги жальничному обряду имеются не только к югу, но и к северу от Балтийского моря, причем там, в Швеции (преимущественно в Уппланде, Седерманланде и Гестрикланде), они, датируясь XI¹⁴³—XII вв. (возможно, охватывая и какую-то часть XIII в.), развивают непрерывную с вендельского времени традицию захоронений в родовых могильниках, но захоронений, в отличие от предшествующего времени, уже христианских (Gräslund 1991; Gräslund 2001; Broberg 1991 и др.). На протяжении XI—XII вв. (в разных местах по-разному) места погребения переносятся на «церковные дворы» — кладбища при приходских церквях, где умерших хоронят в простых грунтовых могилах. Иногда приходские церкви строятся близ более ранних могильников, и тогда их кладбища непосредственно продолжают более ранние некрополи. Шведские «жальники» ни по внешнему виду, ни по погребальному обряду не выходят за рамки того, что понимается под этим термином применительно к Новгородской земле. Весьма вероятно, что именно они послужили прототипами для жальничных (каменных) могил на Руси, а возможно, и в Польше. Показательны некоторые особенности самых ранних надежно датированных жальничных погребений: находки прорезных подвесок «гнездовского» типа (Сергеева 1986), связь с камерными погребениями¹⁴⁴. Но парадокс заключается в том, что наиболее широкое распространение на Руси этот обряд получил в XIII—XIV вв., когда в самой Швеции он был уже изжит.

Целый ряд особенностей погребального обряда распространяется под скандинавским влиянием и достаточно устойчиво бытует на Руси¹⁴⁵, но с явным хронологическим сдвигом относительно самой Скандинавии. Выходцы из Скандинавии или культурно связанные с ними (ориентированные на них как на один из образцов) индивидуумы составляли в X—XI вв. заметную часть новых хозяев жизни (при этом абсолютная их численность была, скорее всего, весьма невелика), чей высокий соци-

¹⁴³ С самого начала столетия, если не с конца X в.

¹⁴⁴ Жальничная часть могильника Удрай II в Верхнем Полужье (раскопки 1983—85 гг. под руководством Н. И. Платоновой, пользуюсь случаем выразить ей благодарность за предоставленную информацию) является непосредственным продолжением каменной насыпи, содержащей камерные погребения. Из достоверно ранних находок в жальничных погребениях отмечу одноstonный наборный гребень.

¹⁴⁵ Не исключено, что к скандинавским прототипам в той или иной мере восходит и столь распространенная на Северо-Западе традиция сооружения курганов с каменными оградками, но это предположение требует специальной разработки.

¹⁴² «Жальничные ... погребальные сооружения появляются в северо-западных районах Древней Руси, где они не имеют каких-либо местных корней» (Седов 2000: 14; 2000а).

№5. 2014

альный статус обуславливал подражание со стороны низов. Судя по влиянию, оказанному на погребальный обряд, они обосновывались не только в городах, но и в сельской местности (обычно в локальных центрах) на длительное время (так что многие здесь и умирали). Эти люди не только являлись частью новой структуры власти на местах, но и стали образцами христианской культуры для местного сельского еще только христианизируемого населения. Однако их собственные представления о нормах погребального обряда были весьма далеки от церковных, отражая скорее процесс народного восприятия христианской обрядности в Скандинавии (причем основной «поставщик офицерских кадров» — Центральная Швеция отставала от Руси по темпам христианизации)¹⁴⁶. Наиболее мощным скандинавское влияние на древнерусский погребальный обряд было на Северо-Западе и в Среднем Поднепровье, в последнем случае оно оказалось менее долговечным, исчерпав себя к XII в., в то время как на севере принесенные скандинавами традиции продолжали жить еще несколько веков. Длительное сохранение скандинавских по происхождению черт погребального обряда (как и иных его вариантов, не отвечающих византийской церковной традиции) было обусловлено, с одной стороны, гибкостью самого византийского извода христианства, а с другой, нехваткой достаточно хорошо образованных и воспитанных в грече-

ской церковной традиции священников, что особенно сильно сказывалось на севере. В самих скандинавских странах, оказавшихся под омофором римской церкви, унификация погребального обряда происходила намного быстрее и была завершена в Дании и Норвегии в XI в., в Швеции в XII в., но к этому времени представители социальной верхушки на Русь из Скандинавии уже не рекрутировались.

Приведенный обзор скандинавских по происхождению элементов древнерусской культуры, разумеется, далеко не полон. Вне поля зрения осталась обработка кости, распространение костяных гребней (и самой традиции причесываться гребнем как специальным инструментом), распространение некоторых мотивов и композиций декора, в частности, ряда вариантов плетенки, зооморфного декора, наборной техники в работе с деревом, в частности фахверковых конструкций в домостроительстве (известных на Руси, но нигде не имевших большого распространения) и т. д. Эти и многие другие вопросы требуют специального рассмотрения. Однако уже проанализированный материал позволяет наметить основные географические зоны, в которых процессы имели свою существенную специфику, и проследить динамику вхождения скандинавских компонентов в древнерусскую культуру на фоне процесса культурогенеза, протекавшего в период сложения Древнерусского государства.

Литература

- Алексеев Л. В. 1966. *Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX—XIII вв.* Москва: Наука.
- Алексеев Л. В. 1995. Древний Мстиславль в свете археологии. *СА* (2), 118—182.
- Артамонова О. А., Плетнева С. А. 1998. Стратиграфические исследования Саркела-Белой Вежи (по материалам работ в цитадели). *МАИЭТ IV*, 539—624.
- Артемьев А. Р. 1982. Копья из раскопок в Изборске. *КСИА* 171, 7—20.
- Артемьев А. Р. 1991. Фенно-скандинавские предметы вооружения в Пскове и Изборске. В: Артемьев А. Р. (ред.). *Земля Псковская, древняя и современная. Тезисы докладов к научно-практической конференции.* Псков: ПГОИАХМЗ, 71—72.
- Артемьев А. Р. 1991а. О редких типах наконечников копий в Новгороде и Новгородской земле. В: Янин В. Л., Носов Е. Н., Гайдуков П. Г. (ред.). *Материалы по археологии Новгородской земли. 1990.* Москва: ИА АН СССР, 183—197.
- Археологія 1993: *Археологія і нумізматыка Беларусі.* 1993. Энциклопедія. Мінск: Беларуская Энциклопедія.
- Атлас 1915: *Атлас Гочевских древностей.* 1915. Приложение к дневнику раскопок в окрестностях с. Гочево Обоянского уезда Курской губернии, произведенных проф. Д. Я. Самоквасовым в августе 1909 года. Москва.
- Ауліх В. В. 1972. *Зимнівське городище — слов'янська пам'ятка VI—VII ст. н. е. в Західній Волині.* Київ: Наукова думка.
- Белецкий С. В., Лесман Ю. М. 2003—2004. О нижнем слое Труворова городища (заметки на полях монографии В. В. Седова). *Stratum plus* (5), 515—577.
- Беляшевский Н. Ф. 1892. Раскопки на Княжей Горе в 1891 г. *Киевская старина.* Год 11. Т. XXXVI. Январь. Киев, 61—104.
- Белоцерковская И. В. 1975. К вопросу о полусферических курганах с трупосожжением на территории Смоленской земли. *Вестник МГУ. Сер. История* (5), 53—65.
- Бліфельд Д. І. 1977. *Давноруські пам'ятки Щестовиці.* Київ: Наукова думка.
- Богомольников В. В. 2004. *Радимичи (по материалам курганов X—XII вв.).* Гомель: Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины.
- Боровский Я. Е., Сагайдак М. А. 1985. Археологические исследования Верхнего Киева в 1978—1982 гг. В: Толочко П. П. (ред.). *Археологические исследования Киева 1978—1983 гг.* Киев: Наукова думка, 38—60.
- Боровський Я. Е., Архипова Е. І. 1993. Дослідження «Миста Ярослава» 1984—1989 рр. В: Толочко П. П. (ред.). *Стародавній Київ: археологічні дослідження 1984—1989 рр.* Київ, 206—218.

¹⁴⁶ Еще около 1090 г. за попытку запрета языческих жертвоприношений был изгнан из Центральной Швеции (Свитьотд) конунг Инги, а власть перешла к Свейну Кровавое Жертвоприношение. Лишь через три года («зимья») Инги, вернувшийся с войском из Вестергетланда, восстановил свою власть. Свейн был убит, а Инги «снова ввел тогда в закон христианство» (Ковалевский 1977: 98—99).

- Бранденбург Н.Е. 1895. Курганы Южного Приладожья. МАР 18. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов, 1—91.
- Булгычев Н.И. 1899. *Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра*. Москва: Товарищество тип. А.И. Мамонтова.
- Булгычев Н.И. 1913. *Раскопки по среднему течению р. Угры*. В: Успенский А.И. (ред.). Записки Московского археологического института ХХХІ. Москва: Московский археологический ин-т.
- Веймарн Е.В., Айбабин А.И. 1993. *Скалистинский могильник*. Киев: Наукова думка.
- Вознесенська Г.О., Паньков С.В. 2004. Техніко-технологічні особливості видобування і обробки заліза у давньоруському Києві. *Археологія* (3).
- Волковицкий А.И., Григорьева Н.В., Селин А.А. 2008. Новые средневековые находки в Южном Приладожье. В: Сорокин П.Е. (ред.). *Древности Ижорской земли. Археологическое наследие Санкт-Петербурга 2*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; СЗИН, 147—156.
- Воронин Н.Н. 1954. *Древнее Гродно (по материалам археологических раскопок 1932—1949 гг.)*. МИА 41. Москва: АН СССР.
- Голубева Л.А. 1961. Могильник X — середины XI в. на Белом озере. *СА* (1), 201—215.
- Голубева Л.А. 1973. *Весь и славяне на Белом озере X—XIII вв.* Москва: Наука.
- Голубева Л.А., Кочуркина С.И. 1991. *Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX—X вв.)*. Петрозаводский: Петрозаводский ун-т.
- Голубович В., Голубович Е. 1945. Славянские поселения правобережной Дисны в Вилейском округе БССР. *КСИИМК XI*, 126—137.
- Григорьев А.В. 2000. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. *Труды Тульской археологической экспедиции 2*. Тула: ГВИПМЗ «Куликово поле».
- Гуревич Ф.Д. 1962. *Древности Белорусского Понеманья*. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Гурин М.Ф. 1987. *Кузнечное ремесло Полоцкой земли IX—XIII вв.* Минск: Наука и техника.
- Гущин А.С. 1936. *Памятники художественного ремесла древней Руси X—XIII вв.* Ленинград: Гос. соц.-эконом. издат.
- Давидан О.И. 1976. Стратиграфия нижнего слоя Староладожского городища и вопросы датировки. *АСГЭ 17*, 101—118.
- Давидан О.И. 1980. Бронзолитейное дело в Ладозе. *АСГЭ 21*, 59—67.
- Даркевич В.П. 1961. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. *СА* (4), 91—102.
- Дернович С.Д. 2006. *Скандинавские древности эпохи викингов в Беларуси*. Минск: Белорусская наука.
- Джаксон Т.Н. 1994. *Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.)*. Москва: Ладомир.
- Дмитриев А.В. 1982. Раннесредневековые фибулы из могильника на р. Дюрсо. *Древности эпохи великого переселения народов V—VIII вв. Советско-венгерский сборник*. Москва: Наука, 69—106.
- Дубов И.В. 1982. *Северо-Восточная Русь в эпоху раннего средневековья (историко-археологические очерки)*. Ленинград: Ленинградский ун-т.
- Дучыц Л.У. 1991. *Браслаўскае Паазер'е ў IX—XIII ст. (Гісторыка-археалагічны нарыс)*. Мінск.
- Дучыц Л.У. 1994. Курганный могильник каля в. Селішча Ушацкага раёна. *ГАЗ* (3). Мінск, 122—131.
- Ениосова Н.В. 2007. Золото викингов на территории Древней Руси. В: Носов Е.Н. и др. (отв. ред.). *У истоков русской государственности*. Историко-археологический сборник: Материалы международной научной конференции 4—7 октября 2005 г. Великий Новгород; Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 307—315.
- Енуков В.В. 1990. *Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей (по археологическим материалам)*. Москва: Курский педагогический институт.
- Загорюльский Э.М. 1982. *Возникновение Минска*. Минск: Белорусский ун-т.
- Захаров С.Д. 2004. *Древнерусский город Белоозеро*. Москва: Индрик.
- Заяц Ю.А. 1985. Зброя бізкага бою, рыштунак конніка і верчавога каня з раскопак Заслаўя. *Помнікі культуры: Новыя адкрыцці*. Мінск: Навука і тэхніка, 183—190.
- Заяц Ю.А. 1995. *Заславль в эпоху феодализма*. Минск: Наука и техника.
- Зоценко В.М. 2004. Скандинавські артефакти південно-західної Русі. В: Моця О.П. (ред.). *Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII—X ст.* Київ: Корвін-Пресс, 87—105.
- Івакин Г., Козюба В. 2003. Нові поховання X—XI ст. Верхнього Києва (з розкопок Архітектурно-археологічної експедиції 1997—1999 рр.). В: Толочко П.П. (гол. ред.). *Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII—IX ст.* Матеріали Міжнародного польового археол. семінару. Чернігів: Сіверянська думка, 38—50.
- Іов О.В., Рябцевич В.Н. 2002. Клад конца IX в. с Брилевского поля. *Клады: состав, хронология, интерпретация*. Санкт-Петербург: СПбГУ, 164—175.
- Каинов С.Ю. 1999. Ланцетовидные наконечники стрел из раскопок Гнездова. *Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 49—62.
- Кирпичников А.Н. 1966. *Древнерусское оружие 1. Мечи и сабли IX—XIII вв.* САИ Е1—36.
- Кирпичников А.Н. 1966а. *Древнерусское оружие 2. Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX—XIII вв.* САИ Е1—36.
- Кирпичников А.Н. 1971. *Древнерусское оружие 3. Доспех, комплекс боевых средств IX—XIII вв.* САИ Е1—36.
- Кирпичников А.Н. 1973. *Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX—XIII вв.* САИ Е1—36.
- Клетнова Е. 1912. *Раскопки по рр. Вязьме и Осьме*. Архив ИИМК РАН. Ф. 1, 1912. №192.
- Ковалевский С.Д. 1977. *Образование классового общества и государства в Швеции*. Москва: Наука.
- Колчин Б.А. 1953. *Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (Домонгольский период)*. МИА 32. Москва: АН СССР.
- Колчин Б.А. 1959. Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. *Труды Новгородской археологической экспедиции II*. МИА 65, 25—29.
- Комаров К.И. 1995. К истории населения побережья Плесеева озера в X—XIII вв. *Сообщения Ростовского музея VIII*. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 137—172.
- Комаров К.И. 2003. Курганный могильник у дер. Замоорино. *История и культура Ростовской земли*. Ростов: ГМЗ «Ростовский кремль», 509—515.
- Корзухина Г.Ф. 1954. *Русские клады IX—XIII вв.* Москва; Ленинград: АН СССР.
- Корзухина Г.Ф. 1971. Курган в урочище Плакун близ Старой Ладогои. *КСИА* 125, 59—64.
- Кочуркина С.И., Линевский А.М. 1985. *Курганы лето-*

- писной веси X — начала XIII века. Петрозаводск.
- Крыганов А. В. 1990. Азиатские элементы в вооружении раннесредневековых восточноевропейских кочевников. *Военное дело древнего и средневекового населения Северной и Центральной Азии*. Новосибирск: Наука, 71—80.
- Кудряшов А. В. 2003. Поселение и могильник у д. Телешово на реке Согоже. *Археология: история и перспективы*. Первая межрегиональная конференция. Ярославль: ИА РАН; Ярославский музей-заповедник, 148—160.
- Кузьмин и др. 2007: Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р., Соболев В. Ю., Тарасов И. И., Шмелев К. В. 2007. Работы Северо-Западной археологической экспедиции НИИКСИ СПбГУ в сезоне 2006 г. В: Янин В. Л. (отв. ред.). *Новгород и Новгородская земля: история и археология* 21. Великий Новгород: Новгородский музей-заповедник.
- Кузьмин С. Л., Михайлова Е. Р. 1997. Новые материалы к проблеме славянского расселения на Северо-Западе Руси. *Труды VI Международного Конгресса славянской археологии* 3. *Этногенез и этнокультурные контакты славян*. Москва: «Фонд археологии», 138—146.
- Кулаков В. И. 1990. *Древности пруссов VI—XIII вв.* САИ Г1—9.
- Лебедев Г. С. 1985. *Эпоха викингов в Северной Европе*. Ленинград: Ленинградский гос. университет.
- Левашева В. П. 1967. Височные кольца. *Тр. ГИМ* 43, 7—54.
- Левашева В. П. 1967а. Браслеты. *Тр. ГИМ* 43, 207—247.
- Леонтьев А. Е. 1976. Классификация ножей Сарского городища. *СА* (2), 33—44.
- Леонтьев А. Е. 1996. *Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси*. Археология эпохи великого переселения народов и раннего средневековья 4. Москва: Геоэко.
- Лесман Ю. М. 1981. О сидячих погребениях в древнерусских могильниках. *КСИА* 164, 52—58.
- Лесман Ю. М. 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород (принципы синхронизации). *Археологическое изучение Новгородской земли*. Ленинград: ЛГУ, 118—153.
- Лесман Ю. М. 1989. К динамике изживания североевропейских традиций в материальной культуре Северо-Западной Руси XI—XIV вв. (железные ножи). *XI всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии*. ТДСканд 11. Ч. 1. Москва: Институт истории СССР АН СССР, 157—159.
- Лесман Ю. М. 1989а. К датирующим возможностям декора новгородских ювелирных изделий XI—XIV вв. *ННЗИА* 2. Новгород, 82—87.
- Лесман Ю. М. 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода (X—XIV вв.). *МАНЗ 1988*. Новгород, 29—98.
- Лесман Ю. М. 1995. Кремации и ингумации в курганах нижней и средней Паши: к хронологии изменений погребального обряда. *Чтения памяти Н. Е. Бранденбурга (1839—1903)*. 17-е заседание древнерусского семинара «Храм и культура». Программа «Храм». Сборник материалов 8. Санкт-Петербург, 194—209.
- Лесман Ю. М. 1995а. Несколько замечаний о находках крестов-подвесок в Скандинавии. *Ладога и Северная Русь*. Материалы к чтениям, посвященным памяти Анны Мачинской. Санкт-Петербург: СИААМЗ, 45—47.
- Лесман Ю. М. 1996. Двойной узел в средневековых ювелирных изделиях Восточной Европы. *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тезисы докладов участников 2-го коллоквиума. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 35—37.
- Лесман Ю. М. 1996а. Хронология средневековых древностей лесной зоны Восточной Европы (возможности и перспективы разработки). *Arheologia Petropolitana* 1. Санкт-Петербург, 52—65.
- Лесман Ю. М. 1999. Миф о русской свастике. *Барьер* 5 (1), 104—110.
- Лесман Ю. М. 2003. Псевдоушки — диагностический признак скандинавских подвесок эпохи викингов. *Ювелирное искусство и материальная культура*. Тезисы докладов участников 12-го коллоквиума. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 70—75.
- Лесман Ю. М. 2004. Древнерусские находки поясной гарнитуры готландского типа в стиле Урнас. *XV конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии*. ТДСканд 15. Ч. 1. Москва: Институт всеобщей истории РАН, 233—236.
- Лесман Ю. М. 2006. Восточноевропейские реплики скандинавских подвесок с зооморфными изображениями. *Славяно-русское ювелирное дело и его истоки*. ТД. Санкт-Петербург: Нестор-История, 86—89.
- Лесман Ю. М. 2008. Вырицкий курганный могильник. *Археологическое наследие Санкт-Петербурга 2. Древности Ижорской земли*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; СЗИН, 33—73.
- Лесман Ю. М. 2008а. Переяславский курганный могильник «За тюрмой» в раскопках В. М. Щербаковского: некоторые наблюдения над хронологией могильника. *Наукові записки з української історії* 20. Переяслав-Хмельницький, 124—147.
- Лесман Ю. М., Олейников О. М. 1996. Квазикамерное погребение в могильнике Струйское на Верхней Волге и проблема происхождения древнерусских сидячих погребений. *XIII конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии*. ТДСканд 13. Москва; Петрозаводск, 180—183.
- Лысенко П. Ф. 1985. *Берестье*. Минск: Наука и техника.
- Лысенко П. Ф. 1991. *Дреговичи*. Минск: Наука и техника.
- Львов А. С. 1975. *Лексика «Повести временных лет»*. Москва: Наука.
- Ляпушкин И. И. 1958. Памятники салтово-маяцкой культуры в бассейне р. Дона. *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* 1. МИА 62, 85—150.
- Ляўданскі А. Н. 1930. Археолёгічныя досьледы ў Полацкай акрузе. *Запіскі аддзелу гуманітарных навук БАН*. Кн. 2. *Працы Археолёгічнай камісіі* II. Менск, 165—166.
- Ляўданскі А. 1932. Археолёгічныя досьледы ў Смаленшчыне. *Працы Сэжыцкі археолёгіі, Беларус. АН, інстытут історыі* III. Менск.
- Макаров Н. А. 1990. *Население русского Севера в XI—XIII вв.: По материалам могильников восточного Прионежья*. Москва: Наука.
- Макаров Н. А. 1992. Древнерусские амулеты-топорики. *РА* (2), 41—56.
- Макаров Н. А. 1997. *Колонизация северных окраин Древней Руси в XI—XIII веках. По материалам археологических памятников во влоках Белозерья и Поонежья*. Москва: Скрипторий.

- Медведев А. Ф. 1959. *Оружие Новгорода Великого*. МИА 65.
- Медведев А. Ф. 1966. *Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII—XIV вв.* САИ Е1—36.
- Минасян Р. С. 1980. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья. *АСГЭ* 21, 68—74.
- Михайлова Е. Р., Кузьмин С. Л. 1994. Грунтовый могильник у дер. Которск. *Древний Псков: Исследования средневекового города*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Монгайт А. Л. 1955. *Старая Рязань*. МИА 49.
- Моця А. П. 1990. Срубные гробницы Южной Руси. В: *Проблемы археологии Южной Руси*. Киев: Наукова думка, 99—107.
- Мугуревич Э. С. 1965. *Восточная Латвия и соседние земли в X—XIII вв. Экономические связи с Русью и другими территориями. Пути сообщения*. Рига: Зинатне.
- Мурашова В. В. 2000. *Древнерусские ремесленные украшения (X—XIII вв.)*. Москва: Эдиториал УРСС.
- Мусин А. Е. 1997. *Христианские древности средневековой Руси IX—XIII вв. (по материалам погребальных памятников на территории Новгородской земли)*. Автореф. ... канд. дисс. Санкт-Петербург.
- Назаренко В. А. 1985. Могильник в урочище Плакун. В: *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*. Ленинград: Наука, 160—175.
- Недошивина Н. Г. 1963. Предметы вооружения из Ярославских могильников. *Ярославское Поволжье X—XI вв. По материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников*. Москва: ГИМ, Ярославский музей-заповедник, 55—62.
- Недошивина Н. Г. 1967. Перстни. *Очерки по истории русской деревни X—XIII вв.* Тр. ГИМ 43, 253—274.
- Недошивина Н. Г. 1991. Предметы вооружения, снаряжения всадника и верхового коня Тимеревского могильника. *Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси*. Москва, 165—181.
- Нефедов В. С. 2007. *Археологическая карта России. Тверская область*. Ч. 2. Москва: ИА РАН.
- Нечитайло В. В. 2000. *Каталог христианских нагрудных виробів мистецтва періоду Київської Русі (X — перша половина XIII ст.)*. Київ: Максим.
- Новикова Г. Л. 1991. Скандинавские амулеты из Гнёздова. В: Авдусин Д. А. (ред.). *Смоленск и Гнёздово (к истории древнерусского города)*. Москва: МГУ.
- Новикова Г. Л. 1998. Щитообразные подвески из Северной и Восточной Европы. *Историческая археология: Традиции и перспективы*. Москва, 165—174.
- Носов Е. Н. 1990. *Новгородское (Рюриково) городище*. Ленинград: Наука.
- Нудельман А. А. 1967. *Топография кладов и находок единичных монет*. Археологическая карта Молдавской ССР 8. Кишинев: Штиинца.
- Нудельман А. А. 1985. *Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе (С древнейших времен до образования феодального Молдавского государства)*. Кишинев: Штиинца.
- Пастернак Я. 1998. *Старый Галич. Археологічно-історичні дослідження 1850—1943 рр.* Ювілейне видання присвячене 1100-літтю Галича. Івано-Франківськ: Плай.
- ПВЛ 1950: *Повесть временных лет*. Ч. I. Москва; Ленинград: АН СССР.
- Пеняк С. І. 1980. *Ранньослов'янське і давньоруське населення Закарпаття VI—XIII ст.* Київ: Наукова думка.
- Петерсен Я. 2005. *Норвежские мечи эпохи викингов. Типохронологическое изучение оружия эпохи викингов*. Санкт-Петербург: Альфарет.
- Петров М. И. 2006. Обувные шипы из новгородских раскопок. *Новгород и Новгородская земля. История и археология* 20. Материалы науч. конференции. Новгород, 24—26 янв. 2006 г. Великий Новгород, 171—178.
- Пивоварчик С. А. 1994. Вооружение и снаряжение всадника из раскопок Понеманских городищ (X—XIII вв.). *ГАЗ* 3. Минск: Инстытут гісторыі АНБ, 10—21.
- Плавінскі М. А. 2006. *Клінковая зброя X—XIII на тэрыторыі Беларусі*. Минск: Інстытут гісторыі НАН Беларусі.
- Платонова Н. И. 2002. О погребальном обряде верхнелужских сопок (по материалам Передольского погоста). *Ладога и ее соседи в эпоху средневековья*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 181—195.
- Приймак В. В., Осадчий Е. Н. 2005. Иноэтничные комплексы Зеленогайского курганного могильника. В: Винников А. З. (отв. ред.). *Днепр-Донское междуречье в эпоху раннего средневековья*. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 68—76.
- Путь 1996: *Путь из варяг в греки и из грек...* 1996. Каталог выставки. Москва: Государственный исторический музей.
- Пушкина Т. А. 1997. Воск и свечи в древнерусских погребениях. *Археологический сборник. Погребальный обряд. Труды ГИМ* 93. Москва: ГИМ, 122—133.
- Равдина Т. В. 1988. О датировке городища Алчедар. В: *Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья*. Кишинев: Штиинца, 54—71.
- Радиньш А. 2001. Погребальный обряд и инвентарь латгальских захоронений 10—13 веков. *Archaeologia Lituana* 2. Vilnius, 65—118.
- Раппопорт П. А. 1959. Крепостные сооружения Саркела. *Труды Волго-Донской археологической экспедиции II*. МИА 75, 9—39.
- Розенфельд Р. Л. 1967. Григоровские курганы XII—XIII вв. *КСИА* 110, 106—109.
- Рыбакоў Б. А. 1932. Радзімічы. *Працы Сэкцыі археалёгіі III*. Менск: Беларусск. Акадэмія Наук, Инст. Истории, 81—151.
- Рыбаков Б. А. 1948. *Ремесло древней Руси*. Москва: АН СССР.
- Рындина Н. В. 1963. Технология производства новгородских ювелиров X—XV вв. *Новые методы в археологии. Труды Новгородской археологической экспедиции III*. МИА 117, 200—268.
- Рябинин Е. А. 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973—1975 гг.). *Средневековая Ладога. Новые археологические открытия и исследования*. Ленинград: Наука, 28—76.
- Рябинин Е. А. 1986. *Костромское Поволжье в эпоху средневековья*. Ленинград: Наука.
- Рябинин Е. А. 1995. Средневековая мещера: опыт историко-культурной интерпретации. *Древняя Русь: новые исследования. Славяно-русские древности* 2. Санкт-Петербург, 81—102.
- Рябинин Е. А. 1999. «Деревянный мир» раннесредне-

№5. 2014

- ковой Ладоги (по материалам раскопок Земляного городища в 1973—1985 гг.). *Раннесредневековые древности северной Руси и ее соседей*. Санкт-Петербург: ИИМК РАН, 180—191.
- Рябинин Е. А. 2001. *Водская земля Великого Новгорода (результаты археологических исследований 1971—1991 гг.)*. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.
- Савін Н.І. 1930. Раскопки курганов у Дарагабускім і Ельнінскім паветах Смаленскай губ. *Працы Археалагічнай камісіі ІІ*. Менск, 219—252.
- Сарачева Т.Г. 2003. Древнерусские привески с изображением зверя. *РА* (4), 102—115.
- Седов В.В. 1970. *Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья*. Москва: Наука.
- Седов В.В. 1982. *Восточные славяне в VI—XIII вв.* Археология СССР 14. Москва: Наука.
- Седов В.В. 1994. *Очерки по археологии славян*. Москва: ИА РАН.
- Седов В.В. 1995. *Славяне в раннем средневековье*. Москва: НБПО «Фонд археологии».
- Седов В.В. 2000. Жальники: ареал и общая характеристика. *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Материалы научного семинара 1996—1999. Псков: ПГОИАХМЗ, 186—190.
- Седов В.В. 2000а. Жальники. *РА* (1), 7—32.
- Седов В.В. 2002. *Изборск — протогород*. Москва: ИА РАН.
- Седов В.В. 2007. *Изборск в раннем средневековье*. Москва: Наука.
- Седова М.В. 1981. *Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV вв.)*. Москва: Наука.
- Седова М.В. 1997. *Суздаль в X—XV веках*. Москва: Русский мир.
- Седова М.В. 2001. Украшения «городского типа» X—XI веков из Суздаля и его округа. *КСИА* 212, 23—32.
- Сергеева Л.Е. 1986. Привеска «гнездовского» типа из раскопок жальничного могильника у деревни Новая Печерского района Псковской области. *Земля Псковская, древняя и социалистическая*. Тезисы докладов. Псков: ПГОИАХМЗ, 35—36.
- Сложение... 2009: *Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света*. 2009. ТГЭ XLIX. Санкт-Петербург, 569—571, 587—588.
- Соболев В.Ю. 1997. О древнерусских камерных погребениях Новгородской земли. *Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии* II. Памяти В.Д. Белецкого. Санкт-Петербург: ИИМК РАН; Псков: ПГОИАХМЗ, 272—277.
- Соболев В.Ю. 1997а. Камерное захоронение в могильнике Рапти-Наволоки II в контексте становления древнерусского погребального обряда. *Конференция по изучению скандинавских стран и Финляндии*. Тезисы докладов 10—14 сентября. Петрозаводск: Институт всеобщей истории РАН, 183—185.
- Соболев В.Ю. 2000. Могильник финальной стадии культуры длинных курганов Березицы VI. *Археология и история Пскова и Псковской земли*. Материалы науч. семинара 1996—1999. Псков: ПГОИАХМЗ, 103—107.
- Соловьева Г.Ф. 1971. Славянские курганы близ села Новый Кривск. *КСИА* 125, 65—68.
- Сорокин С.С. 1959. Железные изделия Саркела — Белой Вежи. *Труды Волго-Донской археологической экспедиции* II. *МИА* 75, 135—199.
- Спицын А.А. 1892. *Дело Императорской Археологической Комиссии о раскопках Члена Комиссии А. Спицына и проф. Казанского Университета Смирнова в древ. Мордовской области и первого во Дорогобужском у. Смоленской губ.* НА ИИМК РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 94.
- Спицын А.А. 1893. *Древности Северо-Западного края*. Т. I. Вып. 2. *Люцинский могильник*. МАР 14. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов.
- Спицын А.А. 1896. *Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского*. МАР 20. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов.
- Спицын А.А. 1899. *Расселение древнерусских племен по археологическим данным*. ЖМНП VIII. Санкт-Петербург: Типография «В.С. Балашев и К°».
- Спицын А.А. 1903. *Гдовские курганы в раскопках В.Н. Глазова*. МАР 29. Санкт-Петербург: Типография Главного Управления Уделов.
- Спицын А.А. 1904. Раскопки близ дер. Дуденева Тверского у. *ИАК* 6. Санкт-Петербург, 6—11.
- Спицын А.А. 1905. Старейшие русские могильники в Новгородской области. *ИАК* 15. Санкт-Петербург, 1—5.
- Спицын А.А. 1905а. Гнездовские курганы в раскопках С.И. Сергеева. *ИАК* 15. Санкт-Петербург, 6—70.
- Спицын А.А. 1905б. Владимирские курганы. *ИАК* 15. Санкт-Петербург, 84—172.
- Срезневский И.И. 1989. *Словарь древнерусского языка*. В 3 т. Репринтное издание. Т. III. Ч. 1. Москва: Книга.
- Срезневский И.И. 1989а. *Словарь древнерусского языка*. В 3 т. Репринтное издание. Т. III. Ч. 2. Москва: Книга.
- Старая Ладога 2003: *Старая Ладога — древняя столица Руси*. 2003. Каталог выставки. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.
- Творогов О.В. 1984. *Лексический состав «Повести временных лет» (словоуказатели и частотный словарь)*. Киев: Наукова думка.
- Терехова и др. 1997: Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. 1997. *Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе*. Москва: Металлургия.
- Третьяков П.Н. 1937. Расселение древнерусских племен по археологическим данным. *СА* IV, 33—51.
- Третьяков П.Н. 1947. Стародавні слов'янські городища у верхній течії Ворскла. *Археологія* I, 123—140.
- Указатель ИИМК 1893: *Указатель памятников Росского исторического музея*. 1893. Москва: Типография Мамонтова и К°.
- Успенская А.В. 1993. Березовецкий курганный могильник X—XII вв. *Средневековые древности Восточной Европы*. Труды ГИМ 82, 79—135.
- Федоров Г.Б. 1953. Городище Екимауцы. *КСИИМК* 50, 104—126.
- Фехнер М.В., Недошивина Н.Г. 1987. Этнокультурная характеристика Тимеревского могильника по материалам погребального инвентаря. *СА* (2), 70—89.
- Фехнер М.В., Янина С.А. 1978. Весы с арабской надписью из Тимерева. *Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы*. Москва: Наука.
- Хвоцинская Н.В. 2004. *Финны на западе Новгородской земли (по материалам могильника Залахтове)*. Санкт-Петербург: РАН.
- Хомутова Л.С. 1982. Технологическая характеристика

- ка кузнечных изделий из раскопок Тиверска и Паасо по результатам металлографического анализа. В: Кочкуркина С. И. (ред.). *Древняя корела*. Ленинград: Наука, 188—208.
- Циркин А. В. 1984. Древковое оружие мордвы и его хронология. *СА* (1), 123—133.
- Шадыро В. И., Ласкавый Г. В. 1994. Средневековые наконечники стрел лука и арбалета из поселений у д. Приднирки. *ГАЗ* (4), Минск, 217—224.
- Шендрік Н. І. 1958. Наконечники стріл з Княжої Гори. *Праці Київського Державного історичного музею* І. Київ, 158—174.
- Шинаков Е. А. 1995. Камерные захоронения Среднего Подесенья. В: *Деснинские древности 1994*. Материалы межгосударственной конференции «История и археология Подесенья». Брянск: БГКМ, 81—85.
- Шинаков Е. А. 1998. Северные элементы в культуре Среднего Подесенья X—XI вв. *Историческая археология. Традиции и перспективы*. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. Москва: МГУ, 307—322.
- Шмидт Е. А. 1957. Курганы XI—XIII вв. у д. Харлапово в Смоленском Поднепровье. *Материалы по истории Смоленской области* 2. Смоленск, 184—290.
- Шмидт Е. А. 1963. Археологические памятники второй половины I тысячелетия н. э. на территории Смоленской области. *МИСО* 5. Смоленск, 242—244.
- Шпилев А. Г. 2008. Курское княжение. В: Зорин А. В., Стародубцев Г. Ю., Шпилев А. Г., Щеглова О. А. *Очерки истории Курского края с древнейших времен до XVII в.* Курск: Курский ГПУ, 276—330.
- Штыкаў Г. В. 1992. *Крывічы: на матэрыялах раскопак курганоў ў паўночнай Беларусі*. Минск: Навука і тэхніка.
- Штыхов Г. В. 1978. *Города Полоцкой земли (IX—XIII вв.)*. Минск: Наука и техника.
- Arbman H. 1937. *Schweden und das karolingische Reich. Studien zu den Handelsverbindungen des 9. Jahrhunderts*. Stockholm: Bokförlags Aktiebolaget Thule.
- Arbman H. 1940. *Die Gräber*. Tafeln. Birka I. Uppsala: Almqvist & Wiksells.
- Arnbruster B. R. 2002. Goldschmiede in Haithabu — Ein Beitrag zum frühmittelalterlichen Metallhandwerk. *Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 34. Das archäologische Fundmaterial VII*. Neumünster.
- Arne T. 1911. *Sveriges förbindelser med Ostern under Vikingatiden*. Fornvännen. Stockholm.
- Arwidsson G. 1986. Die Eissporen. *Birka II* (2). Stockholm.
- Atgāzis M. 1964. Latgāļu 9.-12. gs. Cirvij. *Arheologija un etnogrāfija* VI. Rīga, 105—125.
- Aspelin J. R. 1877. *Antiquités du Nord Finno-Ougrien II. L'âge du fer: Antiquités Permiennes*. Helsingfors: Edlund.
- Broberg A. 1991. Religionsskrifte och sockenbildning i Norduppland. In: Ferm O. (red.). *Kyrka och socken i medeltidens Sverige*. Uppsala, 49—79.
- Callmer J. 1989. Gegossene Schmuckhänger mit nordischer ornamentik. In: Arwidsson G. (ed.). *Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm: KVHAA, 19—42.
- Ciglijs J., Rādiņš A. 2002. Ludzas odukalna kapulauka catoģogs. *Latvijas kultūrvēsturiskais mantojums ārzemju krātuvēs* 1. Rīga: Latvijas Nacionālais vēstures muzejs.
- Cinthio M. 1976. Skor. In: Mårtensson A. W. (et al). *Uppgrävt förlitet för PKbanken i Lund. En investering i arkeologi*. Archaeologica Lundensia 7. Lund: Kulturhistoriska museet, 307—316.
- Creutz K. 2003. *Tension and Tradition: a study of Late Iron Age spearheads around the Baltic Sea*. Theses and Papers in Archaeology N.S. A8. Stockholm: Stockholm Univ.
- Davidan O. I. 1992. Kunsthandwerkliche Gegensfunde des 8. bis 10. Jahrhunderts aus Alt-Ladoga: die Sammlung des Staatlichen Ermitage in St. Petersburg. *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters*. Vol. 20 (1992). Bonn, 5—61.
- Duczko W. 1985. *Birka V: The fligree and granulation work of the Viking period, an analysis of the material from Björko*. Stockholm: Almqvist and Wiksell.
- Edberg R. 1999. Krigaramuletter från Rus i Sigtunas svarta jord. *Fornvännen*. Stockholm.
- Edberg R. 2008. Nya fynd av miniatyryxor. *På väg mot Paradiset — arkeologisk undersökning i kvarteret Humlegården 3 i Sigtuna 2006*. Sigtuna.
- Eesti 1982: *Eesti esiajalugu*. In: Jaanits L. et al. (eds). Tallinn: Eesti Raamat.
- Eilbracht H. 1999. *Filigran- und Granulationskunst im wikingischen Norden: Untersuchungen zum Transfer frühmittelalterlicher Gold- und Silberschmiedetechniken zwischen dem Kontinent und Nordeuropa*. Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. Beiheft 11. Köln: Rheinland-Verlag.
- Engel K., La Baume W. 1937. *Kulturen und Völker der Frühzeit im Preussenlande*. Königsberg.
- Jansson I. 1984. Kleine Rundspangen. In: Arwidsson G. (ed.). *Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm: KVHAA, 58—74.
- Jörpeland L. B., Lindeblad K., Lindh M. 2000. *Vid Furisån- arkeologi i Östra Aros*. Projekt uppdragsarkeologi. Rapport. Stockholm.
- Gintautaitė-Butėnienė E., Butėnas E. 2002. Latvių kapinaynas. *Lietuvos archeologija* 22, 9—198.
- Graham-Campbell J. 1980. *Viking Artefacts: A Select Catalogue*. London: British Museum Publications.
- Gräslund A.-S. 1991. Var begravdes bygdens första kristna? In: Ferm, O. (ed.). *Kyrka och socken i medeltidens Sverige: en samling uppsatser*. Studier till Det medeltida Sverige 5. Stockholm: Riksantikvarieämbetet Uppsala, 37—48.
- Gräslund A.-S. 2001. *Ideologi och Mentalitet. Om religionsskiftet i Skandinavien från en arkeologisk horisont*. Opia 29. Uppsala: Institutionen för Arkeologi och Antik historia, Uppsala universitet.
- Hård B. 1976. *Wikingertidens Depotfunde aus Südschweden*. Acta Archaeologica Lundensia: seria in 4, no. 9. Bonn: R. Habelt; Lund: CWK Gleerup.
- Holmqvist W. 1963. *Övergångstidens metallkonst*. Antikvariska serien 11. Stockholm; Göteborg; Uppsala.
- Katalog 1930: *Katalog der Ausstellung zur Konferenz baltischer Archäologen in Riga 1930*. Riga.
- Kazakevičius V. 1996. Topory bojowe typu M. Chronologia i pochodzenie na ziemiach Bałtów. In: Kumatowska Z. (ed.) *Słowiańszczyzna w Europie Średniowiecznej* 2. Wrocław, 233—241.
- Korkeakoski-Väisänen K. 1981. *Manner-Suomen viikinkija ristiretkiajan rannerenkaat ja niiden ornamenttiikka = Armband från vikinga- och korstågstad på Finlands fastland och deras ornamentik*. Karhunhammas 5. Turku: Turun yliopisto, kulttuurien tutkimuksen laitos, suomalainen ja vertaileva arkeologia.
- La Baume W. 1941. Zur Technik der Verzierung ostpreussischen Waffen der Wikingerzeit. *Alt-Preussen* 6 (2), 22—29.

№5. 2014

- La Baume W. 1942. Bewaffnung und Tracht der Prussen auf den Reliefs der Gnesener Domtür. *Alt-Preussen* 7 (3), 34—43.
- Leany K. 2003. *Anglo-Saxon Krafts*. Stround.
- Ligi P. 1993. Vadjapärased kalmel Kirde-Eestis (9.—16. sajand). *Muinasaja teadus* 2. Tallinn, 7—152.
- Lindh J., Brendalsmo J. 1982. *Funn fra en utgravning*. Tønsberg: Riksantikvaren. Utgravningskontoret for Tønsberg.
- Lyngstrøm H. 1995. Knives from Late Iron Age in Denmark. In: Jansson I. (ed.). *Archaeology East and West of the Baltic. Papers from the Second Estonian — Swedish Archaeological Symposium Signtuna, May 1991*. Stockholm: Universitetet i Stockholm, 79—82.
- Mägi-Lõugas M. 1995. Eesti vikingiaegsed käevõrud ja nende ornament. *Eesti arheoloogia historiograafilisi, teoreetilisi ja kultuuriajaloolisi aspekte. Muinasaja teadus* (3). Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus, 271—325.
- Nadolski A., Abramowicz A., Poklewski T. 1959. *Cmentarzysko z XI wieku w Lutomiensku pod Łodzią, Łódź 1959*. Acta Archaeologica Universitatis Lodzianensis nr. 7. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Nerman B. 1926. Archäologische Untersuchung bei Izborsk. *Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft*. 1924. Dorpat, 44—74.
- Olshausen O. 1920. *Amrum. Bericht über die Hügelgräber auf der Insel nebst einem Anhang über die Dünen*. Prähistorische Zeitschrift. Supplement. Berlin: O. Leuschner.
- Ørsnes M. 1969. *Südkandinavische Ornamentik in der jüngeren Germanischen Eisenzeit*. Acta Archeologica 40. København.
- Panasiewicz W., Wołoszyn M. 2002. Staroruskie miniaturowe toporiki z Gródka, pow. Hrubieszów. *Archeologia Polski XLVII* (1—2), 245—286.
- Petersen J. 1951. *Vikingetidens redskaper*. Skrifter utgitt av det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. 2, Historisk-Filosofisk Klasse 4. Oslo: Komm. Dybwad
- Paulsen R. 1956. *Axt und Kreuz in Nord- und Osteuropa*. Bonn.
- Radiņš A. 1999. *10.—13. gadsimta senkapi latgaļu adzīvotāju un Austrumlatvijas etniskās, sociālās un politiskās vēstures jautājumi*. Rīga: N.I.M.S.
- Raulut L. 1971. Wczesnośrednowieczne cmentarzysko w obudowie kamiennej na Mazowszu i Podlasiu. *Materiały starożytne i wczesnośrednowieczne I*. Warszawa, 602—617.
- Rodgers N.S.H. 1993. *Anglian and Other Finds from 46—54 Fishergate*. In: Addyman P. V. (gen. ed.). *The Archaeology of York* 17 (9). York.
- Roesdahl E. 1977. *Fyrkat. En jysk vikingeborg. II. Oldsagerne og Gravpladsen*. Nordiske Fortidsminder B, 04. København: Andersbogtrykkeriet.
- Serning I. 1956. *Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska lappmarkerna*. Stockholm: Hugo Geber.
- Skovmand R. 1942. *De danske Skattefund fra Vikingetiden og ældste Middelalder indtil omkring 1150*. AaSætryk af: Aarbøger for nordisk Oldkyndighed og Historie 1942. København: Gyldendal i kommission.
- Staecker J. 1999. *Rex regum et dominus dominorum. Die wikingzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden*. Lund Studies in Medieval Archaeology 23. Stockholm: Almqvist & Wiksell International.
- Stenberger M. 1947. *Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, 2. Fundbeschreibung und Tafeln*. Lund: Ohlsson.
- Stenberger M. 1958. *Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit, 1. Text*. Stockholm: Almqvist & Wiksell.
- Tallgren A.M. 1925. *Zur Archäologie Eestis 2. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. Eesti Vabariigi Tartu Ülikooli toimetused*. Dorpat: Mattiesen.
- Thunmark-Nylén L. 1995. *Die Wikingerzeit Gotlands*. Bd. 1. *Abbildungen der Grabfunde*. Stockholm: Almqvist och Wiksell.
- Thunmark-Nylén L. 1998. *Die Wikingerzeit Gotlands*. Bd. 2. *Typentafeln*. Stockholm.
- Thunmark-Nylén L. 2006. *Die Wikingerzeit Gotlands*. Bd. 3 (1). *Text*. Stockholm: Kungl. Vitterhets Historie och Antikvitets Akademien.
- Tönnisson E. 1974. *Die Gaua-Liven und ihre materielle Kultur (11. Jh. — Anfang 13. Jhs.): ein Beitrag zur ostbaltischen Frühgeschichte*. Tallinn: Verlag Eesti Raamat.
- Wikström A. 2008. Allmän genomgång. In: Wikström A. (ed.). *På väg mot Paradiset — arkeologisk undersökning i kvarteret Humlegården 3 i Signtuna 2006*. Signtuna.
- Wilson D.M. 1985. *The Bayeux Tapestry: the Complete Tapestry in Colour*. New York: A.A. Knopf.
- Žulkus V. 1997. Baltische Funde an den westlichen Ostseeküsten. In: Kazakevičius V., Žulkus V. (eds.). *Archaeologia Baltica* 2. Vilnius, 165—189.

References

- Alekseev, L. V. 1966. *Polotskaia zemlia (očerki istorii Severnoi Belorussii) v IX—XIII vv. (Polotsk Land (sketches on history of Northern Belarus) in 9th—13th cc.)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Alekseev, L. V. 1995. In *Sovetskaia Arkheologija (Soviet Archaeology)* (2), 118—182 (in Russian).
- Artamonova, O. A., Pletneva, S. A. 1998. In *Materiały po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on the Archaeology, History and Ethnography of Tavria)* IV, 539—624.
- Artemiev, A. R. 1982. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 171, 7—20 (in Russian).
- Artemiev, A. R. 1991. In *Zemlia Pskovskaia, drevniaia i sovremenniaia (Pskov Land, Old and Modern)*. Pskov: PGOIAKhMZ, 71—72 (in Russian).
- Artemiev, A. R. 1991. In *Materiały po arkheologii Novgorodskoi zemli. 1990 (Materials on Archaeology of Novgorod Land. 1990)*. Moscow: IA AN SSSR, 183—197 (in Russian).
- Arkhealohiya i numizmatyka Belarusi (Archaeology and Numismatics of Belarus). 1993. Ęntsyklapedyya (Encyclopedia). Minsk: Belaruskaya Ęntsyklapedyya (in Belorussian).
- Atlas Gochevskikh drevnostei (Atlas of Gochevskoe Antiquities)*. 1915. Moscow (in Russian).
- Aulikh, V. V. 1972. *Zymnivs'ke horodyshche x— slov'yans'ka pam'yatka VI—VII st. n. e. v Zakhidnij Volyni (Zymnovskoe Fort — Slavic Site of 6th—7th cc. AD in Western Volhynia)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Beletsky, S. V., Lesman, Yu. M. 2003—2004. In *Stratum plus. Arkheologija i kul'turnaia antropologija (Stratum plus. Archaeology and Cultural Anthropology)* (5), 515—577 (in Russian).
- Belyashevsky, N. F. 1892. In *Kievskaja starina (Kievan Past)* XXXVI. Kiev, 61—104 (in Russian).
- Belotserkovskaya, I. V. 1975. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seria Istorii (Moscow University Bulletin. Series History)* (5), 53—65 (in Russian).
- Blifield, D. I. 1977. *Davnorus'ki pam'yatky Shestovytsi (Early Russian Sites of Shestovytsa)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Bogomolnikov, V. V. 2004. *Radimichi (po materialam kurganov X-*

- XII vv.) (*Radimichi (by materials collected in barrows of 10th—12th cc.)*). Gomel: Gomel'skii gosudarstvennyi universitet (in Russian).
- Borovsky, Ya. E., Sagaidak, M. A. 1985. In *Arkheologicheskoe issledovanie Kieva 1978—1983 gg. (Archaeological Research in Kiev in 1978—1983)*. Kiev: Naukova dumka, 38—60 (in Russian).
- Borovsky, Ya. E., Arkhipova, E. I. 1993. In *Starodavnyy Kyiv: arkheologichni doslidzhennia 1984—1989 rr. (Old Kiev: Archaeological Research in 1984 - 1989)*. Kiev, 206—218 (in Ukrainian).
- Brandenburg, N. E. 1895. In *Materialy po arkheologii Rossii (Materials on the Archaeology of Russia)* 18. Saint Petersburg: Tipografiia Glavnogo Upravleniia Udelov, 1—91 (in Russian).
- Bulychev, N. I. 1899. *Zhurnal raskopok po chasti vodorazdela verkhnikh pritokov Volgi i Dnepra (Journal of Excavations in the Area of Watershed between the Upstream Tributaries of the Volga and Dnieper)*. Moscow: Tovarishestvo tip. A. I. Mamontova (in Russian).
- Bulychev, N. I. 1913. In *Zapiski Moskovskogo arkheologicheskogo instituta (Proceedings of Moscow Archaeological Institute)* XXXI. Moscow (in Russian).
- Veimam, E. V., Aibabin, A. I. 1993. *Skalistskii mogil'nik (Skalistskiy Graveyard)*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Voznesenskaya, G. O., Pankov, S. V. 2004. In *Arkheolohiya (Archaeology)* (3) (in Ukrainian).
- Volkovitsky, A. I., Grigorieva, N. V., Selin, A. A. 2008. In *Drevnosti Izhorskoj zemli. Arkheologicheskoe nasledie Sankt-Peterburga (Antiquities of Izhora Land. Archaeological Heritage of Saint-Petersburg)* 2. Saint Petersburg: IIMK RAN; SZIN, 147—156 (in Russian).
- Voronin, N. N. 1954. *Drevnee Grodno (po materialam arkheologicheskikh raskopok 1932—1949 gg.) (Ancient Grodno (by materials of archaeological excavations in 1932—1949))*. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Researches on the Archaeology of USSR) 41. Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Golubeva, L. A. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (1), 201—215 (in Russian).
- Golubeva, L. A. 1973. *Ves' i slaviane na Belom ozere X—XIII vv. (Ves' and Slavs on Beloe Lake in 10th—13th cc.)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Golubeva, L. A., Kochkurkina, S. I. 1991. *Belozerskaia ves' (po materialam poseleniia Krutik IX—X vv.) (Ves' from Beloe Lake (by materials from Krutik Settlement of 9th—10th cc.))*. Petrozavodsk: Petrozavodskii universitet (in Russian).
- Golubovich, V., Golubovich, E. 1945. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture)* XI, 126—137 (in Russian).
- Grigoriev, A. V. 2000. In *Trudy Tul'skoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Papers of the Tula archaeological expedition)* 2. Tula: GVIPMZ "Kulikovo pole" (in Russian).
- Gurevich, F. D. 1962. *Drevnosti Belorusskogo Poneman'ia (Antiquities of Belorussian Neman Basin)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Gurin, M. F. 1987. *Kuznechnoe remeslo Polotskoi zemli IX—XIII vv. (Blacksmith Craft of Polotsk Land in 9th—13th cc.)*. Minsk: Nauka i tekhnika (in Russian).
- Gushchin, A. S. 1936. *Pamiatniki khudozhestvennogo remesla drevnei Rusi X—XIII vv. (Artefacts of Artistic Craft of Early Rus' of 10th—13th cc.)*. Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo (in Russian).
- Davidan, O. I. 1976. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 17, 101—118 (in Russian).
- Davidan, O. I. 1980. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 21, 59—67 (in Russian).
- Darkevich, V. P. 1961. In *Sovetskaia Arkheologiia (Soviet Archaeology)* (4), 91—102 (in Russian).
- Demovich, S. D. 2006. *Skandinavskie drevnosti epokhi vikingov v Belarusi (Scandinavian Antiquities of the Vikings' Time in Belarus)*. Minsk: Belorusskaia nauka (in Russian).
- Jackson, T. N. 1994. *Islandskie korolevskie sagi o Vostochnoi Evrope (pervaia tret' XI v.) (Icelandic Royal Sagas on Eastern Europe (1000—1030))*. Moscow: Ladimir (in Russian).
- Dmitriev, A. V. 1982. In *Drevnosti epokhi velikogo pereseleniia narodov V—VIII vv. Sovetsko-vengerskii sbornik (Antiquities of the Great Migrations in 5th—8th cc. Soviet-Hungarian Volume)*. Moscow: Nauka, 69—106 (in Russian).
- Dubov, I. V. 1982. *Severo-Vostochnaia Rus' v epokhu ranego srednevekov'ia (istoriko-arkheologicheskie ocherki) (North-Eastern Rus' in Early Middle Ages (Historical-Archaeological Sketches))*. Leningrad: LGU (in Russian).
- Duchits, L. U. 1991. *Braslauskae Paazer'e ü IX—XIII st. (Historyka-arkhealyahichny narys) (Braslav Poozerye (Lake Area) in 9th—13th cc. (Historical-Archaeological Sketch))*. Minsk (in Belorussian).
- Duchits, L. U. 1994. In *Histarychna-arkhealahichny zbornik (Historico-archaeological compilation)* (3). Minsk, 122—131 (in Belorussian).
- Eniosova, N. V. 2007. In *U istokov russkoi gosudarstvennosti (The Origins of the Russian Statehood)*. Veliky Novgorod; Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin, 307—315 (in Russian).
- Enukov, V. V. 1990. *Rannie etapy formirovaniia smolenskopolotskikh krivichei (po arkheologicheskim materialam) (Early Stages in Development of Smolensk-Polotsk Krivichi (by archaeological materials))*. Moscow: Kurskii pedagogicheskii institut (in Russian).
- Zagorulsky, E. M. 1982. *Vozniknovenie Minska (Emergence of Minsk)*. Minsk: Belorusskii universitet (in Russian).
- Zakharov, S. D. 2004. *Drevnerusskii gorod Beloozero (Old Russian Town of Beloozero)*. Moscow: Indrik (in Russian).
- Zayats, Yu. A. 1985. In *Pomniki kul'tury: Novyya adkrytsi (Cultural Sites: New Discoveries)*. Minsk: Navuka i tekhnika, 183—190 (in Belorussian).
- Zayats, Yu. A. 1995. *Zaslavl' v epokhu feodalizma (Zaslavl during Feudalism)*. Minsk: Nauka i tekhnika (in Russian).
- Zotsenko, V. M. 2004. In *Starodavnii Iskorosten' i slov'ians'ki gradi VIII—X st. (Ancient Iskorosten' and Slavic Towns of 8th—10th cc.)*. Kiev: Korvin-Press, 87105 (in Ukrainian).
- Ivakin, G., Kozyuba, V. 2003. In *Druzhyntsi starozhytnosti Tsentral'no-Skhidnoi Yevropy VIII—IX st. (Retinue Antiquities of Central-Eastern Europe in 8th—9th cc.)*. Chernihiv: Siverians'ka dumka (in Ukrainian).
- Iov, O. V., Ryabtsevich, V. N. 2002. In *Klady: sostav, khronologiia, interpretatsiia (Hoards: Composition, Chronology, Interpretation)*. Saint Petersburg: SPbGU, 164—175 (in Russian).
- Kainov, S. Yu. 1999. In *Rannesrednevekovye drevnosti severnoi Rusi i ee sosedei (Early Medieval Antiquities of Northern Rus' and its Neighbors)*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 49—62 (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1966. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 1. *Mechi i sabli IX—XIII vv. (Swords and Sabers of 9th—13th cc.)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36 (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1966a. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 2. *Kop'ia, sulitsy, boevye topory, bulavy, kisteny IX—XIII vv. (Spears, Lances, War Axes, Maces, Flails of 9th—13th cc.)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36 (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1971. *Drevnerusskoe oruzhie (Early Russian Weapons)* 3. *Dospek, kompleks boevykh sredstv IX—XIII vv. (Armor, a Set of War Outfit of 9th—13th cc.)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36 (in Russian).
- Kirpichnikov, A. N. 1973. *Snariazhenie vsadnika i verkhovogo konia na Rusi IX—XIII vv. (Munition of Horseman and Riding Horse in Rus' of 9th—13th cc.)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36 (in Russian).
- Kletnova, E. 1912. *Raskopki po rr. Viaz'me i Os'me (Excavations on the Vyazma and Osma Rivers)*. Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 1. №192.
- Kovalevsky, S. D. 1977. *Obrazovanie klassovogo obshchestva i gosudarstva v Shvetsii (Development of a Class Society and State in Sweden)*. Moscow: Nauka (in Russian).

- Kolchin, B. A. 1953. *Chernaia metallurgii i metallobrabotka v drevnei Rusi (Domongol'skii period) (Iron and Steel Metallurgy and Metal Processing in Early Rus' (Pre-Mongol Period))*. Materialy i issledovaniia po arkheologii (Materials and Researches in Archaeology) 32. Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Kolchin, B. A. 1959. In *Trudy Novgorodskoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Papers of the Archaeological Expedition in Southern Turkmenistan)* II. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Researches on the Archaeology of USSR) 65, 25—29.
- Komarov, K. I. 1995. In *Soobshcheniia Rostovskogo muzeia (Reports of the Rostov Museum)* VIII. Rostov: GMZ "Rostovskii kreml'", 137—172 (in Russian).
- Komarov, K. I. 2003. In *Istoriia i kul'tura Rostovskoi zemli (History and Culture of Rostov Land)*. Rostov: GMZ "Rostovskii kreml'", 509—515 (in Russian).
- Korzukhina, G. F. 1954. *Russkie klady IX—XIII vv. (Russian Hoards of 9th—13th cc.)*. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Korzukhina, G. F. 1971. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 125, 59—64 (in Russian).
- Kochkurkina, S. I., Linevsky, A. M. 1985. *Kurgany letopisnoi vesi X — nachala XIII veka (Barrows of Chronicles' Ves' of 10th — early 13th cc.)*. Petrozavodsk (in Russian).
- Kryganov, A. V. 1990. In *Voennoe delo drevnego i srednevekovogo naseleniia Severnoi i Tsentral'noi Azii (Warfare of Ancient and Medieval Population of Northern and Central Asia)*. Novosibirsk: Nauka, 71—80 (in Russian).
- Kudriashov, A. V. 2003. In *Arkheologiya: istoriia i perspektivy (Archaeology: History and Perspectives)*. Yaroslavl: IA RAN; Iaroslavskii muzei-zapovednik, 148—160 (in Russian).
- Kuzmin, S. L., Mikhailova, E. R., Sobolev, V. Yu., Tarasov, I. I., Shmelev, K. V. 2007. In *Novgorod i Novgorodskaiia zemlia: istoriia i arkheologiya (Novgorod and Novgorod Land: History and Archaeology)* 21. Veliky Novgorod: Novgorodskii muzei-zapovednik (in Russian).
- Kuzmin, S. L., Mikhailova, E. R. 1997. In *Trudy VI Mezhdunarodnogo Kongressa slavianskoi arkheologii (Proceedings of VI International Congress of Slavic Archaeology)* 3. *Etnogenez i etnokul'turnye kontakty slavian (Ethnogenesis and Ethno-Cultural Contacts of Slavs)*. Moscow: "Fond arkheologii", 138—146 (in Russian).
- Kulakov, V. I. 1990. *Drevnosti prussov VI—XIII vv. (Prussian Antiquities of 6th—13th cc.)*. Svod arkheologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) G1—9 (in Russian).
- Lebedev, G. S. 1985. *Epokha vikingov v Severnoi Evrope (Vikings' Time in Northern Europe)*. Leningrad: LGU (in Russian).
- Levasheva, V. P. 1967. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 43, 7—54. (in Russian).
- Levasheva, V. P. 1967. In *Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum)* 43, 207—247 (in Russian).
- Leontiev, A. E. 1976. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (2), 33—44 (in Russian).
- Leontiev, A. E. 1996. *Arkheologiya meri. K predistorii Severo-Vostochnoi Rusi (Merya Archaeology. Towards Pre-History of North-Eastern Rus')*. *Arkheologiya epokhi velikogo pereseleniia narodov i rannego srednevekov'ia (Archaeology of the Great Migrations and Early Middle Ages)* 4. Moscow: Geoko (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1981. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkheologii Akademii nauk SSSR (Brief Reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 164, 52—58 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1984. In *Arkheologicheskoe izuchenie Novgorodskoi zemli (Archaeological Study of Novgorod Land)*. Leningrad: LGU, 118—153 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1989. In *XI vsesoiuznaia konferentsiia po izucheniiu istorii, ekonomiki, literatury i iazyka skandinavskikh stran i Finliandii (XI All-Union Conference on Study of History, Economy, Literature and Language of Scandinavian Countries and Finland)*. Moscow: II SSSR AN SSSR, 157—159 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1989. In *Novgorod i Novgorodskaiia zemlia: istoriia i arkheologiya (Novgorod and Novgorod Land: History and Archaeology)* 2. Veliky Novgorod, 82—87 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1990. In *Materialy po arkheologii Novgorodskoi zemli. 1988 (Materials on Archaeology of Novgorod Land. 1988)*. Veliky Novgorod, 29—98 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1995. In *Chetniia pamiati N. E. Brandenburga (1839—1903) (N. E. Brandenburg's Readings (1839—1903))* 8. Saint Petersburg, 194—209 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1995. In *Ladoga i Severnaia Rus' (Ladoga and Northern Rus')*. Saint Petersburg, SIAAMZ, 45—47 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1996. In *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura (Jeweler's Art and Material Culture)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 35—37 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1996. In *Arheologia Petropolitana 1*. Saint Petersburg, 52—65 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 1999. In *Bar'er (Barrier)* 5 (1), 104—110 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 2003. In *Iuvelirnoe iskusstvo i material'naia kul'tura (Jeweler's Art and Material Culture)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh, 70—75 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 2004. In *XV konferentsiia po izucheniiu istorii, ekonomiki, literatury i iazyka Skandinavskikh stran i Finliandii (XV Conference on Study of History, Economy, Literature and Language of Scandinavian Countries and Finland)*. Moscow: Institut vseobshchei istorii RAN, 233—236 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 2006. In *Slaviano-russkoe iuvelirnoe delo i ego istoki (Slavic-Russian Jewelry and its Origins)*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 86—89 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 2008. In *Drevnosti Izhorskoj zemli (Izhora Land Antiquities)*. *Arkheologicheskoe nasledie Sankt-Peterburga. (Archaeological Heritage of Saint-Petersburg)* 2. Saint Petersburg: IIMK RAN; SZIN, 33—73 (in Russian).
- Lesman, Yu. M. 2008. In *Naukovi zapysky z ukrainskoi istorii (Scientific Notes on Ukrainian History)* 20. Pereiaslav-Khmelnytskyi, 124—147 (in Russian).
- Lesman, Yu. M., Oleinikov, O. M. 1996. In *XIII konferentsiia po izucheniiu istorii, ekonomiki, literatury i iazyka Skandinavskikh stran i Finliandii (XIII Conference on Study of History, Economy, Literature and Language of Scandinavian Countries and Finland)*. Moscow; Petrozavodsk, 180—183 (in Russian).
- Lysenko, P. F. 1985. *Berest'e (Berestyte)*. Minsk: Nauka i tekhnika (in Russian).
- Lysenko, P. F. 1991. *Dregovichi (Dregovichi)*. Minsk: Nauka i tekhnika (in Russian).
- Lvov, A. S. 1975. *Leksika "Povesti vremennykh let" (Lexics of the "Tale of Bygone Years")*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Lyapushkin, I. I. 1958. In *Trudy Volgo-Don'skoi arkheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Volga-Don Archaeological Expedition)* I. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Researches on the Archaeology of USSR) 62, 85—150 (in Russian).
- Lyavdanskii, A. N. 1930. In *Zapiski addzlu humanitarnykh navuk Belaruskoi akademii navuk (Proceedings of the Humanitarian Division of the Belarussian Academy of Sciences)*. Book 2. *Pratsy Arkheolehichnaj kamissii (Proceedings of the Archaeological Commission)* II. Minsk, 165—166 (in Belarussian).
- Lyavdanskii, A. N. 1932. In *Pratsy Sekt'syi arkheolehii, Belaruskaya akademiya navuk, ynstytut ystoriyi (Proceedings of Archaeological Section of the Belarussian Academy of Sciences, Institute of History)* III. Minsk (in Belarussian).
- Makarov, N. A. 1990. *Naselenie russkogo Severa v XI—XIII vv.: Po materialam mogil'nikov vostochnogo Prionezh'ia (Population of the Russian North in 11th—13th cc.: by materials of graveyards of Eastern Onega)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Makarov, N. A. 1992. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (2), 41—56 (in Russian).
- Makarov, N. A. 1997. *Kolonizatsiia severnykh ukrain Drevnei Rusi v XI—XIII vekakh. Po materialam arkheologicheskikh pa-*

- miatnikov na volokakh Belozher'ia i Poonezh'ia (*Colonization of Northern Margins of the Early Rus' in 11th—13th cc. By materials from archaeological sites on the carry of Belozero and Onega*). Moscow: Skriptorii (in Russian).
- Medvedev, A. F. 1959. *Oruzhie Novgoroda Velikogo (Weapon of Great Novgorod)*. Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Researches on the Archaeology of USSR) 65 (in Russian).
- Medvedev, A. F. 1966. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk i strely, samostrel) VIII—XIV vv. (Hand Missile Weapons (bow and arrows, crossbow) of 8th—14th cc.)*. Svod arkhologicheskikh istochnikov (Corpus of Archaeological Sources) E1—36 (in Russian).
- Minasian, R. S. 1980. In *Arheologicheskii sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha (Archeological Bulletin of the State Hermitage Museum)* 21, 68—74 (in Russian).
- Mikhailova, E. R., Kuz'min, S. L. 1994. In *Drevnii Pskov: Issledovaniia srednevekovogo goroda (Early Pskov: Studies of Medieval Town)*. Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).
- Mongait, A. L. 1955. *Staraiia Riazan' (Old Riazan')*. Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Researches on the Archaeology of USSR) 49 (in Russian).
- Motsia, A. P. 1990. In *Problemy arkhologii Iuzhnoi Rusi (Issues of Archaeology of Southern Rus')*. Kiev: Naukova dumka, 99—107 (in Russian).
- Mugurevich, E. S. 1965. *Vostochnaia Latvii i sosednie zemli v X—XIII vv. Ekonomicheskie sviazi s Rus'iu i drugimi territoriiami. Puti soobshcheniia (Eastern Latvia and Neighboring Lands in 10th—13th cc. Economic Ties with Rus' and Other Territories. Communication Routes)*. Riga: Zinatne (in Russian).
- Murashova, V. V. 2000. *Drevnerusskie remennye nabornye ukrasheniia (X—XIII vv.) (Early Russian Builtup Belt Decoration (10th—13th cc.))*. Moscow: Editorial URSS (in Russian).
- Musin, A. E. 1997. *Khristianskie drevnosti srednevekovoi Rusi IX—XIII vv. (po materialam pogrebal'nykh pamiatnikov na territorii Novgorodskoi zemli) (Christian Antiquities of Medieval Rus' of 9th—13th cc. (by materials of funeral sites on the territory of Novgorod Land))*. Saint Petersburg (in Russian).
- Nazarenko, V. A. 1985. In *Srednevekovaia Ladoga. Nove arkhologicheskie otkrytiia i issledovaniia (Medieval Ladoga. New Archaeological Discoveries and Research)*. Leningrad: Nauka, 160—175 (in Russian).
- Nedoshivina, N. G. 1963. In *Iaroslavskoe Povolzh'e X—XI vv. Po materialam Timerevskogo, Mikhailovskogo i Petrovskogo mogil'nikov (Iaroslav Volga Region in 10th—11th cc. By Materials of Timeryovo, Mikhailovsky and Petrovsky Graveyards)*. Moscow: GIM; Iaroslavskii muzei-zapovednik, 55—62 (in Russian).
- Nedoshivina, N. G. 1967. In *Ocherki po istorii russkoi derevni X—XIII vv. (Sketches on History of the Russian Village of 10th—13th cc.)*. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 43, 253—274 (in Russian).
- Nedoshivina, N. G. 1991. In *Materialy po srednevekovoi arkhologii Severo-Vostochnoi Rusi (Materials on Medieval Archaeology of North-Eastern Rus')*. Moscow, 165—181 (in Russian).
- Nefedov, V. S. 2007. *Arkhologicheskaia karta Rossii. Tverskaia oblast' (Archaeological Map of Russia. Tver Oblast)* 2. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Nechitalo, V. V. 2000. *Katalog khristians'kikh nagrudnikh virobiv mistetstva periodu Kiivs'koi Rusi (X — persha polovina XIII st.) (Catalog of Christian Badges Manufactured in Kiev Rus' (10th — first half of 13th cc.))*. Kiev: Maksim (in Ukrainian).
- Novikova, G. L. 1991. In *Smolensk i Gnezdovo (k istorii drevnerusskogo goroda) (Smolensk and Gnezdovo (towards a history of the old Russian town))*. Moscow: MGU (in Russian).
- Novikova, G. L. 1998. In *Istoricheskaia arkhologiya: Traditsii i perspektivy (Historical Archaeology: Traditions and Perspectives)*. Moscow, 165—174 (in Russian).
- Nosov, E. N. 1990. *Novgorodskoe (Riurikovo) gorodishche*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Nudelman, A. A. 1967. *Topografiia kladov i nakhodok edinichnykh monet (Topography of Hoards and Finds of Isolated Coins)*. Arkheologicheskaiia karta Moldavskoi SSR (Archaeological map of Moldavian SSR) 8. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Nudelman, A. A. 1985. *Ocherki istorii monetnogo obrashcheniia v Dnestrovsko-Prutskom regione (S drevneishikh vremen do obrazovaniia feodal'nogo Moldavskogo gosudarstva) (Sketches on History of Monetary Circulation in Dniester-Prut Region (from the earliest time to the Moldovan feudal state))*. Kishinev: Shtiintsa (in Russian).
- Pasternak, Ya. 1998. *Starii Galich. Arkheologichno-istorichni doslidi u 1850—1943 rr. (Old Galich. Archaeological-Historical Studies of 1850—1943)*. Ivano-Frankovsk: Plai (in Russian).
- Povest' vremennykh let (Tale of Bygone Years)*. 1950. Vol. I. Moscow; Leningrad: AN SSSR (in Russian).
- Penyak, S. I. 1980. *Rann'oslov'yans'ke i davn'orus'ke naselelnyya Zakarpattia VI—XIII st. (Early Slavic and Old Russian Population of Trans-Carpathian Region in 6th—13th cc.)*. Kiev: Naukova dumka (in Ukrainian).
- Petersen, Ya. 2005. *Norvezhskie mechi epokhi vikingov. Tipokhronologicheskoe izuchenie oruzhiia epokhi vikingov (Norwegian Swords of the Vikings' Time. Typological and Chronological Study of the Viking Time's Weapons)*. Saint Petersburg: Al'faret (in Russian).
- Petrov, M. I. 2006. In *Novgorod i Novgorodskaiia zemlia. Istorii i arkhologiya (Novgorod and Novgorod Land. History and Archaeology)* 20. Veliky Novgorod, 171—178 (in Russian).
- Pivovarchik, S. A. 1994. In *Historychna-arkhealohichny zbornik (Historico-archaeological Compilation)* 3. Minsk, 10—21 (in Russian).
- Plavinski, M. A. 2006. *Klinkovaya zbroya X—XIII na terytorii Belarusi (Bladed Weapons in 10th—13th cc. in Belarus)*. Minsk: Instytut historyi NAN Belarusi (in Belorussian).
- Platonova, N. I. 2002. In *Ladoga i ee sosedii v epokhu srednevekov'ia (Ladoga and its Neighbors in the Middle Ages)*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 181—195 (in Russian).
- Priimak, V. V., Osadchii, E. N. 2005. In *Dnepro-donskoe mezhdurech'e v epokhu rannego srednevekov'ia (Dnieper-Don Interfluvium in Early Middle Ages)*. Voronezh: VGU, 68—76.
- Put' iz variag v greki i iz grek... (Route from the Varangians to the Greeks and from the Greeks...)*. 1996. Katalog vystavki (Exhibition catalogue). Moscow: Gosudarstvennyi istoricheskii muzei.
- Pushkina, T. A. 1997. In *Arkhologicheskii sbornik. Pogrebal'nyi obriad (Archaeological Collection of Papers. Funeral Rite)*. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 93. Moscow: GIM, 122—133 (in Russian).
- Ravdina, T. V. 1988. In *Srednevekovye pamiatniki Dnestrovsko-Prutskogo mezhdurech'ia (Medieval Sites of the Dniester-Prut Interfluvium)*. Kishinev: Shtiintsa, 54—71 (in Russian).
- Radiš, A. 2001. In *Archaeologia Litwana* 2. Vilnius, 65—118 (in Russian).
- Rappoport, P. A. 1959. In *Trudy Volgo-Donskoi arkhologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Volga-Don Archaeological Expedition)* II. Materialy i issledovaniia po arkhologii SSSR (Materials and Researches on the Archaeology of USSR) 75, 9—39 (in Russian).
- Rozenfel'dt, R. L. 1967. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arkhologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 110, 106—109 (in Russian).
- Rybakov, B. A. 1932. In *Pratsy Sektysii arkholehii (Proceedings of Archaeological Section)* III. Minsk: II BAN, 81—151 (in Belorussian).
- Rybakov, B. A. 1948. *Remeslo drevnei Rusi (Crafts in Early Rus')*. Moscow: AN SSSR (in Russian).
- Ryndina, N. V. 1963. In *Nove metody v arkhologii (New Methods in Archaeology)*. Trudy Novgorodskoi arkhologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of Novgorod Archaeological Expedition) III. Materialy i issledovaniia po arkhologii

- SSSR (Materials and Researches on the Archaeology of USSR) 117, 200—268 (in Russian).
- Ryabinin, E. A. 1985. In *Srednevekovaiia Ladoga. Novye arheologicheskie otkrytiia i issledovaniia (Medieval Ladoga. New Archaeological Discoveries and Research)*. Leningrad: Nauka, 28—76 (in Russian).
- Ryabinin, E. A. 1986. *Kostromskoe Povolzh'e v epokhu srednevekov'ia (Volga at Kostroma Area in Middle Ages)*. Leningrad: Nauka (in Russian).
- Ryabinin, E. A. 1995. In *Drevniaia Rus': novye issledovaniia (Early Rus': New Research)*. *Slaviano-russkie drevnosti (Slavic-Russian Antiquities)* 2. Saint Petersburg, 81—102 (in Russian).
- Ryabinin, E. A. 1999. In *Rannesrednevekovye drevnosti severnoi Rusi i ee sosedei (Early Medieval Antiquities of Northern Rus' and Its Neighbors)*. Saint Petersburg: IIMK RAN, 180—191 (in Russian).
- Ryabinin, E. A. 2001. *Vod'skaia zemlia Velikogo Novgoroda (rezul'taty arheologicheskikh issledovaniĭ 1971—1991 gg.) (Vod' Land in Great Novgorod (results of archaeological studies in 1971—1991))*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin (in Russian).
- Savin, N. I. 1930. In *Pratsy Arkheolehichnaj komisii (Proceedings of the Archaeological Commission)* II. Minsk (in Belorussian).
- Saracheva, T. G. 2003. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology)* (4), 102—115 (in Russian).
- Sedov, V. V. 1970. *Slaviane Verkhnego Podneprov'ia i Podvin'ia (Slavs of the Upper Dnieper and Dvina Areas)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Sedov, V. V. 1982. *Vostochnye slaviane v VI—XIII vv. (Eastern Slavs in 6th—13th cc.)*. *Arkheologiiia SSSR (Archaeology of the USSR)* 14. Moscow: Nauka (in Russian).
- Sedov, V. V. 1994. *Ocherki po arheologii slavian (Sketches on Archaeology of Slavs)*. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Sedov, V. V. 1995. *Slaviane v rannem srednevekov'e (Slavs in Early Middle Ages)*. Moscow: NBPO «Fond arheologii» (in Russian).
- Sedov, V. V. 2000. In *Arkheologiiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land)*. Pskov: POMZ, 186—190 (in Russian).
- Sedov, V. V. 2000. In *Rossiiskaia Arkheologiiia (Russian Archaeology)* (1), 7—32 (in Russian).
- Sedov, V. V. 2002. *Izborsk — protogorod (Izborsk: a Proto-Town)*. Moscow: IA RAN (in Russian).
- Sedov, V. V. 2007. *Izborsk v rannem srednevekov'e (Izborsk in Early Middle Ages)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Sedova, M. V. 1981. *Iuvelirnye izdeliia drevnego Novgoroda (X—XV vv.) (Jewelry of Old Novgorod (10th—15th cc.))*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Sedova, M. V. 1997. *Suzdal' v X—XV vekakh (Suzdal in 10th—15th cc.)*. Moscow: Russkii mir (in Russian).
- Sedova, M. V. 2001. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 212, 23—32 (in Russian).
- Sergeeva, L. E. 1986. In *Zemlia Pskovskaia, drevniaia i sotsialisticheskaiia (Pskov Land, Old and Socialist)*. Pskov: POMZ, 35—36 (in Russian).
- Slozhenie russkoi gosudarstvennosti v kontekste rannesrednevekovoi istorii Starogo Sveta (Development of Russian Statehood in the Context of Early Medieval History of the Old World)*. 2009. *Trudy Gosudarstvennogo Ermitazha (Proceedings of the State Hermitage Museum)* XLIX. Saint Petersburg, 569—571, 587—588 (in Russian).
- Sobolev, V. Yu. 1997. In *Pamiatniki stariny. Kontseptsii. Otkrytiia. Versii (Antiquities. Concepts. Discoveries. Versions)* II. Saint Petersburg; Pskov: IIMK RAN, POMZ, 272—277 (in Russian).
- Sobolev, V. Yu. 1997. In *Konferentsiia po izucheniiu skandinavskikh stran i Finliandii (Conference on Studies of Scandinavian Countries and Finland)*. Petrozavodsk: Institut vseobshchei istorii RAN, 183—185 (in Russian).
- Sobolev, V. Yu. 2000. In *Arkheologiiia i istoriia Pskova i Pskovskoi zemli (Archaeology and History of Pskov and Pskov Land)*. Pskov: POMZ, 103—107 (in Russian).
- Soloviova, G. F. 1971. In *Kratkie soobshcheniia Instituta arheologii Akademii nauk SSSR (Brief reports of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of USSR)* 125, 65—68 (in Russian).
- Sorokin, S. S. 1959. In *Trudy Volgo-Don'skoi arheologicheskoi ekspeditsii (Proceedings of the Volga-Don Archaeological Expedition)* II. Materialy i issledovaniia po arheologii SSSR (Materials and researches on the archaeology of USSR) 75, 135—199 (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1892. *Delo Imperatorskoi Arkheologicheskoi Komissii o raskopkakh Chlena Komissii A. Spitsyna i prof. Kazanskogo Universiteta Smirnova v drev. Mordovskoi oblasti i pervogo vo Dorogobuzhskom u. Smolenskoj gub. (Case of the Royal Archaeological Commission on Excavations by A. Spitsyn, Commission Member, and Smirnov, Professor of Kazan University, of the Antiquities of Mordovia Oblast, and by the Former in Dorogobuzhsky County of Smolensk Province)*. Arkhiv Instituta istorii material'noi kul'tury Rossiiskoi Akademii nauk (Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences). F. 1. Op. 1. D. 94 (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1893. *Drevnosti Severo-Zapadnogo kraia (Antiquities of North-Western Land)*. Vol. I. Issue 2. *Liutinskii mogil'nik (Lucyn Graveyard)*. Materialy po arheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia) 14. Saint Petersburg: Tipografiia Glavnogo Upravleniia Udelov (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1896. *Kurgany S.-Peterburgskoi gubernii v raskopkakh L. K. Ivanovskogo (Barrows of S.-Peterburg Gubernia in L. K. Ivanovsky's Excavations)*. Materialy po arheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia) 20. Saint Petersburg: Tipografiia Glavnogo Upravleniia Udelov (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1899. *Rasselenie drevnerusskikh plemen po arheologicheskim dannym (Settlement of the Early Russian Tribes by Archaeological Data)*. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniia (Magazine of the Ministry of Public Education)* VIII. Saint Petersburg: Tipografiia «V. S. Balashev i K^o» (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1903. *Gdovskie kurgany v raskopkakh V. N. Glazova (Gdov Barrows in V. N. Glazov's Excavations)*. Materialy po arheologii Rossii (Materials on the archaeology of Russia) 29. Saint Petersburg: Tipografiia Glavnogo Upravleniia Udelov (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1904. In *Izvestiia Imperatorskoi arheologicheskoi komisii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)* 6. Saint Petersburg, 6—11 (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1905. In *Izvestiia Imperatorskoi arheologicheskoi komisii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)* 15. Saint Petersburg, 1—5 (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1905. In *Izvestiia Imperatorskoi arheologicheskoi komisii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)* 15. Saint Petersburg, 6—70 (in Russian).
- Spitsyn, A. A. 1905. In *Izvestiia Imperatorskoi arheologicheskoi komisii (Reports of the Imperial Archaeological Commission)* 15. Saint Petersburg, 84—172 (in Russian).
- Sreznevsky, I. I. 1989. *Slovar' drevnerusskogo iazyka (Dictionary of the Old Russian Language)*. Vol. III. P. 1. Moscow: Kniga (in Russian).
- Sreznevsky, I. I. 1989. *Slovar' drevnerusskogo iazyka (Dictionary of the Old Russian Language)*. Vol. III. P. 2. Moscow: Kniga (in Russian).
- Staraiia Ladoga — drevniaia stolitsa Rusi (Staraya Ladoga, the Old Capital of Rus')*. 2003. Katalog vystavki (Exhibition catalogue). Saint Petersburg: Gosudarstvennyi Ermitazh (in Russian).
- Tvorogov, O. V. 1984. *Leksicheskiĭ sostav «Povesti vremennykh let» (slovoukazateli i chastotnyi slovnik) (Lexics of the "Tale of Bygone Years" (word index and frequency word book))*. Kiev: Naukova dumka (in Russian).
- Terekhova, N. N., Rozanova, L. S., Zavyalov, V. I., Tolmacheva, M. M. 1997. *Ocherki po istorii drevnei zhelezobraboťki v Vostochnoi Evrope (Sketches on History of the Ancient Iron Processing in Eastern Europe)*. Moscow: Metallurgiiia (in Russian).

- Tretyakov, P. N. 1937. In *Sovetskaia Arkheologija (Soviet Archaeology)* IV, 33—51 (in Russian).
- Tretyakov, P. N. 1947. In *Arkheolohiya (Archaeology)* I, 123—140 (in Ukrainian).
- Ukazatel' pamiatnikov Rossijskogo istoricheskogo muzeia (*Russian Historical Museum's Index of Sites*). 1893. Moscow: Tipografija Mamontova i K^o (in Russian).
- Uspenskaya, A. V. 1993. In *Srednevekovye drevnosti Vostochnoi Evropy (Medieval Antiquities in Eastern Europe)*. Trudy Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeia (Proceedings of the State Historical Museum) 82, 79—135 (in Russian).
- Fedorov, G. B. 1953. In *Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury (Brief Reports of the Institute for the History of Material Culture)* 50, 104—126 (in Russian).
- Fekhner, M. V., Nedoshivina, N. G. 1987. In *Sovetskaia Arkheologija (Soviet Archaeology)* (2), 70—89 (in Russian).
- Fekhner, M. V., Ianina, S. A. 1978. In *Voprosy drevnei i srednevekovoi arkheologii Vostochnoi Evropy (Issues of Ancient and Medieval Archaeology of Eastern Europe)*. Moscow: Nauka (in Russian).
- Khvoshchinskaia, N. V. 2004. *Finny na zapade Novgorodskoi zemli (po materialam mogil'nika Zalaktov'e) (Finns in the West of Novgorod Land (by materials of graveyard Zalaktovye))*. Saint Petersburg: RAN (in Russian).
- Khomutova, L. S. 1982. In *Drevniaia korela (Old Korela)*. Leningrad: Nauka, 188—208 (in Russian).
- Tsirkina, A. V. 1984. In *Sovetskaia Arkheologija (Soviet Archaeology)* (1), 123—133 (in Russian).
- Shadyro, V. I., Laskavyi, G. V. 1994. In *Historichna-arkheolohichny zbornik (Historico-archaeological compilation)* (4). Minsk, 217—224 (in Russian).
- Shendrik, N. I. 1958. In *Pratsy Kyivs'koho Derzhavnoho istoricheskoho muzeiu (Proceedings of Kiev State Historical Museum)* I. Kiev, 158—174 (in Ukrainian).
- Shinakov, E. A. 1995. In *Desninskie drevnosti 1994 (Desna Antiquities 1994)*. Bryansk: BGKM, 81—85 (in Russian).
- Shinakov, E. A. 1998. In *Istoricheskaja arkheologija. Traditsii i perspektivy (Historical Archaeology. Traditions and Perspectives)*. Moscow: MGU, 307—322 (in Russian).
- Schmidt, E. A. 1957. In *Materialy po istorii Smolenskoj oblasti (Materials on History of Smolensk Oblast)* 2. Smolensk, 184—290 (in Russian).
- Schmidt, E. A. 1963. In *Materialy po izucheniiu Smolenskoj oblasti (Materials for Study of Smolensk Oblast)* 5. Smolensk, 242—244 (in Russian).
- Shpilev, A. G. 2008. In Zorin, A. V., Starodubtsev, G. Iu., Shpilev, A. G., Shcheglova, O. A. *Ocherki istorii Kurskogo kraia s drevneishikh vremen do XVII v. (Sketches on History of Kursk Region from its Earliest Past to 17 c.)*. Kursk: Kurskii GPU, 276—330 (in Russian).
- Shtykhov, G. V. 1992. *Kryvichy: pa materialakh raskopok kurganov ŷ paŷnochnai Belarusi (Krivichi: by materials of excavations on barrows in Southern Belarus)*. Minsk: Navuka i tekhnika (in Belorussian).
- Shtykhov, G. V. 1978. *Goroda Polotskoi zemli (IX—XIII vv.) (Polotsk Land Towns (9th—13th cc.))*. Minsk: Nauka i tekhnika (in Russian).
- Arbman, H. 1937. *Schweden und das karolingische Reich. Studien zu den Handelsverbindungen des 9. Jahrhunderts*. Stockholm: Bokförlags Aktiebolaget Thule.
- Arbman, H. 1940. *Die Gräber*. Tafeln. Birka I. Uppsala: Almqvist & Wiksell.
- Armbruster, B. R. 2002. Goldschmiede in Haithabu — Ein Beitrag zum frühmittelalterlichen Metallhandwerk. *Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu. Bericht 34. Das archäologische Fundmaterial VII*. Neumünster.
- Arne, T. 1911. *Sveriges förbindelser med Ostern under Vikingatiden*. Fornvännen. Stockholm.
- Arwidsson, G. 1986. Die Eissporen. *Birka II* (2). Stockholm.
- Atgāzis, M. 1964. Latgāļu 9.-12. gs. Cirvij. *Arheologija un etnogrāfija VI*. Rīga, 105—125.
- Aspelin, J. R. 1877. *Antiquités du Nord Finno-Ougrien II. L'âge du fer: Antiquités Permiennes*. Helsingfors: Eidlund.
- Broberg, A. 1991. Religionsskrifte och sockenbildning i Norduppland. In: Ferm O. (red.). *Kyrka och socken i medeltidens Sverige*. Uppsala, 49—79.
- Callmer, J. 1989. Gegossene Schmuckhänger mit nordischer ornamentik. In: Arwidsson G. (ed.). *Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm: KVHAA, 19—42.
- Ciglis, J., Rādiņš, A. 2002. *Ludzas odulkauna kapulauka catalogs. Latvijas kultūrvēsturiskais matojums arzemju krātuvēs 1*. Rīga: Latvijas Nacionālais vēstures muzejs.
- Cinthio, M. 1976. Uppgrävt förflitet för PKbanken i Lund. En investering i arkeologi. *Archaeologica Lundsensia* 7. Lund: Kulturhistoriska museet, 307—316.
- Creutz, K. 2003. *Tension and Tradition. A study of Late Iron Age spearheads around the Baltic Sea*. Theses and Papers in Archaeology N. S. A8. Stockholm: Stockholm Univ.
- Davidan, O. I. 1992. Kunsthandwerkliche Gegenfunde des 8. bis 10. Jahrhunderts aus Alt-Ladoga (Sammlung des Staatlichen Ermitage in St. Petersburg). *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters*. Jahrgang 20. 1992. Bonn, 5—61.
- Duczko, W. 1985. *Birka V: The filigree and granulation work of the Viking period, an analysis of the material from Björko*. Stockholm: Almqvist and Wiksell.
- Edberg, R. 1999. Krigaramuletter från Rus i Sigtunas svarta jord. *Fornvännen*. Stockholm.
- Edberg, R. 2008. Nya fynd av miniatyryxor. *På väg mot Paradiset — arkeologisk undersökning i kvarteret Humlegården 3 i Sigtuna 2006*. Sigtuna.
- Eesti esiajalugu*. In: Jaanits, L. et al. (eds). Tallinn: Eesti Raamat.
- Eilbracht, H. 1999. *Filigran- und Granulationskunst im wikingischen Norden: Untersuchungen zum Transfer frühmittelalterlicher Gold- und Silberschmiedetechniken zwischen dem Kontinent und Nordeuropa*. Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. Beiheft 11. Köln: Rheinland-Verlag.
- Engel, K., La Baume, W. 1937. *Kulturen und Völker der Frühzeit im Preussenlande*. Königsberg.
- Jansson, I. 1984. Kleine Rundspangen. In: Arwidsson G. (ed.). *Birka II: 1. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm: KVHAA, 58—74.
- Jörpeland, L. B., Lindeblad, K., Lindh, M. 2000. *Vid Furisån-arknologi i Östra Aros*. Projekt uppdragsarkeologi. Rapport. Stockholm.
- Gintautaitė-Butėnienė, E., Butėnas, E. 2002. *Latvių kapinaynas. Lietuvos archeologija* 22, 9—198.
- Graham-Campbell, J. 1980. *Viking Artefacts: A Select Catalogue*. London: British Museum Publications.
- Gräslund, A.-S. 1991. Var begravdes bygdens första kristna? In: Ferm, O. (ed.). *Kyrka och socken i medeltidens Sverige: en samling uppsatser*. Studier till Det medeltida Sverige 5. Stockholm: Riksantikvarieämbetet Uppsala, 37—48.
- Gräslund, A.-S. 2001. *Ideologi och Mentalitet. Om religionsskiftet i Skandinavien från en arkeologisk horisont*. Opia 29. Uppsala: Institutionen för Arkeologi och Antik historia, Uppsala universitet.
- Hård, B. 1976. *Wikingertidliche Depotfunde aus Südschweden*. Acta Archaeologica Lundensia: seria in 4, no. 9. Bonn: R. Habelt; Lund: CWK Gleerup.
- Holmqvist, W. 1963. *Övergångstidens metallkonst*. Antikvariska serien 11. Stockholm; Göteborg; Uppsala.
- Katalog der Ausstellung zur Konferenz baltischer Archäologen in Riga 1930*. 1930. Riga.
- Kazakevičius, V. 1996. Topory bojowe typu M. Chronologia i pochodzenie na ziemiach Białych. In: Kurnatowska, Z. (ed.) *Słowiańszczyzna w Europie średniowiecznej 2*. Wrocław, 233—241.
- Korkeakoski-Väisänen, K. 1981. *Manner-Suomen viikinki- ja ristiretkiajan rannerenkaat ja niiden ornamentikka = Armband från vikinga- och korstågstad på Finlands fastland och deras ornamentik*. Karhunhammas 5. Turku: Turun yliopisto, kulttuurien tutkimuksen laitos, suomalainen ja vertaileva arkeologia.
- La Baume, W. 1941. Zur Technik der Verzierung ostpreussischen Waffen der Wikingerzeit. *Alt-Preussen* 6 (2), 22—29.
- La Baume, W. 1942. Bewaffnung und Tracht der Prussen auf den Reliefs der Gnesener Domtür. *Alt-Preussen* 7 (3), 34—43.
- Leany, K. 2003. *Anglo-Saxon Crafts*. Stround.
- Ligi, P. 1993. *Vadjapārased kalmed Kirde-Eesti* (9.—16. sajand). *Muinasaja teadus* 2. Tallinn, 7—152.
- Lindh, J., Brendalmsmo, J. 1982. *Funn fra en utgravning*. Tønsberg: Riksantikvaren. Utgravningskontoret for Tønsberg.

- Lyngstrøm, H. 1995. Knives from Late Iron Age in Denmark. In: Janssijn, I. (ed.). *Archaeology East and West of the Baltic. Papers from the Second Estonian — Swedish Archaeological Symposium Sigtuna, May 1991*. Stockholm: Universitetet i Stockholm, 79—82.
- Mägi-Lõugas, M. 1995. Eesti vikingiaegsed käevõrud ja nende ornament. *Eesti arheoloogia historiograafilisi, teoreetilisi ja kultuuriajaloolisi aspekte. Muinasaja teadus* (3). Tallinn: Teaduste Akadeemia Kirjastus, 271—325.
- Nadolski, A., Abramowicz, A., Poklewski, T. 1959. *Cmentarzysko z XI wieku w Lutomiarsku pod Łodzią, Łódź 1959*. Acta Archaeologica Universitatis Lodzianensis nr. 7. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich.
- Nerman, B. 1926. Archäologische Untersuchung bei Izborsk. *Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft*. 1924. Dorpat.
- Olshausen 1920. Amrum. Bericht über die Hügelgräber auf der Insel nebst einem Anhang über die Dünen. *Prähistorischen Zeitschrift. Ergänzungsband zu Jahrgang 1915—1918*. Berlin.
- Ørsnes, M. 1969. Südsandinavische Ornamentik in der jüngeren Germanischen Eisenzeit. *Acta Archeologica*. København. Vol. XL.
- Panasiewicz, W., Wołoszyn, M. 2002. Staroruskie miniaturowe toporiki z Gródka, pow. Hrubieszów. *Archeologia Polski XLVII* (1—2).
- Petersen, J. 1951. *Vikingetidens redskaper*. Oslo.
- Paulsen, R. 1956. *Axt und Kreuz in Nord und Osteuropa*. Bonn.
- Radiņš, A. 1999. 10.—13. gadsimta senkapi latgaļu adzīvotājiem Austrumlatvijas etniskās, sociālās un politikās vēstures jautājumi. *Latvijas Vēstures muzeja raksti* (5). Rīga.
- Rauhut, L. 1971. Wczesnośrednowieczne cmentarzysko w obudowie kamiennej na Mazowszu i Podlasiu. *Materiały starożytne i wczesnośrednowieczne* I.
- Rodgers, N. S. H. 1993. *Anglian and Other Finds from 46—54 Fishergate*. The Archaeology of York 17 (9). York.
- Roesdahl, E. 1977. *Fyrkat. En jysk Vikingeborg II. Oldsagerne og Gravpladsen*. København.
- Serning, I. 1956. *Lapska offerplatsfynd från järnålder och medeltid i de svenska lappmarkerna*. Stockholm.
- Skovmand, R. 1942. De danske Skattefund fra Vikingetiden og ældste Middelalder indtil omkring 1150. *Aarbøger for nordisk oldkyndighed og historie*. København.
- Staecker, J. 1999. *Rex regum et dominus minorum. Die wikingzeitlichen Kreuz- und Kruzifixanhänger als Ausdruck der Mission in Altdänemark und Schweden*. Stockholm.
- Stenberger, M. 1947. *Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Teil II. Fundbeschreibung und Tafeln*. Lund.
- Stenberger, M. 1958. *Die Schatzfunde Gotlands der Wikingerzeit. Teil I. Text*. Stockholm.
- Tallgren, A. M. 1925. *Zur Archäologie Eestis*. Bd. 2. Von 500 bis etwa 1250 n. Chr. Dorpat.
- Thunmark-Nylén, L. 1995. *Die Wikingerzeit Gotlands I. Abbildungen der Grabfunde*. Stockholm.
- Thunmark-Nylén, L. 1998. *Die Wikingerzeit Gotlands II. Typentafeln*. Stockholm.
- Thunmark-Nylén, L. 2006. *Die Wikingerzeit Gotlands III* (1). Text. Stockholm.
- Tönisson E. 1974. *Die Gaua-Liven und ihre materielle Kultur* (11. Jh. — Anfang 13. Jhs.). Tallinn.
- Wikström, A. 2008. Allmän genomgång. *På väg mot Paradiset — arkeologisk undersökning i kvarteret Humlegården 3 i Sigtuna 2006*. Sigtuna.
- Wilson, D. M. 1985. *The Bayeux Tapestry. The Complete Tapestry in Colour with Introduction, Description and Commentary*. London.
- Žulkus, V. 1997. Baltische Funde an den westlichen Ostseeküsten. *Archaeologia Baltica* 2. Vilnius.

Статья поступила в номер 16 марта 2014 г.

Yury Lesman. Candidate of Historical Sciences.

Yury Lesman. Candidat în științe istorice.

Лесман Юрий Михайлович. Кандидат исторических наук.